

Философия Права

№ 6 (79)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год

2016

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 30 сентября 1999 г.
Регистрационный номер ПИ 019290

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Немчина В. И., Соколов В. А., Пестов Р. А.

ИНДИВИДУАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА 7

Коваленко В. И.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ 11

Петракова А. С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 16

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Шатковская Т. В.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ КАК УСТОЙЧИВЫЙ ФАКТОР
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 21

Андреева О. А.

ДИАЛЕКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ
СТАБИЛЬНО-НЕСТАБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ 27

Бедрик А. В., Стукалова Д. Н.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТРОПОТОКОВ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ 32

Паламарчук С. А. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНИНА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	39
Казарян К. В., Литвинова Ю. И. ПРИНЦИПЫ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	45
Крючков С. В. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	49
Тягин И. Н. НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГОСУДАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ: ШТРИХИ К КОНЦЕПЦИИ	57
Еркеев И. Х., Фролова Н. А. К СООТНОШЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	63

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Крепкова И. А. СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1917 ГОДУ	68
Моисеев А. В. ОБРАЗ ВЕРСАЛЯ И ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛА ИСТОРИИ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ	75
Репьев А. Г. УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	82
Солдатов Б. Г. К ВОПРОСУ О РОЛИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ	89
Конгарев А. А. ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ И СМЫСЛА ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА РУССКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К НЕКЛАССИЧЕСКОМУ ТИПУ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	94

МАТЕРИАЛЫ XXI ДИМИТРОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ «1917–2017: УРОКИ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КРАЯ»

Овчинников А. И. ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ НАВСТВЕННОСТЬ»	100
Келеберда Н. Г., Тищенко Е. В. РОССИЙСКИЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА: ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА	107
Серегин А. В. ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА НАВСТВЕННОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ	114

Федоренко С. П. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ ПРИНЦИПОВ РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ	117
Фетисов Т. (протоиерей). ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ЗАВЕТАМ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА	122

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
А. С. Ханахмедов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
Г. Ч. Синченко, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Выпускающий редактор: И. А. Мосенцева
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 25.11.2016. Подписано к печати 26.12.2016. Выход в свет 27.12.2016.
Формат 60x84 1/8. Объем 16 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 15. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Nemchina V. I., Sokolov V. A., Pestov R. A.

INDIVIDUALIZATION OF SOCIAL IDENTITY IN POSTMODERN SOCIETY..... 7

Kovalenko V. I.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FREEDOM OF A PERSON 11

Petrakova A. S.

SOME ASPECTS OF THE PROBLEM OF PERSON IDENTIFICATION IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY 16

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF STATE LEGAL POLICY

Shatkovskaya T. V.

INTERNAL MIGRATION AS A FACTOR OF SUSTAINED PUBLIC EDUCATION OF THE RUSSIAN EMPIRE..... 21

Andreeva O. A.

DIALECTICS OF POLITICAL AND LEGAL RISKS IN THE CONDITIONS OF STABLE-UNSTABLE SOCIAL DEVELOPMENT: AN ANALYSIS OF CONCEPTUAL APPROACHES 27

Bedrik A. V., Stukalova D. N.

INSTITUTIONAL PRACTICES OF REGULATION OF ANTIPODALS AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE REGION 32

Palamarchuk S. A.

IMPLEMENTATION OF THE CITIZEN'S CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS ON THE INTERNET 39

Kazaryan K. V., Litvinova Yu. I.

PRINCIPLES OF THE MIGRATION PROCESS: THEORETICAL AND PRACTICAL AND LEGAL ANALYSIS 45

Kryuchkov S. V.

PROBLEMS OF FORMATION OF TOLERANT CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY 49

Tyapin I. N.

THE MORAL STATE AS A STATE OF JUSTICE: THE FINISHING TOUCHES TO THE CONCEPT 57

Erkeev I. Kh., Frolova N. A.

TO THE RELATION OF LAW IN THE ECONOMIC SPHERE AND ECONOMIC SECURITY 63

HISTORY OF THE PHILOSOPHY OF LAW

Krepkova I. A.

FORMATION OF PUBLIC ORDER PROTECTION BODIES IN THE NIZHNY POVOLZHE REGION IN 1917 68

Moiseev A. V.

IMAGE OF VERSAILLES AND THE PROBLEM OF THE LIMIT OF HISTORY IN THE «PHENOMENOLOGY OF SPIRIT» BY HEGEL 75

Repev A. G.

STUDIES ABOUT THE LEGAL BENEFITS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL THOUGHT 82

Soldatov B. G.

ON THE ROLE OF THE HUMANITARIAN DISCIPLINES IN TRAINING LEGAL PROFILE SPECIALISTS 89

Kontarev A. A. THE PROBLEM OF THE ESSENCE AND MEANING OF LAW IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION OF RUSSIAN LAW FROM CLASSICAL TO NON-CLASSICAL TYPE OF SCIENTIFIC RATIONALITY	94
---	----

**PAPERS OF XXI DIMITROV'S EDUCATIONAL LECTURES «1917–2017:
LESSONS OF DON REGION HISTORY»**

Ovchinnikov A. I. THE LEGAL FORMALIZATION OF THE CONCEPT OF «PUBLIC MORALITY»	100
Keleberda N. G., Tishchenko E. V. RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF THE FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF CREATIVITY: A PHILOSOPHICAL EVALUATION	107
Seregin A. V. APPLYING THE PRINCIPLE OF MORAL COMPARISON TO THE LEGAL QUALIFICATION OF EXTREMIST RELIGIOUS TEACHINGS	114
Fedorenko S. P. THE GEOPOLITICAL DOCTRINE OF RUSSIA ACCORDING TO THE PRINCIPLES OF THE DEVELOPMENT OF A MULTIPOLAR WORLD IN THE CONTEXT OF THE FIGHT AGAINST EXTREMISM	117
Fetisov T. (archpriest). CHURCH-STATE RELATIONS ON THE PRECEPTS OF THE HOLY PRINCE VLADIMIR	122

Немчина Вера Ивановна
Nemchina Vera Ivanovna

доцент кафедры регионалистики евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат социологических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Rationalistic of Eurasian Researches of the Institute of Sociology and Area Studies, Southern Federal University, PhD in Sociology, Associate Professor.
E-mail: nemchina@sfnedu.ru

Соколов Валерий Анатольевич
Sokolov Valery Anatolievich

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Political.
Тел.: 8(928) 270-82-80.

Пестов Роман Аркадьевич
Pestov Roman Arkadievich

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8(918) 592-78-28.

**ИНДИВИДУАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА**

Individualization of social identity in postmodern society

В статье рассматривается в качестве причины кризиса идентичности возникновение общества нового типа, характеризующегося новыми системами ценностей и моделями идентичности. Данное общество, полагают авторы, своими постмодернистскими форматами уже не может поддерживать постоянство идентификационного процесса и вынуждает индивида находиться в постоянном поиске и индивидуации своей идентичности.

Ключевые слова: кризис идентичности, постмодернистское общество, симулякр, индивидуация идентичности, игровая идентификация, фрагментация идентичности.

The article deals with the cause of identity crisis, the emergence of a new type of society with new value systems and therefore with new models of identity. This society, according to the authors, postmodern formats can not support the permanence of the identification process, and forces the individual to be in a constant search for and individuation of identity.

Keywords: identity crisis, post-modern society, simulacrum, individuation of identity, game identification, fragmentation of identity.

Общество постмодерна – качественно новое состояние общества. Его наступление первыми провозгласили Д. Белл и О. Тоффлер [1, с. 330–342; 2, с. 44], которые обозначили и описали суть изменений экономики, задающей формат трансформаций социальных подсистем.

Две главенствующие социальные подсистемы (система телекоммуникации и система образования), по мнению О. Тоффлера, первыми

претерпели качественные изменения, заключающиеся в том, что телекоммуникационные и информационные источники становятся определяющими социальными ресурсами общества, а образование превращается в важнейшую систему общества [2, с. 44], кроме того, становится не только сегментом сферы духовного воспитания и воспроизводства профессиональных кадров, но и важным социальным ресурсом.

сом существования общества, функционирования государства, его различных систем и структур. Образование выступает важнейшим фактором стратификации, социального и профессионального группообразования, статусной принадлежности, признаком социального успеха и престижа, неотъемлемым элементом социальной адаптации.

Вследствие этого меняется и вся система социальной организации общества, то есть возникает общество нового типа, имеющее новые ценности и модели идентичности. Это обусловлено тем, что сложившиеся базисные социальные идентификаторы модифицируются: отношения, связанные с собственностью, уже не являются главным социальным идентификатором, а социальные группы и классы не выступают основным признаком социальной стратификационной структуры.

В таком обществе происходит ряд коренных изменений. В частности, появляется новый тип социального управления: на смену централизованным и иерархизированным социальным институтам управления приходят сетевые структуры организации общества и социального управления. Исследователи отмечают такую важную тенденцию, как снижение роли бюрократических моделей управления и возрастание рыночной конкуренции.

Общество постмодерна, сформированное под воздействием в том числе указанных выше факторов, Ж. Бодрийар назвал гиперреальностью, которая возникает, когда сложившиеся культурные представления теряют связь с социальной реальностью [3, с. 65–66]. Представления, характеризующие данную реальность, предназначенные для того, чтобы обозначать ее объекты, приобретают статус автономности. Их называют симулякрами.

Существенные изменения наблюдаются и в сфере производства: расширенное производство для массового потребителя сменяется специализированным производством, что ведет к сегментации рынка. Возникает и развивается тенденция движения от монополистического капитализма к фрагментации товарно-денежных отношений, от массовизации к индивидуации.

Как индивидуацию, У. Бек характеризует то, что индивид в этом обществе постепенно утрачивает традиционные связи, такие как семейные взаимоотношения, контакты со своими знакомыми и близкими друзьями, партнерами, с соответствующей социальной группой.

Член нового общества становится все более автономным, его бытие атомизируется, он самостоятелен в выборе профессии, социальных связей и отношений, а соответственно, и в формировании собственной идентичности [4, с. 184].

Итак, индивидуация социальных отношений и индивидуация социальной идентичности – важная, но не единственная характерная черта общества нового типа, определяющая личное и социальное бытие индивида.

Исследователи отмечают, что такими характерными чертами общества нового типа являются локализация, фрагментация, плюралистичность. Локализация характеризует то, что сегменты общественного устройства, ранее тесно связанные и обусловленные системообразующей экономикой, становятся относительно независимыми друг от друга, локальными. Это касается политики, культуры, духовной жизни, образования, религиозной сферы, личной приватной жизни индивида, его досуга, отдыха и развлечений. Как пишет А. Турен, «...различные составляющие общества развиваются каждое в своем собственном направлении» [10, с. 195].

Соответственно, меняется и угол зрения на общество: оно уже не предстает как цельная система социальной интеграции и общепринятого социального контроля. Это множество локальных социальных сфер, дезинтегрированных и плюралистичных.

Исследование постмодернистского общества, как отмечает В. А. Козлова, требует иных методов, новой методологии. Данный вид социальности ученые называют «новой социальностью малых групп» [6].

В основе методологии анализа состояния постмодерна, с учетом доминирования симулякров, утверждает Е. В. Музыкаина, лежит представление о том, что господство искусственных моделей уже не позволяет различать слова и вещи [7]. Следовательно, главная идея постмодернистов – равноценность любых культурных форм.

В связи с этим с точки зрения постмодернистской методологии социальный мир видится как локализованный, децентрированный, фрагментированный. Он не является централизованно структурированным, хотя и неупорядоченным его назвать нельзя, но вместе с этим новый мир явным образом преодолел централизованный экономико-государственный детерминизм и соответствующие причинно-следственные связи.

В обществе постмодерна не действует всеобщий принцип системной и структурной организованности и упорядоченности. Сама социальная реальность выступает как множественность, которая включает в себя различные локальные и разрозненные элементы. Поэтому общество затруднительно рассматривать как систему скоординированных процессов: разрозненность самопроизвольных процессов создает картину некоего хаоса и бессистемности. Согласно этому модель такого общества, так называемый «проект Модерн», трактуется как распад ранее существовавшей целостности, системности и скоординированности. Все это позволяет оценивать постмодернистское состояние общества как кризисное явление.

Но то, что с точки зрения традиционного подхода видится как беспорядок и хаос, содержит в себе большой потенциал развития. Как отмечает французский социолог Ж.-Ф. Лиотар, такое состояние общества представляется наличием многообразия различных возможностей.

Существенные изменения произошли в сфере, в которой формируется социальная идентичность. Поскольку культура и образование стали одними из решающих факторов социализации, а соответственно, и идентификации, то культурная плюралистичность, социальная релятивизация, усиление поливалентности социальных ценностей и разрастающийся мультикультурализм справедливо считать определяющими признаками идентификации.

Сменились и механизмы идентичности: универсальная рациональная рефлексия уступила место эмоциональной сопричастности к групповым этническим и социальным ценностям. Как отмечает Н. Л. Вигель, в постмодернистском обществе индивид лишается целостности, то есть перестает осмысливаться равный самому себе, своему сознанию.

Сознание индивида, фрагментированное и разорванное, характеризуется несоответствием социальных и индивидуально-личностных параметров, локальных моделей поведения и сложившихся ранее ролевых стереотипов. Целостное Я размывается наличным фрагментированным и локальным опытом, характеризуется противоречивостью и нестабильностью. Это и есть зримое выражение кризиса идентичности в обществе постмодерна, как отмечает С. А. Толкачев.

Словенский культуролог и социальный философ С. Жижек называет утрату целостности социального индивида синдромом де-

центрированного субъекта [5]. Такой субъект, по словам автора, является «заигравшимся героем эпохи постмодерна». Сущность его заключается в отсутствии ценностной иерархии, плюральности ценностей, распаде целостного личностного Я на множество игровых акторов. Ж. Лакан называет идентичность такого субъекта «карнавальной маской» [10]. Игровая идентификация как карнавальная формула выражает двойственность символической и воображаемой идентификации. Соответственно, степень подлинности идентификации здесь остается под вопросом. С. Жижек на примере компьютерных игр показывает различие разных имиджей, в которых присутствуют те или иные подлинные черты персонального Я. Однако распознать их не представляется возможным.

На этом основании такие авторитеты в исследовании методологии постмодернизма, как М. Фуко и Р. Барт, заключают, что это характеризует «смерть субъекта», а самого индивида называют «негативным пространством».

В концепции Ж.-Ф. Лиотара утверждается, что индивид в настоящее время предоставлен сам себе. Поэтому идентификация есть, прежде всего, индивидуация [8, с. 65–66].

Говоря об общей тенденции индивидуации, он настаивает на полном разрыве всех социальных связей и указывает на переход к такому состоянию, в котором общество характеризуется как некоторая социальная масса, локальная и децентрализованная, состоящая из индивидуальных атомов-индивидов. Децентрированная личность, будучи лишенной своего цельного Я, существует как некая «изменяющаяся сумма состояний». Эти состояния она приобретает, получая сообщения, которые приходят к ней независимо от того, какую позицию занимает личность, взаимодействующая с отправителями этих сообщений и получателями, акторами, агентами, референтами. Она вступает с ними в языковую игру – принятие той или иной роли есть процесс идентификации. Само общество представляет собой некий минимальный набор таких языковых игр, в процессе которых формируются более или менее устойчивые социальные связи.

Таким образом, согласно рассмотренным подходам не существует стабильной, четко очерченной, зафиксированной идентичности. Идентичность фрагментируется, становится многополюсной, плюралистичной, мультикультурной. Указанные черты постмодернист-

ской идентичности многие исследователи называют кризисом идентичности, который выражается в следующем:

– в условиях общества постмодерна индивид не располагает наличными социальными условиями, которые дали бы ему возможность адекватно и целостно воспринимать самого себя;

– разрушается самоощущенность личности, она дефрагментируется;

– распадается целостное Я личности, и приобретает характер множества игровых ролей, ликов, клонов, симулякров, проявляется в тех или иных ситуациях;

– идентификация индивида замещается процессом позиционирования.

Говоря о кризисе идентичности постмодерна, исследователи увязывают данный процесс с резким изменением идентичности западного типа. Об этом пишут такие исследова-

тели, как В. А. Емелин, П. С. Гуревич и другие. С их точки зрения, сам по себе постмодернизм есть реакция на кризис идентичности культуры западного типа в условиях формирующегося информационного общества. Причины кризиса идентичности в современном российском обществе обусловлены тем, что возникает новый тип общества, общества, постоянно меняющегося, нестабильного, неуравновешенного, социальная динамика которого характеризуется возникновением таких ситуаций, которые являются выражением множественности социальностей общества, которое своими форматами уже не может поддерживать постоянство идентификационного процесса, в связи с чем индивид находится в постоянном поиске и индивидуации своей идентичности в условиях социальной неопределенности.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург, 2000.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; посл. А. Филиппова. М., 2000.
5. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014.
6. Козлова В. А. Человек и информационное общество в философии постмодерна // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1824>.
7. Музыкина Е. В. Постмодерн как генератор единства многообразия. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=7>.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.–СПб., 1998.
9. Пестов Р. А. Институты церковного права в государственно-конфессиональных отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
10. Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble? Paris, 1997.

Bibliography

1. Bell D. Social framework of information society // New technocratic wave in the West. Moscow, 1986.
2. Toffler A. The third wave. Moscow, 2010.
3. Bodryar J. In the shadow of the silent majority, or the end social / transl. from French of N. V. Suslov. Ekaterinburg, 2000.
4. Beck Yu. Risk Society. On the way to another modernity / transl. from German of V. Sedelnikov and N. Fedorova; last. of A. Filippov. Moscow, 2000.
5. Zhizhek S. The ticklish subject: the absent centre of political ontology. Moscow, 2014.
6. Kozlov V. A. The man and the information society in the philosophy of postmodernism // Humanitarian scientific researches. 2012. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1824>
7. Muzikhina E. V. Post-modern as the generator of the unity of diversity. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=7>.
8. Liotar Zh.-F. The postmodern Condition / transl. from French of N. A. Shmatko. Moscow–St. Petersburg, 1998.
9. Pestov R. A. Institutions of Church law in Church-state relations: abstract of dis. ... PhD in law. Rostov-on-Don, 2006.
10. Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble? Paris, 1997.

Коваленко Вера Ивановна
Kovalenko Vera Ivanovna

докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Doctoral Student of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: verafem@yandex.ru

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Philosophical and legal aspects of the freedom of a person

В статье рассматривается понятие личной свободы человека как междисциплинарной категории с научных позиций философии, психологии, юридической науки. Автор дифференцирует понятия «личная свобода» и «свобода личности» с точки зрения уголовно-правовой доктрины и криминологии. По мнению автора, личная свобода – это правоохраняемое благо, которое включает в себя внутреннее свободное осознаваемое и ощущаемое желание, побуждение человека и фактическую возможность реализации в реальной действительности свободы выбора поведения, передвижения, вида деятельности.

Ключевые слова: личная свобода, свобода личности, эксплуатация человека.

The article discusses the concept of personal freedom as an interdisciplinary category from the scientific standpoint of philosophy, psychology, jurisprudence. Author differentiate the concept of «personal freedom» and «freedom of personality» in criminal law doctrine and criminology. According to the author, personal freedom is pravoohraniteli benefit, which includes free internally perceived, felt the desire, the motivation of the person and the actual possibility of implementation in the reality of freedom of choice of behavior, of movement, of activity.

Keywords: personal freedom, individual liberty, exploitation of man.

В соответствии с основными принципами и нормами международного права «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и праве» (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека). Конституцией Российской Федерации провозглашено право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22).

Свобода – сложное многогранное явление, затрагивающее базовые ценности человека, которые на протяжении всего развития общества являлись объектом пристального внимания философов, юристов, экономистов, политиков, теологов, а также государственных деятелей и рядовых граждан. Особенность феномена свободы состоит в том, что это один из самых обсуждаемых, актуальных, животрепещущих вопросов, возникший именно в тот момент, когда человек впервые осознал себя личностью.

Понятие свободы – это прежде всего философская категория [8, с. 20]. Свобода трактуется как способность человека к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, в ходе которой он добивается поставленных перед собой це-

лей. Практическая реализация внутренней свободы личности осуществляется благодаря объективной возможности, или внешней свободе [17, с. 502].

Таким образом, свобода рассматривается нами в двух аспектах: как потенциальная, внутренне осознаваемая (идеальная составляющая) и объективно существующая реальная возможность ее реализации в конкретных условиях социальной действительности (материальная составляющая) путем активной деятельности или бездействия. Иными словами, мы выделяем идеальную, абстрактную (в воображении, сознании) и материальную (в действительности) формы представления и выражения свободы.

Свобода как психологическая категория отражает внутренние качества личности: ответственность, независимость, активность, принятие или отказ от свободы. В связи с этим свобода есть материальное выражение смысла жизни человека, и от того, каким образом ему удастся оценить и распорядиться этим благом, в конечном счете зависит то, как сложится его жизнь, будут ли реализованы главные цели и смысл его бытия.

Как в философских учениях и научных исследованиях по психологии, так и в юридической науке категория свободы неразрывно связана с проявлением свободы выбора и волеизъявления личности, фактической возможностью ее реализации. При этом в соответствии с уголовным законодательством свобода человека является одним из приоритетных объектов уголовно-правовой охраны от посягательств.

Однако необходимо подчеркнуть, что если в философии свобода рассматривается как одна из самых многоаспектных, базовых категорий, затрагивающих все стороны взаимоотношений человека и общества: свобода и личность, свобода и жизнь, свобода и общество, свобода и государство, свобода и независимость, свобода и эксплуатация, свобода и нравственность, а в психологии целепонимание свободы в большей степени сфокусировано на личности (ее сознании, поведении) и обществе (общественное сознание, общественная психология), то юридические подходы к толкованию понятия свободы строго очерчены и ограничены правовым полем ее реализации.

При этом, как справедливо отмечается в специальной литературе, понятие «личная свобода» не тождественно категории «свобода личности», которая значительно шире, объемнее по своему содержанию. «Личная (индивидуальная) свобода – обязательная, но лишь одна из форм проявления свободы личности; она осуществляется наряду с политической, экономической, социально-культурной и иными формами свободы человека и гражданина... Направленность юридических исследований свободы личности обусловлена задачами правовой науки и имеет своей целью познание проявлений свободы личности и возможности адекватного опосредования наиболее значимых из них с позиций государства и личности в правовых нормах и установление режима их реализации» [4, с. 10–11].

Необходимо отметить, что понятиям «свобода личности» и «личная свобода» уделено значительное внимание в специальной юридической литературе, поэтому мы остановимся на рассмотрении отдельных аспектов, прежде всего связанных с исследованием эксплуатации человека.

Следует обратить внимание на то, что в уголовном праве рассматриваемые понятия строго дифференцированы, а в криминологической науке они зачастую трактуются как равнозначные.

В связи с этим считаем возможным в рамках данной статьи употреблять термины «свобода человека», «свобода личности», «личная свобода» как тождественные, понимая, что рассмотрение их в юридическом контексте (как объекта посягательства при эксплуатации человека) предполагает прежде всего такую уголовно-правовую дефиницию, как «личная свобода человека».

В уголовно-правовой науке родовым объектом состава торговли людьми с целью эксплуатации является личность, рассматриваемая не только как биологический индивид, но и как существо социальное, субъект общественных отношений [16, с. 14], а в качестве основного непосредственного объекта состава торговли людьми с целью эксплуатации, по мнению большинства ученых [11, с. 290; 15, с. 74; 5, с. 18, 92], выступают общественные отношения в сфере личной физической свободы человека, являющиеся объектом охраны государства и мирового сообщества.

Понятие «свобода», по мнению Л. Рассказова и И. Упорова, в уголовном праве трактуется как деятельность, поведение, действия человека, совершаемые им по желанному выбору, из собственных убеждений, интересов, потребностей, без принуждения, угрожающие жизни и другим наиболее важным для человека ценностям, приносящие своими результатами определенное удовлетворение.

Юридическое содержание дефиниции «свобода» в рамках уголовно-правовой охраны от посягательств, совершаемых в сфере торговли людьми с целью эксплуатации, в доктрине уголовного права трактуется неоднозначно. Поскольку личная свобода человека нами рассматривается как объект посягательств при совершении преступлений, связанных с эксплуатацией человека, ответственность за которые в России введена в 2003 году, полагаем целесообразным осветить современные подходы к толкованию рассматриваемого понятия.

Анализ существующих точек зрения, раскрывающих содержание понятия личной свободы, позволяет выделить несколько основных подходов в его трактовке. Рассмотрим их, сгруппировав по наиболее значимым для осмысления базового понятия признакам. При этом обратим внимание на то, что отмеченная нами выше сложная многоуровневая структура свободы позволяет рассматривать, как мини-

мум, две ее стороны (критерии существования, выражения) – внутреннюю (осознаваемую, абстрактную, идеальную) и внешнюю, материальную (фактическую возможность реализации в действительности).

В этой связи полагаем возможным все многообразие трактовок содержания понятия свободы объединить с учетом трех основных подходов: 1) акцент делается на внешней, то есть материальной, физической, составляющей структуры личной свободы; 2) внутренняя (осознаваемая) и внешняя (физическая) возможности являются одинаково важными для реализации свободы; 3) признание необходимым и важным наличие только внутренней (осознаваемой, абстрактной) составляющей свободы, независимо от последующей физической возможности ее реализации в действительности.

В то же время признаем, что многовариативность и многоаспектность содержания понятия свободы личности не только в философии и психологии, но и в юридической науке привели к тому, что в рамках каждого подхода наблюдается ряд дополнительных признаков, детально наполняющих понятийный «каркас» личной свободы.

Так, представители первого подхода связывают свободу личности с ее внешней составляющей, в частности, возможностью лица беспрепятственно реализовывать свою волю и потребности, а также физическую «свободу передвижения, выбора места жительства и пребывания, свободу труда» [2, с. 100], право на занятие общественно полезными видами деятельности [10, с. 294].

По мнению Е. А. Кисловой, личная свобода – это возможность независимо от внешнего принудительного воздействия реализовывать собственное волеизъявление при определении лицом места своего пребывания, направлений передвижения, выбора рода занятий и совершения любых правомерных действий (бездействия).

Личную свободу, отмечает М. Ю. Буряк, образуют физическая составляющая, представляющая собой возможность личности определять, выбирать по своему усмотрению место пребывания, и поведенческая составляющая, исключающая физическое или психическое принуждение. Как представляется, такая возможность предполагает полную независимость от внешнего принуждения.

Д. Я. Зайдиева также акцентирует внимание на внешней составляющей личной свободы, то есть «способности человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями и потребностями, с учетом возможностей и условий, предоставляемых обществом, его возможности быть огражденным от любых незаконных посягательств на свою физическую и психическую неприкосновенность», однако объем такой свободы, как можно наблюдать, все же зависит от границ внешней среды.

Общим для всех вышеперечисленных трактовок личной свободы является то, что наряду с выделением ведущего признака свободы (как правило, внешнего, материального) вычленяются и дополнительные характеристики, обусловленные поведенческой составляющей, сферой приложения творческих, трудовых устремлений, иных правоохраняемых интересов личности.

Представители второго подхода для констатации состояния полной свободы признают обязательным наличие как внутренних (осознаваемых личностью), так и внешних (материальных) элементов свободы личности, то есть физической возможности реализации.

По мнению Г. В. Овчинниковой, личная свобода предполагает физическую свободу, то есть свободу перемещения, выбора места пребывания (временного или постоянного), а также свободу воли – отсутствие внешнего воздействия (принуждения к волеизъявлению человека) и свободу выбора действия в определенных, предлагаемых жизнью обстоятельствах [9, с. 97]. Иными словами, внутренняя свобода личности исключает «внешнее воздействие» и «принуждение», однако реализуемая вовне свобода в действительности все же может ограничиваться «определенными, предлагаемыми жизнью обстоятельствами».

Аналогичная позиция представлена в работе М. Р. Снаховой, которая отмечает, что личная свобода – это «возможность человека самостоятельно, без препятствий, незаконно созданных другими людьми, принимать волевые решения (свобода волевого решения) и действовать или бездействовать в соответствии со своей волей (свобода волевой деятельности)» [13, с. 9].

С учетом вышеотмеченных подходов к интерпретации понятия свободы личности, а именно философского осмысления ее слож-

ной, как минимум двухуровневой, структуры (внутренней – свободы воли и внешней – свободы действия, реализации вовне), оценки ее психологической наукой как единства субъективного осознания, решения, поведения личности и объективной возможности воплощения в действительности представляется, что данный позиционный подход ученых является наиболее полным и обоснованным.

Сторонники третьего подхода связывают свободу личности, прежде всего, с ее волеизъявлением, независимо от факта последующей возможности ее физической реализации в действительности.

Так, по мнению Е. В. Евстифеевой, «свобода представляет собой состояние человека, в пределах которого он осуществляет действия либо бездействие в соответствии со своей волей и желаемым выбором, независимо от наличия реальной возможности реализовать физическое перемещение в пространстве» [1, с. 16, 73].

При этом некоторыми авторами провозглашается «безусловная личная свобода», «возможность действовать в соответствии со своей собственной волей, без каких-либо ограничений, установленных кем-либо или от чьего-либо имени» [14]. Однако «безусловная» личная свобода, на наш взгляд, не означает свободу «без границ», поскольку существование абсолютной свободы, как мы указывали ранее, в большей степени абстрактное (идеальное в воображении) явление.

Поэтому мы не можем согласиться в полной мере с данной позицией, поскольку свобода предполагает личную ответственность человека за свои поступки и ограничивается не только рамками закона, но и пределами свободы другого человека, что в большей степени свидетельствует об относительной свободе личности в реальных обстоятельствах.

В этой связи представляется интересной и обоснованной точка зрения Ю. Г. Клименко, который в своем исследовании подчеркивал, что проблема свободы (особенно свободы воли) тесно связана с ответственностью человека за свои поступки и в этом аспекте выходит за рамки правовой категории, затрагивает нравственную сферу, входя порою в определенное противоречие [7, с. 10–11].

Аналогичный подход отражен в работе А. И. Казамирова, который также отмечал, что личная свобода человека – это «благо, принадлежащее человеку от рождения и заключающееся

в возможности распоряжаться собой и действовать по своей воле, совершать поступки без принуждения, в пределах, предусмотренных законом, не нанося ими вреда жизни, здоровью, чести и достоинству окружающих» [4, с. 9].

Вышеуказанные позиции нам представляются аргументированными, в связи с тем, что наличие «абсолютной» свободы человека в обществе, думается, – в большей степени «иллюзорное», абстрактное, воображаемое явление. Любой «выход» за пределы своей «личной свободы» – почти всегда предпосылка посягательства на границы чужой «территории» личной свободы, при этом на одном полюсе такое нарушение – регулируемая нормами морали и нравственности оценка поведения (меры ответственности) человека, на другом – серьезное противоправное посягательство, влекущее юридическую ответственность.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что все многообразие подходов в философии, психологии, юридической науке к исследованию феномена свободы личности отражает сложную, многоуровневую структуру рассматриваемой категории, определяющей глубину (емкость), многоаспектность содержания исследуемого базового понятия.

При этом в юридической науке исследование правовой категории «свобода личности» носит более узкий, конкретный характер, строго очерченный границами правового поля. А в рамках противоправного посягательства – эксплуатации человека – внимание сфокусировано на одной из сторон (форм) реализации свободы личности – личной свободе человека, охрана которой является одной из приоритетных задач уголовного законодательства.

Говоря о личной свободе как главной ценности и основном объекте посягательства при эксплуатации человека, считаем корректным утверждать, что констатация состояния свободы человека возможна лишь при наличии двух аспектов свободы: внутреннего – осознания и ощущения свободы воли и выбора (внутренней свободы) и внешнего – фактической возможности реализации волеизъявления (внутренней свободы) вовне (внешней свободы).

Таким образом, личная свобода – это правоохраняемое благо, которое включает в себя внутреннее свободное, осознаваемое, ощущаемое желание, побуждение человека (субъективно-интеллектуальный критерий) и фактическую возможность реализации в действительности

свободы выбора поведения, передвижения, вида деятельности (физический критерий), то есть свободу материализации (объективизации) своего субъективного волеизъявления в рамках всего, что не ограничено законом. Ос-

нованием такой личной свободы является охраняемое (а иногда ограниченное) законом неотъемлемое (от рождения) жизненное благо – право на свободу.

Литература

1. Евстифеева Е. В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
2. Жинкин А. А. Торговля людьми и использование рабского труда: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
3. Казамиров А. И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003.
4. Кислова Е. А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
5. Клименко Ю. Г. Свобода как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005.
6. Коваленко В. И. Свобода личности – основной объект посягательства при эксплуатации человека // Сборник докладов и научных трудов межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и студентов юридического факультета МИГКУ, 13 октября 2014 года. М., 2014.
7. Овчинникова Г. В. Правовые аспекты противодействия торговле людьми // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2005.
8. Постатейный комментарий к УК РФ / под ред. А. И. Чучаева. М., 2004.
9. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право. М., 2004.
10. Снахова М. Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
11. Трифонова О. В. Словарь терминов к курсу по правам человека. М., 2000.
12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2005.
13. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 1996.
14. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001.

Bibliography

1. Evstifeeva E. V. The theoretical problems of criminal liability for trafficking: abstract of dis. ... PhD in law. Saratov, 2002.
2. Zhinkin A. A. Trafficking and use of slave labor: dis. ... PhD in law. Krasnodar, 2006.
3. Kazimirov A. I. Criminal-legal protection of the human right to freedom: abstract of dis. ... PhD in law. Ryazan, 2003.
4. Kislova E. A. Criminal legal means of combating slavery and human trafficking: dis. ... PhD in law. Moscow, 2005.
5. Klimenko Yu. G. Freedom as a legal category: abstract of dis. ... PhD in law. Tambov, 2005.
6. Kovalenko V. I. The freedom of the individual is the main object of encroachment for the man // Collection of reports and scientific papers Interregional scientific and practical conference of young scientists and students of the law faculty of MIGMA, Oct. 13, 2014. Moscow, 2014.
7. Ovchinnikova G. V. Legal aspects of combating human trafficking // State border, organized crime, law and security in Russia / ed. by A. I. Dolgova. Moscow, 2005.
8. Commentaries to the criminal code of the Russian Federation / ed. by A. I. Chuchaev. Moscow, 2004.
9. Prokhorov L. A., Prokhorov M. L. Criminal law. Moscow, 2004.
10. Snehova M. R. Criminal legal protection of personal freedom: abstract of dis. ... PhD in law. Moscow, 2002.
11. Trifonov O. V. Dictionary of terms for the course on human rights. Moscow, 2000.
12. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook / ed. of L. V. Inogamova-Khegai, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev. Moscow, 2005.
13. Criminal law. Special part: textbook / ed. of A. I. Rarog. Moscow, 1996.
14. Philosophical dictionary / ed. by I. T. Frolov. Moscow, 2001.

Петракова Анна Сергеевна
Petrakova Anna Sergeeva

старший преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
кандидат философских наук.

Senior Lecturer, Department in the Humanities, Social, Economic and Legal disciplines, Novorossisk branch of the Krasnodar Law University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
Тел.: 8(918) 052-36-11.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Some aspects of the problem of person identification in the conditions of modern Russian society

В статье рассмотрены некоторые аспекты идентификации личности в условиях современного российского общества. Актуализируется значение вторичной социализации в процессе конструирования идентичности. Автор детерминирует основные идентификационные конструкты, такие как физический, национальный, профессиональный, социальный образы. Особое внимание уделяется вопросам влияния идеологии на создание и трансформацию идентификационной основы.

Ключевые слова: идентификация личности, вторичная социализация, идентичность, идеология, идентификационная основа, медиатизация, физический образ, социальный образ, информационное общество, профессиональная идентичность.

In article some aspects of the problem of personality identification in conditions of modern Russian society is considered. Importance of secondary socialization in the process of constructs, of identity is actualized. Author determines the main identificational constructs, such as physical, national, professional and social images. Especial attention is paid to questions of influence of ideology on creation and transformation of identification base.

Keywords: personality identification, secondary socialization, identity, ideology, identification base, mediatization, physical image, social image, informational society, professional identity.

Проблема идентификации традиционно в социальной философии рассматривается в контексте вопросов конструирования и трансформации сознания. Идентификация представляет собой установление тождества между собой и другими на основе общности исторического, культурного, социального опыта, «осознания сущности своего Я в истории, которое дается человеку через акты связывания и отождествления себя с коллективными сущностями своей локальной цивилизации» [1, с. 37]. Осуществление идентификации отражает наличие и реализацию потребности в формировании самосознания, показывает необходимость четкого понимания человеком того, кто он есть в культурном и историко-социальном контексте, утверждает способность определять назначение своей собственной жизни и деятельности. Именно поэтому исследование процессов идентификации имеет исключительную важность, особенно в условиях современных

социокультурных сдвигов, когда масштабная медиатизация приводит к существенной трансформации составляющих образа Я, что непременно отражается на прочности идентификационного фундамента.

На наш взгляд, пристального внимания заслуживают вопросы идентификации не только в процессе первичной, но и так называемой вторичной социализации (П. Бергер, Т. Лукман), поскольку первая определяется формированием сознания под влиянием ближайшего значимого окружения и закладывает определенные векторы развития и поведения личности, а вторая осуществляется на этапе, когда фундаментальная сознательная основа уже сформирована, но испытывает влияние внешних трансформирующих ее факторов. Вторичная социализация, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, – это процесс, конструирующий так называемые «подмиры», которые отличаются от «базисного мира», но в то же

время обладают целостностью и ценностными компонентами, а потому актуализируются в координатах «здесь и сейчас». Эти «подмиры» имеют значение для индивида на конкретном этапе его жизни и непосредственно влияют на идентификационные процессы, с ним происходящие [2, с. 18–26]. Иными словами, исследователи демонстрируют, что, хотя вторичная социализация и не является системообразующим фактором формирования идентичности, тем не менее ее значимость для последующей трансформации этой идентичности чрезвычайно высока. Более того, иногда внешнее ситуативное воздействие на идентификационную основу оказывается настолько сильным, что в результате подменяет ранее сложившиеся идентификационные компоненты, поскольку опирается и влияет на актуальные для человека в данное время потребности.

Как в процессе первичной, так и вторичной социализации, на идентификационные процессы главным образом воздействует «реальность повседневной жизни». «Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается ... как нормальное и самоочевидное, то есть составляет ... естественную установку» [3, с. 18]. Иными словами, конструирующее влияние на идентичность оказывает все то, что имеет значимость в повседневной жизни человека, а именно непосредственное социальное окружение, средства массовой коммуникации, транслирующие образцы и стереотипы поведения и мышления, и пр.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым рассмотреть идентификацию как процесс формирования одновременно телесного и социального образов Я, дифференцировав последний на профессиональный, национальный и ценностный. Следует заметить, что данная классификация не является полной и не претендует на однозначность, она условна и используется для более детального и вместе с тем системного рассмотрения данного вопроса.

Группа исследователей, в числе которых А. И. Матвеева, И. И. Кравченко, Н. В. Мотрошилова, Е. С. Воробьева и другие, склонна рассматривать в качестве первичного идентификационного конструкта осознание себя как биологического существа, имеющего определенную материальную форму и иные, в том

числе внешние, характеристики. В связи с этим особую значимость приобретает понятие имиджа. Оно актуализируется, потому что через процессы самоидентификации человек формирует в своем сознании не только представление о себе реальном, но и задает параметры некоторого идеала. По мнению Е. С. Воробьевой, возможность самостоятельно формировать образ Я предоставлена индивидам только в условиях информационного общества. «Если в обществах традиционного типа идентичность санкционирована традицией и фактически задана человеку от рождения, то в обществах “позднего модерна” она отчасти представляет собой результат выбора индивида» [4]. В условиях культурного разнообразия, демократического подхода к проблеме самовыражения, стирания границ, когда моральные нормы, ранее воспринимаемые как догматичные и априорные, видоизменяются, личность сталкивается с большим количеством вариантов телесного образа и получает возможность самоактуализации через внешнее выражение. Результатом становится иногда некоторая эпатажность, несоответствие между деталями образа, небрежность в одежде и способе ее ношения и т. п. При этом основными мотивами отклонения от нормы Е. С. Воробьева называет протест, эпатаж, демонстрацию, самоутверждение, поиск круга общения, фиксацию принадлежности к группе, опыт эстетического переживания, защиту, фиксацию привязанности, самовыражение.

Помимо рассмотренного аспекта идентификации, интерес представляет также вопрос о формировании профессиональной идентичности, то есть осознании себя как личности, тождественной некой коллективной профессиональной сущности, складывающейся под влиянием других фактов, значимых в профессиональной сфере деятельности. Здесь аспектов процесса идентификации много, однако основное внимание следует уделить вопросам мотивации и ценностей. По мнению многих современных исследователей, в числе которых П. Бурдье, Ю. Г. Тамбиянц, О. С. Уварова, С. А. Ильных, В. И. Ильин и другие, современный работник – это, прежде всего, потребитель, стиль потребления которого обусловлен образом жизни и имеющимся капиталом. Капитал при этом подразделяется на экономический, обусловленный объемом имеющихся у индивида материаль-

ных благ, и культурный, который объединяет в себе образование и общий уровень культуры. Таким образом, капитал человека обуславливает его уровень жизни и, соответственно, определяет стиль потребления. Рассматривая вопросы идентификации в данном контексте, можно утверждать, что каждый работник соотносит себя в первую очередь с потребителем материальных благ, а уровень и качество используемых товаров и услуг позволяют ему формировать идентичность с конкретным социальным слоем, что напрямую оказывает влияние на ценностный аспект.

Современная идеологическая тенденция в данном ключе такова, что работник как субъект экономической сферы рассматривает идею профессиональной подготовки, роста и продвижения в качестве социально значимой и ценной лично для него. Более того, общая концепция информационного (постиндустриального) общества содержит в том числе фундаментальную идею о значимости интеллектуального потенциала работника как определяющего фактора его социальной успешности в ущерб фактору материальному. «Залогом социального продвижения теперь будут становиться не деньги, но интеллектуальные способности» [5]. Однако острота социальных противоречий в современной России, обусловленная ее вовлеченностью в геополитические проблемы, а также внутривнутриполитические конфликты, все же перенаправляет ценностный вектор в сторону материальной плоскости в ущерб общекультурному развитию и социальной самореализации. В связи с этим идея сформированности постэкономического общества – это основа социальной манипуляции, целью которой является конструирование массовой убежденности в том, что материальные стимулы на данном этапе развития российского общества уже не являются доминирующими. В результате экономическая нестабильность как социальная проблема как бы исчезает из состава социальных отношений, значимость ее искусственно растворяется в кажущейся актуальности иных социальных доминант. Данная манипуляция носит характер научно разработанной и реализуемой методически грамотно, осуществляется ненавязчиво, но в контексте смены социальной парадигмы, а сама идея транслируется как исторически обусловлен-

ная и социально неизбежная, что, конечно же, говорит в пользу разработчиков механизма социального скрытого управления, но не делает им чести тем не менее.

Таким образом, процессы идентификации, рассматриваемые в контексте профессиональной самореализации, ощущают на себе острое влияние двух противоречивых идеологем – ценности работы как способа социального продвижения и возможности реализации своего интеллектуального потенциала и значимости ее как источника дохода, материального благополучия, что также детерминирует социальную успешность индивида.

Отдельно остановимся на проблеме национальной идентификации. Как указывают Л. Г. Бызов, К. С. Кондратенко, С. В. Смаль и другие, «для “новорусской” генерации россиян, активно формирующейся последние десятилетия, наблюдается утрата мифов, автостереотипов, культурных доминант, во многом определявших особенности русской цивилизации на протяжении столетий. Соответственно, закономерным является вопрос о том, вокруг какой нации будет сформировано национальное государство» [6]. Стоит отметить, что проблемы национальной идентичности связаны не столько с разнообразием культурных стереотипов, обусловленных многонациональностью и поликонфессиональностью нашего государства, сколько с утратой основных смыслообразующих стереотипов, в связи с чем в современном обществе становится совершенно не важно, к какой национальности ты принадлежишь, но значимо, какие ценностные ориентиры ты имеешь и транслируешь в социуме. Вопрос о национальной идентичности, понимаемой здесь как общегосударственная, тесным образом переплетается с проблемой тотальной медиатизации.

Как указывает В. Шульц, медиа полностью изменяют социальную коммуникацию, расширяя ее границы, замещая одни информационные продукты другими, объединяя одновременно несколько видов деятельности и, главное, транслируя и утверждая новые стереотипы социальной активности, что влияет на формирование системы ценностей, а значит, служит мощнейшим идентификационным фактором [7]. В последнем случае медиа задают те завершенные социальные образы, которые,

получая тотальное распространение, становятся ключевыми в процессе идентификации и самоидентификации.

Тематика, используемая киноиндустрией, большей частью оторвана от реалий современной жизни. Режиссеры все активнее обращаются к теме апокалипсиса, сверхъестественного, криминала, международного шпионажа. Нынешние блокбастеры изобилуют героями с неординарными способностями, своими действиями попирающими моральные, социальные нормы и нормы закона. Внешняя эстетичность образов не укладывается в рамки ранее сформированных стереотипов. Через информационные продукты кинематографии активно транслируются идеи насильственного разрешения конфликтов, вседозволенности. Главные герои, как правило, наделены выдающимися способностями, которые дают им возможность и право возвыситься над нормой и диктовать свои условия бытия. При этом когда персонаж позиционируется как отрицательный, его поведение порицается, что воплощается в отдельных сюжетных линиях. Вместе с тем если насилие, вседозволенность, равнодушие и безнаказанность демонстрируются через образ и поведение положительного героя, это не вызывает протеста у зрителя, а, напротив, рассматривается как «необходимое зло», которое оправдано некой «высшей целью».

Все это и многое другое порождает ценностную дезориентацию. Фундаментальная основа идентичности – система значимых смыслообразующих конструктов – разрушается, вызывая неспособность индивида идентифицировать себя с теми героями, которые есть в истории и культуре, и одновременно порождая рассогласование в образе Я между тем, кто я есть, кем хочу быть и кем я быть способен.

В результате, когда имевшийся идентификационный базис, сформированный на идее национального и культурного единства, значимости моральных доминант, публично ниспровергается до уровня пафосной и абсурдной идеи, которая транслируется СМИ как практически неприменимая, а новое основание носит мозаичный характер, отличается противо-

речивостью и отсутствием целостности, завершенности, у индивида возникает так называемый «раскол идентичности» (Н. Г. Козин) и общество превращается в массу – легко управляемый социальный объект, лишенный историко-культурной и духовной общности. Уходит в прошлое герой-патриот, герой – храбрый солдат, герой-семьянин и т. п., его место занимают супермен, чародей, шпион. Преданность общему делу, своей стране, коллективизм вытесняются идеями индивидуализма, экономического соперничества, а ценности духовные уступают место материальным. Любовь, дружба исчезают из человеческих отношений, уступая место пользе, взаимовыгодному сотрудничеству. В таком обществе человека определяет не то, какой он нравственно, но то, насколько он материально обеспечен и какой социальный статус имеет. Подобное положение вещей заставляет задуматься об отсутствии или недоработанности единой государственной идеологической концепции, в основе которой должна лежать идея сплоченности российского народа.

Таким образом, идентификация – это необходимый и неотъемлемый элемент процесса социализации, позволяющий человеку устанавливать тождество между собой и общекультурными коллективными сущностями. Идентификация невозможна без влияния извне, поскольку на процесс ее реализации воздействуют значимые факторы, транслирующие общепринятые образцы поведения и мышления. Всем известно, что народ, лишенный национальной идентичности, расколот, сломлен, дезориентирован. В условиях современного российского общества, как показывают исследования, идентификационная основа деформирована отсутствием национального единства, опирающегося на значимые для большинства ценности. Это связано с тотальными процессами трансформации моральных устоев под влиянием происходящих экономических и коммуникационных процессов, что находит отражение не только в духовном, но и физическом облике человека.

Литература

1. Козин Н. Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1.

Bibliography

1. Kozin N. G. Identification. History. Human // Questions of philosophy. 2011. № 1.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование сознания. Трактат по социологии сознания. М., 1995.

3. Воробьева Е. С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. № 6. 2016. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/6/sociology/vorobiyova.pdf.

4. Тамбиянц Ю. Г., Уварова О. С. Постэкономические ценности общественного сознания // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/2/sociology/tambiyants-uvarova.pdf.

5. Кондратенко К. С., Смаль С. В. Моделирование экзистенциальных структур современного социума: основные «линии разлома» российской идентичности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/3/sociology/kondratenko-smal.pdf.

6. Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European journal of communication. 2004. Vol. 19 (1).

2. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. Moscow, 1995.

3. Vorobiyova E. S. Development motivation to tattooing as a mechanism of identity construction // Theory and practice of social development. 2016. № 6. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/6/sociology/vorobiyova.pdf.

4. Tambiyants Yu. G., Yuvarova O. S. Post-economic values of public consciousness // Theory and practice of social development. 2016. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/2/sociology/tambiyants-uvarova.pdf.

5. Kondratenko K. S., Smal S. V. The modeling of existential structures of the modern society: the main «fault lines» of the Russian identity // Theory and practice of social development. 2016. № 3. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/3/sociology/kondratenko-smal.pdf.

6. Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European journal of communication. 2004. Vol. 19 (1).

Шатковская Татьяна Владимировна
Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna

профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of the Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ КАК УСТОЙЧИВЫЙ ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Internal migration as a factor of sustained public education of the Russian empire

Статья посвящена проблемам миграции населения и ее государственному регулированию. В исследовании раскрываются особенности и политико-правовые последствия внутренней миграции в государственном строительстве России. Автором проанализирован положительный опыт российской колонизации Юга страны, способствующий совершенствованию миграционной политики современной России.

Ключевые слова: миграционная политика, Российское государство, правовое регулирование.

The article is devoted to the problems of migration and its state regulation. The study reveals the characteristics and the political and legal consequences of internal migration in the nation-building of Russia. The author has analyzed the positive experience of the Russian colonization of the South of Russia, contributing to the improvement of migration policy of the modern Russian state.

Keywords: migration policy, Russian state, law regulation.

Проблема миграции населения постоянно привлекает внимание научного сообщества, поскольку любой ее аспект – географический, социологический, экономический, политический и правовой – непосредственно связан с жизнеустройством нашей планеты, преодолением трудностей в сохранении мира и порядка. Деформации, вызванные нерациональным распределением ресурсов, в том числе и людских, приводят к мировым катаклизмам различного масштаба.

Миграционные процессы в России играли и играют огромную политическую и социально-экономическую роль. Особенно велико было их значение в XIX–XX веках, в период индустриально-классической миграции. В русле общемировых тенденций происходило освоение (колонизация) огромной части Евразийского континента, в XIX веке завершившееся созданием Российской империи.

Внутренняя миграция, на которую приходится около 90 % учитываемого статистикой миграционного оборота, в значительной мере обусловлена диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов. Однако для России ми-

грация являлась частью процесса государственного строительства (формирования естественных границ, экономической инфраструктуры, геополитической диспозиции, национального менталитета и т. п.). С 1646 по 1917 год территория России увеличилась с 14,1 до 21,8 млн кв. км, то есть на 155 %, а количество населения возросло с 7 до 180 млн чел. (в 26 раз), что сделало Российское государство самой многочисленной страной Европы. В 1917 году на территории России в границах 1646 года проживал 41 % населения, а на присоединенной и аннексированной – 59 % соответственно [1, с. 279, 283–288].

Основной причиной миграционного движения в дореволюционной России следует признать аграрное перенаселение в условиях сложившейся системы хозяйствования. Экстенсивный тип земледелия провоцировал недостаток земель, приводящий к кризису производства. Последний возможно было бы преодолеть двумя способами: сложным, более трудоемким, требующим новых знаний, сил и средств, а именно путем перехода к интенсивному хозяйствованию, внедрения инновацион-

ных технологий обработки земли, применения сельскохозяйственной техники и удобрений, или более простым – переселением избыточного населения на присоединенные территории и расширением сферы экстенсивной экономики. Возможность пойти по второму пути у России была всегда, поскольку особое ее геополитическое положение способствовало постоянному увеличению территории государства, внутреннее освоение которой не завершилось и до сегодняшнего дня.

Следует отметить, что сельскохозяйственная миграция преобладала на всем протяжении имперского периода. Миграционное движение проходило в два этапа. На первом этапе (до 1861 года) миграция в основном имела нелегальный (бегство от тягот крепостничества) или принудительный характер (насильное переселение крепостных на новые земли). Второй этап начинается после отмены крепостного права, когда миграция крестьян становится добровольной и нацеленной на получение новых земель. До конца XIX века государство сдерживало поток переселенцев, но с начала XX века именно оно становится главным организатором сельскохозяйственной миграции. Только на Северный Кавказ за последнюю треть XIX века переселилось 1,5 млн человек, Ставропольская губерния благодаря мигрантам становится территорией с преобладанием русского населения.

На разных этапах сельскохозяйственной миграции различаются состав, мотивация и устремления крестьян-мигрантов. В XVI–XVIII веках они сформировали состав казачьей вольницы и впоследствии получили официальное закрепление особого статуса «казаков» в обмен на службу государству.

Казачья с оружием в руках формировали новые южные рубежи будущей Российской империи, ведя упорную борьбу с татарами вплоть до конца XVIII века. Однако освоение новых земель является заслугой крестьянского населения, увеличивавшегося по мере роста численности казачьих поселков, возникавших в большинстве случаев на месте зимовников и прочих селений. Описания природно-климатических условий южных степей в работах корифеев исторической географии М. К. Любавского, Д. И. Багалая наглядно свидетельствуют о сложных даже для физически крепкого человека условиях жизни [2], в кото-

рых приходилось осуществлять обработку земли и создавать экономическую и политическую инфраструктуру Юга России.

Интересно, что первые поселенцы в южных степных районах являлись представителями девиантного слоя населения, недовольного существующими в Российском государстве порядками и условиями жизнедеятельности. Однако, ведя «вольный» образ жизни, они не утрачивали связей с государством и не противопоставляли деятельность созданной ими организации военно-демократического типа его целям по формированию южных рубежей, что дало возможность постепенного заселения южных территорий и их развития.

Исторические документы свидетельствуют о том, что к концу XVIII века российская власть запрещает «заходить на Дон без переписи и внесения в ведомость, чтобы употребиться по жительству своему в земское тягло и примыкать к домовней и хозяйственной жизни».

Согласно указу от 12 декабря 1796 года все беглые люди «из пределов донских высланы, кто куда подлежит, а чтобы впредь оные нигде на землях войсковых укрываться не могли, за тем имеют строжайшее наблюдение... все сыскные начальства и стражи кордонные, нарочито для поимки их учреждены» [3]. Только в 1868 году издается высочайший указ о дозволении русским подданным невоевского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск.

Переход казачества в начале XVIII века к земледелию и успехи «государственной» колонизации в крае сгладили бытовые особенности Дона, исторически сложившиеся, превратили укрепленные поселки казаков («городки») в типичные села, сохранившие старинные названия станиц.

Беглые из Великороссии и Малороссии, не поступая больше в ряды казачества, теперь уже зарегистрированного, направлялись на эти земли казацкой старшины и рядовых казаков и становились их крестьянами. Появились особые агенты, которые, получая деньги от донских землевладельцев, переманивали крестьян и уводили их на Дон целыми деревнями. Переселение на Дон происходило открыто, но, несмотря на это, редкому русскому помещику удавалось установить убежище своих беглых людей, а если кто и узнавал место их нахождения, то не мог получить их

обратно. Некоторые казаки стали покупать крепостных на свод. Указом 1799 года войсковые старшины были уравнены по рангам и правам с армейскими. Вследствие этого многие казаки стали дворянами, а крестьяне, поселившиеся на их землях, признавались крепостными. Таких крестьян, согласно данным ревизии 1811 года, числилось за казаками-дворянами около 77 тыс.

Полагаем, что необходимость заселения и экономического освоения южных территорий стала фактором, на долгие годы отсрочившим отмену крепостного права, формирование гражданского общества и переход к государству индустриального типа в России.

Одним из мощных стимулов внутренней миграции на Юг России также считаем непосильное и постоянно возрастающее налоговое бремя для всех групп тяглого населения. Социально активная часть налогоплательщиков предпочитала в прямом смысле укрываться от налогов и прочих притязаний государства в его южных или восточных слабозаселенных территориях. Миграция вольных элементов способствовала расширению границ государства, но затрудняла формирование общественных институтов для усовершенствования государства и ограничения его давления на население, сращивания традиционных и государственных властных структур, формирования организованных политических форм общественной жизни, представительных органов государственной власти.

Характер миграционного процесса во многом зависел от стадии инкорпорации осваиваемой территории. На первом этапе осуществлялось военно-хозяйственное освоение, сопровождавшееся строительством оборонительных рубежей, военно-промышленных поселений. На втором этапе создавались региональные центры власти, менявшиеся в ходе экономического освоения мигрантами. На третьем – имперская административная структура региона.

На завершающем этапе государственного поглощения региона происходила интенсивная земледельческая и промышленная колонизация территории для установления социальной, правовой и административной однородности империи. Так, формальный процесс интеграции области Войска Донского завершился лишь в 1887 году присоединением Таганрогского градоначальства и Ростовского-на-Дону уезда. Вместо прежних

семи округов ОВД было образовано девять уездов. В результате область получила выход к Азовскому морю через Таганрогский порт и развитую промышленно-торговую инфраструктуру г. Ростова-на-Дону.

Процесс внутренней миграции населения России, связанный с заселением страны, на каждом историческом этапе имел особые черты. В период Древнерусского государства славянское население постепенно заселяло территорию в бассейнах Оки, Верхней Волги, Севера. В XIII–XIV веках шло активное переселение на север и северо-восток Восточной Европы. Государственные мероприятия Ивана Грозного создали условия, способствовавшие активному переселению жителей Московии из своего государства. В эпоху Грозного начинает разрастаться движение русской вольницы. С XVI века миграционный поток переместился на Юг будущей Российской империи, а отсюда – в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, Урал, Сибирь и до берегов Тихого океана.

В процессе колонизации главным действующим лицом являлся русский крестьянин. С 1678 по 1858 год в миграционные процессы было вовлечено 0,08 %, в 1858–1915 годы – 0,12 % (преимущественно русские). Донская область являлась одним из основных направлений в 1782–1858 годы – 42,4 % всех мигрантов, в Предкавказье мигрировало 15,9 %. С начала XVIII века государство контролирует состав и численность населения территории Юга России путем составления переписных книг, высылки беглых людей на прежние места, расспросов и проверки документов жителей новопостроенных сел и деревень.

В 1870–1896 годы Предкавказье занимало первое место по числу мигрантов: 42 % с середины XVIII века. В период активно начавшейся миграции и внутреннего освоения земель в Новороссию и Донскую область вплоть до начала XX века переселилось 3 023 тыс., или 23,6 %, всех мигрантов, в Предкавказье – 2 448 тыс., или 19,1 %. В 1870–1896 годы из наиболее густонаселенных губерний Центрально-Черноземного региона выселилось 3,4 млн человек (87 % всех российских переселенцев).

В итоге к 1917 году доля русских к общей численности населения в Новороссии соста-

вила 30,7 %, в области Войска Донского – 69,0 %, в Предкавказье (Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская губернии) – 46,8 %.

Причины территориальной экспансии на Юг в течение 250 лет миграционного процесса были различными. В XVI–XVIII веках миграция была направлена на укрепление южных границ и защиту от набегов крымских татар, ежегодно уводивших в плен до 20 тыс. человек. Миграция русского населения на Юг в конце XVIII – начале XIX века обусловлена аннексией Северного Кавказа и Закавказья в результате победы Российской империи в войне с Персией и Османской империей.

Экспансия в южном направлении увеличила общий земельный фонд страны и степень его использования. Доля пашни в южной степной зоне составляла 41,1 % земли, пригодной для земледелия и скотоводства.

Значительная доля русских мигрантов, переселившихся на южные окраины, способствовала осуществлению центральной властью политики унификации инкорпорированных территорий. Моделью для унификации различных частей империи служили административные, правовые и политические институты Великих реформ второй половины XIX века.

Миграция русского населения на Юг России (особенно в XIX века) дала возможность верховной власти распространить систему коронного управления на инкорпорированные территории. Стройную систему местного самоуправления в Российской империи создать так и не удалось. Замена понятия «местное самоуправление» термином «местное управление» не означала противопоставления последнего органам государственной власти. Речь идет о выборных «снизу», но инициируемых и контролируемых «сверху» представительных органах управления. Они имели разный формат, например, сословно-корпоративные организации, хозяйственно-административные (земские) учреждения и т. п. Однако и в центре, и на периферии общественное управление рассматривалось как служба местных сообществ государственным интересам. Самоуправление понималось, скорее, не как право, а как обязанность населения, административная и финансовая повинность.

Создание протогосударственной, контролируемой и зависимой от государственного аппарата системы местного управления обуслов-

лено огромной территорией империи и слабо развитой информационной и транспортной инфраструктурой, что препятствовало формированию эффективного государственного механизма и установлению партнерских взаимоотношений между центром и южными окраинами. По подсчетам Б. Н. Миронова, основанным на состоянии информационной и транспортной инфраструктур, кадрового потенциала и прочих факторов, по степени управляемости Россия уступала Великобритании в 103 раза, Германии – в 46 раз, Франции – в 43 раза и Австро-Венгрии – в 19 раз [4, с. 442–445].

Таким образом, разрастание государственного влияния верховной власти России осуществлялось, как и приращение территории, – стремительно и стихийно. Государственная организация новых территорий формировалась на основе сложившихся форм общественных или корпоративных организаций населения, мигрировавшего на неосвоенные окраины. Отсутствие политической культуры мигрантов сказывалось на создаваемых ими организованных формах общежития. Последние воспроизводили традиционные общинные институты, основанные на коллективных представлениях о власти, имевших догосударственную природу. Общинная демократия создает видимость равенства. На самом деле в ее основе лежит произвол большинства и абсолютное бесправие отдельной личности. Всевластие схода ограничивалось только традиционными установлениями и необходимостью исполнения обязанностей общины перед государством. Традиционные общественные организации выполняли функции посредников во взаимоотношениях между государством и личностью, ограничивая политическую активность индивида и препятствуя налаживанию и осуществлению политического диалога государства и отдельной личности.

Особенности миграции в России в период империи состояли в следующем:

– миграцию XVI–XIX веков невозможно отделить от экспансии и колонизации новых территорий Российского государства [5, с. 309–310], поскольку эти процессы проходили либо одновременно, либо начало одного из них приводило к необходимости реализации остальных (например, присоединение Крыма к России в 1783 году активизировало миграцию рус-

ского населения в Новороссию). Суть различных научных и законодательных определений колонизации и миграции населения сводилась к тому, что колонизация – позитивное явление, способствующее развитию хозяйства и распространению культуры, а отдельные акты переселений составляют общий государственный процесс миграции как неотъемлемую часть колонизации;

– в политико-правовом отношении миграция представляла собой расширение границ многонационального Российского государства за счет земель, на которых проживали народы, не имевшие сформированной государственности, или слабозаселенных вследствие неблагоприятных климатических условий или геополитического расположения;

– прирост русского населения на новых территориях придавал политической легитимность имперскому режиму управления и государственному строительству, так как, переселяясь на новые места, мигранты не переставали считать себя русскими и подданными российского государя. Уезжая в Сибирь, Среднюю Азию или на Кавказ, русские продолжали ощущать себя в своей стране;

– миграция способствовала формированию механизма адаптации народов, вошедших в состав Российской империи, к новым условиям государственного общежития путем активного взаимодействия с представителями российской культуры в лице русского крестьянства и других сословий;

– в отличие от колоний других стран (например, Испании, Великобритании), осваиваемые и заселяемые территории представляли собой сопредельные земли, находившиеся в непосредственной близости от метрополии и задолго до начала активной колонизации имевшие с ней торгово-экономические связи. История колонизации Россией сопредельных рай-

онов не знала гибели не только миллионов (как в Северной Америке), но даже и тысяч их коренных жителей либо принудительного переселения аборигенов в резервации (как, например, при колонизации Северной и Центральной Америки, Австралии). По данным переписи 1897 года, русских среди населения Терской области было всего 34,7%, а остальные 65,3% приходились на долю инородцев, причем горцы составляли 55,8% от всего населения, в Предкавказье (Северный Кавказ) русские – 42,2%, а на Кавказе – 4,3% [6, с. 47–51];

– миграция конструировала ментальную самобытность населения Российского государства, отличающуюся от типичных европейских колониальных держав. Специфика заключалась, прежде всего, в отсутствии практики переселения и угнетения коренного населения. Русские мигранты, как правило, занимали незаселенные местным населением территории. Основными налогоплательщиками, как в центре, так и на периферии, являлись русские крестьяне.

Миграция осуществлялась при активном участии государственных институтов, зачастую стимулировавших и управлявших этим процессом. В дореволюционные годы на практике апробированы приемы привлечения и закрепления населения на определенной территории страны.

Негативными последствиями миграционной активности крестьянского населения считается формирование устойчивого представления об экстенсивном развитии как наиболее рациональной и эффективной форме ведения хозяйства и неисчерпаемости природных ресурсов страны. Последнее стало ментальной парадигмой русского народа, отразившейся, например, на отношении россиян к собственности на землю.

Литература

1. Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989 годы). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.
2. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
3. Декабрь 12 (1796) Именный, данный Се-

Bibliography

1. Kabuzan V. M. Russian in the world, the size and dynamics of settlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people. St. Petersburg, 1996.
2. Liubavsky M. K. Review the history of Russian colonization from the earliest times to the twentieth century. Moscow, 1996.
3. December 12 (1796), namely, the Senate

нату, «О прекращении самовольного перехода поселян с места на место в Губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Области Таврической, равно как и переселения из других Губерний в оныя; о способах удовлетворения владельцев, потерявших от сих переходов и о штрафах за прием и держание беглых людей» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 24. № 17.

4. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 1.

5. Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.

6. Шатковская Т. В., Фоменко Е. В. Правовое регулирование Российским государством заселения территории Дона и Северного Кавказа в период империи // Философия права. 2014. № 1.

«Termination of unauthorized settlers move from place to place in the province of Ekaterinoslav, Ascension, and the Caucasian areas Tauris, as well as migration from other provinces in onyua; on how to meet the owner, who lost by now, and transitions on fines for receiving and holding the runaway people» // Complete collection of laws of the Russian empire. The first meeting. Vol. 24. № 17.

4. Mironov B. N. Russian Empire: from tradition to modernity. St. Petersburg, 2015. Vol. 1.

5. Klyuchevsky V. O. Works. Moscow, 1956. Vol. 1.

6. Shatkovskaya T. V., Fomenko E. V. Legal regulation of the Russian state settlement of the territory of the Don and the North Caucasus in the empire // Philosophy of law. 2014. № 1.

Андреева Ольга Александровна
Andreeva Olga Alexandrovna

профессор кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики
доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management
and Economics, Doctor of Philosophy, Professor.
E-mail: ol-andr1@yandex.ru

**ДИАЛЕКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ
СТАБИЛЬНО-НЕСТАБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ**

**Dialectics of political and legal risks in the conditions of stable-unstable social
development: an analysis of conceptual approaches**

В статье показано, что в условиях исторической неопределенности необходимую устойчивость социальным процессам может обеспечивать риск, который олицетворяет собой свободу выбора и поиска альтернативы. В этом случае у политика появляются, по мнению автора, две степени свободы: свобода воли и свобода выбора. Автор отмечает, что отсутствие риска в периоды застоя находит свое объяснение в факторах, снижающих его роль в процессе установления нового политико-правового порядка.

Ключевые слова: государство, история, политика, право, риск, стабильность, нестабильность.

This article shows that in the historical conditions of uncertainty necessary stability of social processes can provide risk, which embodies freedom of choice and alternatives. In this case, in politics, there are two degrees of freedom: the freedom of will and freedom of choice. As result of failure of risk in the periods of stagnation finds its explanation in factors that reduce its role in the process of establishing a new political and legal order.

Keywords: state, history, politics, law, risk, stability, instability.

На протяжении длительного времени анализ концептуальных подходов изучения риска остается актуальным, потому что параллельно с изменяющимися объективными условиями приобретают новый смысл и субъективные оценки политических, правовых и идеологических ценностей, влияющих на его распределение в различные периоды общественного развития. В современной научной литературе, посвященной изучению рисков, существует множество точек зрения и концептуальных подходов, одним из которых является принцип структурирования как сочетание устойчивого и неустойчивого, частный случай стабильности и нестабильности в различных по своей природе системах. Ряд авторов утверждают [1], что развитие происходит через «бифуркацию», «флуктуацию», «турбулентность» и так далее, отражаясь в рисках динамики политико-правового пространства, где инновационные процессы протекают в условиях модернизации общественных отношений и институтов власти. Так, например, Э. Шредингер

устанавливает наличие двух механизмов, лежащих в основе упорядочения социальных явлений: статический – создающий порядок из беспорядка и динамический – производящий порядок из порядка. Из принципа «порядок из беспорядка» следует развитие политико-правовых и государственных механизмов, для которых высшей стадией развития является «порядок из порядка» [2, с. 89]. Такой подход позволяет рассмотреть динамику политических и правовых рисков в условиях стабильно-нестабильного континуума общественного развития.

Первый цикл развития истории социума протекает как «порядок из беспорядка» и связан с социализацией общественных отношений, становлением государства и права как инновационного способа политической организации общества. В отличие от первобытного варварства, общественная организация которого основывалась на естественных законах и обычном праве, государственная власть в качестве своего фундамента устанавливала право и закон, которые могли органично вклю-

чать в свое реформаторское содержание обоснованный или необоснованный риск. С точки зрения политико-правовой деятельности риск становится динамическим фактором, способствующим переходу от первобытной жизни к цивилизации. При этом он выступает условием формирования социальных кластеров, ставших гарантом стабильности и порядка в динамике перехода к государственно-правовой организации, которая превращается в инструмент совершенствования социума, ставя его на уровень новых целей и задач развития общественных отношений как одной из сторон его трансформаций.

Политико-правовую историю можно представить как историю рискованной деятельности. Риск недооценивается в периоды бума и переоценивается во время рецессии. Периоды стагнации правовой истории не приносят инноваций в общественную и политическую жизнь, поэтому мало привлекают внимание исследователей, как и прошлые ошибки, неудачи, хотя они могут содержать познавательный материал. Отсутствие риска в периоды застоя находит свое объяснение в факторах, снижающих его роль в процессе установления нового политико-правового порядка.

В средневековом учении блаженного Августина о двух градах – земном и небесном – риски стабильно-нестабильного общества заключаются в передаче власти церкви. Рискованная деятельность в таком случае не востребована, так как достижение града небесного является Божьим промыслом. Кажется, что никто не обращал внимания на то, что христианское учение сводит установление справедливости в государстве и обществе к церковному послушанию посредством стабилизирующей веры, так как град Божий есть абсолютная стагнация. Апостол Павел первоначально так сформулировал этот догмат: «Вы же рабы покоряйтесь вашим господам со страхом и трепетом, как самому Иисусу Христу. Ибо начальники поставлены над вами Богом для вашего блага» [3]. Поэтому если бы политика государства проводилась в соответствии с христианским вероучением, то жизнь в нем стала бы невозможной или застыла на уровне первых христианских общин.

Сравнение религиозной доктрины власти с современным государством показывает всю невозможность построения земного града на

основе христианского вероучения. В случае реализации христианской доктрины социальный порядок ожидает отсутствие риска и рискованной деятельности, что приведет к метафизической картине мира – догматизму в решении политико-правовых проблем, направленных на осуществление идеалов, заложенных в конституционной идее правового и социального государства. Такой архаизм не вписывается в динамику современного российского общества, одним из принципов которого является обеспечение правопорядка и безопасности граждан в условиях риска современных информационных технологий.

Возвращаясь к Э. Шредингеру, можно констатировать, что он указал на важный элемент политико-правовой безопасности, обеспечиваемой принципом «порядок из порядка». Он сформулировал правило, формально напоминающее о том, что и в политике, и праве действует принцип преемственности, благодаря которому возможен переход от старого порядка к новому. Какой бы новой не становилась форма правления, правовой режим или его смена, в любом случае риск является импульсом к модернизации, которая означает отказ от прежнего политико-правового опыта ради новой социальной организации. В случае, если риск приводит к inferнальности общества, то оказывается, что он был неоправданным или под видом риска происходила реставрация пережитков прошлого (например, исламского фундаментализма). Предлагаемое обоснование правомерности риска следует рассматривать с точки зрения перехода порядка в стабильное или нестабильное состояние, то есть «порядка из порядка». Такой порядок может стать «беспорядком из порядка», что подчас наблюдается и является косвенным подтверждением использования оправданного или неоправданного риска в политико-правовой деятельности в условиях общественной турбулентности, не исключающей позитивного развития событий в истории государства и права. Смутное время в России начала XVII века показало, что части нового государства еще не стали единым целым, а некоторые из них готовы были вершить свою независимость. Но именно в это время единство Московского государства было восстановлено силами самого населения и по его собственной инициативе, что погасило сепаратизм, создав «порядок из беспорядка».

Согласно оценке Л. Эрвина [4, с. 89–92], периоды социальной турбулентности называют временем бифуркации, в которой предшествующая траектория теряет устойчивость в разных областях жизнедеятельности и приводит к резкому возрастанию опасности глобальных катастроф, нуждающихся в новых политико-правовых механизмах разрешения. Стратегический выбор становится рискованной деятельностью, требующей теоретического подхода к мониторингу общественной нестабильности с тем, чтобы прогнозировать возможные риски срывов общественного развития в нестабильность и тем самым избежать необоснованного риска.

Историк-футуролог А. Тоффлер пишет, что «общество должно выбирать так же, как личность выбирает свой образ жизни; оно должно принимать решения относительно своего будущего. Более того, так же, как и отдельный человек, может осуществить разумный выбор между различными образами жизни, общество тоже может осуществить выбор между различными культурными стилями. Это является новым фактором в истории» [5, с. 211]. Одним из условий такого выбора становится риск, связанный с научно-техническим прогрессом, обоснованный интересами и потребностями людей, если он не нарушает устойчивости общества относительно природных, техногенных и других катастроф и способствует развитию социума как управляемого процесса. Такой инновационный процесс обеспечивает конструирование будущего из диалектики стабильно-нестабильного общественного развития, описываемого средствами теории управления.

Изучение самоорганизующихся процессов различной природы привело к появлению синкретического подхода, вобравшего в себя идеи и концепты различных наук. Идея управляемых социальных процессов имеет широкое поле применения в общественных науках. Такой подход можно рассматривать как дальнейшее развитие системного метода, дающего возможности для исследования и осуществления управленческой деятельности, что выражается в контроле риска с целью перераспределения его последствий на все слои общества. Следовательно, историческая необходимость уступает место теории управления и самоуправления общественными процессами,

что открывает новый этап научного конструирования стабильно-нестабильной политико-правовой действительности.

Нелинейная социальная среда, характерная для систем развивающегося социально-политического организма, способна порождать многочисленные структуры разной степени сложности, постоянно пульсируя от стабильности к нестабильности и наоборот. Следовательно, нелинейное развитие необходимо учитывать не только ученым, но и политикам, которые могут использовать эту особенность в процессе разработки новых решений правовых и социальных проблем. Оно предполагает отказ от ориентации на однозначность прогресса и признание «ветвящегося» научного знания об обществе.

Рассмотрев некоторые концептуальные подходы к анализу риска в условиях стабильно-нестабильного общественного развития, можно сделать вывод, что истина лежит в синтезе рискованной деятельности и социально-правовой практики в условиях динамично меняющегося мира. Для построения модели рискованной деятельности общества необходимо показать взаимосвязь различных атрибутов и свойств политико-правовой реальности в ее так называемой информационной модели, что позволяет находить ту меру изменений, которая, являясь риском, не приводит к созданию нового концепта или политико-правового пространства, радикально меняющего сложившуюся парадигму. В этом случае смещаются акценты в оценке процессов исторической и политической реальности обслуживаемых ею политико-правовых феноменов, таких как формы собственности, связи граждан и государства, права и свободы человека, ценности политики и правовой культуры и т. п., что является прерогативой социальных реформаций.

Не изменяя основных констант сложившегося правопорядка, составляющих основу современной политико-правовой парадигмы, риск выдвигает на передний план те общественные отношения, которые востребованы в период стабильности или, наоборот, нестабильности, что предполагает реакцию как со стороны политико-правовой теории, так и практики. Появление новых прав и свобод, например соматических, первоначально являющихся элементами нестабильного ряда, разрушает стабильный ряд предшествующего

менталитета. Не являясь априори негативными, тем не менее они уступают политико-правовое пространство таким рискованным инновациям, как неопределенность и неустойчивость либеральных отношений, новых форм взаимодействия между людьми, что требует соответствующих прав и свобод и так далее.

В условиях исторической неопределенности необходимую устойчивость социальным процессам может обеспечивать риск, который олицетворяет собой свободу выбора и поиска альтернативы. В этом случае у политика появляются две степени свободы: свобода воли и свобода выбора. Конечно, можно не выбирать ничего, то есть не реализовывать свои возможности. В таком случае есть свобода воли, но нет свободы выбора. Либо есть свобода выбора, но отсутствует свобода воли. Одна из этих возможностей олицетворяет стабильность исторического процесса, а другая – его неустойчивость. Например, на почве идей консерватизма могут возникать новые политические импульсы, которые создают условия для активного включения в современный политико-правовой ландшафт. И, напротив, нестабильность политических сил со временем утрачивает интерес к риску и фактически переходит на позиции консерватизма, часто при этом заявляя о своей псевдореволуционности. Примером этому могут служить псевдореволуционные лозунги и призывы вождей КПСС в период застоя, деятельность красных кхмеров, хунвейбинов, сандинистов и других радикалов, которые забыли о своих целях в политическом соперничестве с обновленным консерватизмом.

Современная динамика развития общественных отношений увеличивает свободу действий человека, но ее восприятие не всегда соответствует реальности, так как «теория развития общества находится в состоянии очевидного беспорядка» [6, с. 347]. Проблема теоретического анализа политического и правового рисков становится актуальной и по причине смены концептуальных подходов к достижению стабильного общественного правового порядка. Политико-правовые теории XIX, XX и даже XXI веков строились на постулировании необходимости достижения стабильного миропорядка, под которым подразумевается, прежде всего, модель социального государства, связанная, как считалось, с прогрессивной общественно-экономической формацией, при-

ходящей на смену капитализму. Эту точку зрения в свое время разделяла большая половина мировой научной общественности. В связи с крушением социалистической модели общественного развития актуальной стала не капиталистическая модель как буржуазный способ развития, а глобалистская. В теории под ней подразумевается конкуренция между всеми векторами общественного развития – от ультраконсервативного до ультрарадикального, а на практике она утверждает однополярный мир с диктатом стран «золотого миллиарда».

В первую очередь это связано с деятельностью транснациональных корпораций, которые, расширяя рисковую зону своего присутствия, распространили ее на страны третьего мира, создав там марионеточные режимы, искусственные псевдогосударственные образования типа Исламского государства, конфликты в Сирии, Ливане, Йемене. Такая деятельность не всегда имеет признаки обоснованного риска, о чем свидетельствуют финансовые кризисы, ставшие причиной существенных потерь международных корпораций по независящим от них обстоятельствам, произошедшие «цветные» революции, международный терроризм, приобретающий глобальный характер, что является обратной стороной мультикультурализма и глобализации.

Деятельность промышленно-финансовых корпораций находится у истоков мирового финансового кризиса, так как на поддержку национальных экономик стран-производителей первоначально затрачивались значительные средства, риск вложения которых не оправдался. В результате возникла ситуация, при которой деньги использовали для поддержания высокого уровня жизни в них, например в Греции, а чрезмерные финансовые вливания в их экономики привели к рецессии финансовой системы. В итоге экономика слаборазвитых и развитых стран одновременно оказалась в зоне неоправданного риска, обернувшегося мировым кризисом капиталистической системы хозяйства, продолжающегося до настоящего времени. Расчеты на его быстрое преодоление имеют больше пропагандистский характер, так как финансовые проблемы невозможно быстро решить, поскольку для этого нужно выстроить новую модель либеральной экономики.

В настоящее время кризис пытаются преодолеть посредством реанимации той социально-экономической системы, которая его вызва-

ла. Ю. А. Перепелицына пишет, что «общим началом выхода из кризиса является обоснованный риск достижения качественно иных целей, чем те, которые служили движущей силой общества и прогресса на протяжении целого столетия» [7, с. 94]. Мировой кризис положил конец диктату классических либеральных ценностей, которые не могут трансформироваться в современные национальные идеи, цели и институты государства и права. Бизнес также не может быть безоговорочно общей целью развития общества, так как на политическую арену выходят альтернативные задачи организации общественного порядка, базирующегося на новых моделях национальной и международной безопасности, о чем свидетельствуют конфликтные зоны на границах, потоки беженцев, национальные и этноконфессиональные проблемы и противоречия.

В этих условиях лидирующие позиции займут те политические силы, которые рискованную деятельность и учет риска будут использовать в качестве основного инструмента построения нового мирового порядка. Теории устаревают, концепции меняются, образование не успевает за развитием технологий, общественная психо-

логия и идеология не могут отражать новые реалии, что приводит к возникновению ситуаций, которые не описываются не только классическими, но и модернистскими теориями. Концептуальный подход к оценке современного правопорядка и безопасности требует новых инструментов его анализа, поскольку риск становится генератором идей и инновационных решений, учитывающих современную динамику политических и правовых процессов.

В настоящее время в науке идет процесс понимания того факта, что риск и рискованная деятельность – это родственные понятия, однако не тождественные. Рисковая ситуация складывается под влиянием многих факторов и обстоятельств и может иметь различные варианты решений в силу неопределенности ожидаемых последствий. Ее разрешение может быть направлено на попытку вернуть ситуацию в исходное состояние или дать возможность процессу развиваться по внутреннему сценарию, заложенному в него изначально. Наиболее эффективными будут действия, просчитанные с учетом поставленной цели и анализа диалектики политических и правовых рисков в условиях стабильно-нестабильного общественного развития.

Литература

1. Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2003.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
4. Шредингер Э. Мой взгляд на мир. М., 2009.
5. Новый завет. Послание апостола Павла коринфянам. URL: <http://bible.by/new-testament/read/53/13>.
6. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. М., 1995.
7. Тоффлер А. Футуршок. СПб., 1997.
8. Гидденс Ф. Постмодерн // Философия истории. Антология. М., 1995.
9. Перепелицына Ю. А. Коммуникация риска в системе политико-правового обеспечения национальной безопасности России // Юристы-Правоведь. 2009. № 2.

Bibliography

1. Haken G. Synergetics. The hierarchy of instabilities in self-organizing systems and devices. Moscow, 1985.
2. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Moscow, 2003.
3. Bek Yu. Society of risk. On the way to another modernity. Moscow, 2000.
4. Schrodinger E. My view of the world. Moscow, 2009.
5. The New Testament. The Epistle of Paul the Apostle to the Corinthians. URL: <http://bible.by/new-testament/read/53/13>.
6. Laszlo E. The age of bifurcation. The attainment of a changing world. Moscow, 1995.
7. Toffler A. Future Shock. St. Petersburg, 1997.
8. Giddens F. Postmodernity // Philosophy of history. Anthology. Moscow, 1995.
9. Perepelitsyna Yu. A. Risk communication in the system of political and legal support of national security of Russia // Yurist-Pravoved. 2009. № 2.

Бедрик Андрей Владимирович
Bedrik Andrey Vladimirovich

ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
кандидат социологических наук, доцент.

Leading Researcher, Institute of Sociology and Area Studies, Southern Federal University, PhD in Sociology,
Associate Professor.
Тел.: 8(928) 619-63-30.

Стукалова Дарья Николаевна
Stukalova Darya Nikolaevna

младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Junior Researcher, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.
Тел.: 8(903) 433-34-34.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ
АНТРОПОТОКОВ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ***

**Institutional practices of regulation of antropotoks and inter-ethnic relations
in the region**

В статье рассматриваются реализуемые в Ростовской области как регионе со сложной поликультурной структурой населения и положительным миграционным приростом практики регулирования межнациональных отношений. Авторы приходят к выводу, что реализуемый на уровне региональных институтов власти межведомственный подход к организации управления межнациональными отношениями с привлечением национально-культурных объединений мигрантов обеспечивает спокойный характер развития сферы межкультурной коммуникации в регионе и позволяет локализовывать и эффективно нейтрализовать возникающие конфликты.

Ключевые слова: антропоток, миграция, межнациональные конфликты, управление межнациональными отношениями.

In article are considered realized in the Rostov region as the region with difficult polycultural structure of the population and a positive migratory gain of practice of regulation of the international relations. The authors thinks at the level of regional institutes of the power interdepartmental approach to the organization of management of the international relations with attraction of national and cultural associations provides quiet nature of development of the sphere of cross-cultural communication in the region and allows to localize and to effectively neutralize the arising conflicts.

Keywords: anthropocurrent, migration, international conflicts, management of the international relations.

Проблема регулирования антропоток и межнациональных отношений актуализируется в современных условиях в силу трансформации этнодемографической структуры общества. Сохранение стабильности в сфере национальных отношений выступает фактором обеспечения безопасности на локальном, региональном и общенациональном уровнях. Показателем динамики характера межкультурной коммуникации выступает ориентация старо-

жилищного населения в отношении мигрантов. В настоящее время Ростовская область относится к числу регионов с положительным миграционным приростом населения. Общая миграционная ситуация характеризуется как центристская. В 2015 году отмечалось увеличение миграционной активности населения области: объем миграции (сумма прибытий и выбытий с учетом внутриобластной миграции) увеличился по сравнению с 2014 го-

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

дом на 4,6 %. Миграционный прирост населения Ростовской области в 2015 году составил 1 602 человека. В то же время данный показатель существенно ниже аналогичного, зафиксированного в 2014 году. Тогда он составлял 4 896 человек [3, с. 7–8].

Наибольшую долю во внешнем миграционном обороте (без учета внутриобластных перемещений) составляет обмен населением Ростовской области с другими регионами России (84,6 %), например, в 2015 году в соседние регионы мигрировали 1 862 человека. Наиболее активный обмен населением происходил с Краснодарским краем: 19,2 % прибывших и 23,0 % выбывших из числа межрегиональных мигрантов, а также Москвой, Московской областью, Ставропольским краем, Санкт-Петербургом. Число прибывших из стран СНГ превысило количество выбывших на 6 670 человек. Значительная часть миграционного прироста в обмене населением между Ростовской областью и странами СНГ приходится на Украину и Армению. Так, миграционный прирост за счет граждан Украины в 2015 году составил 6 238 человек, а Армении – 1 395 человек. Традиционно наиболее высокой миграционной подвижностью обладает население трудоспособного возраста, составившее 72,6 % прибывших и 73,7 % выбывших (с учетом внутриобластной миграции). В целом на 1 января 2016 года на миграционном учете в Ростовской области находилось 224 110 иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе по месту жительства – 15 739 человек, а по месту пребывания – 208 371 [3, с. 12–13].

В миграционном портрете Ростовской области существенно расширился сегмент стрессовой миграции. Это обусловлено, прежде всего, усилением динамики въезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Ростовской области в 2015 году в связи со сложной обстановкой в юго-восточных областях Украины. В связи с этим в 2015 году увеличилось число иностранных граждан, обращающихся с ходатайствами о признании их беженцами и предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации. В декабре 2015 года на рассмотрении находились ходатайства 44 иностранных граждан о признании их беженцами на территории Российской Федерации. Однако большинству обратившихся в стату-

се беженца отказано. Гораздо шире практика предоставления временного убежища. Так, в 2015 году с заявлениями о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации обратились 4 811 иностранцев, в том числе 4 612 граждан Украины (в 2014 году – 5 950 чел.), из них временное убежище на территории России получили 4 540 человек. Всего же по состоянию на 01 января 2016 года на учете в УФМС России по Ростовской области состояли 9 645 иностранных граждан, получивших временное убежище, а также 88 вынужденных переселенцев.

Усиление миграционного присутствия на сегодняшний день является одним из ключевых факторов обострения межнациональных отношений в России и роста этносоциальной напряженности [6, с. 34]. Одновременно это приводит к трансформации социальной идентичности населения и ослаблению ее гражданского компонента [5, с. 15]. Ростовская область относится к числу регионов, где, несмотря на поликультурную мозаику населения, в целом сохраняются стабильно спокойные и управляемые межэтнические взаимодействия. Однако на внутрорегиональном уровне выделяется ряд районов, в которых периодически фиксируются межэтнические столкновения на бытовом уровне. Так, наибольшим конфликтным потенциалом обладают юго-восточные районы области (Дубовский, Егорлыкский, Заветинский, Зимовниковский, Орловский, Песчаноконский, Пролетарский, Ремонтненский, Целинский), районы с компактным проживанием турецкого населения (Багаевский, Мартыновский, Сальский) и крупные города области (сосредоточение трудовых мигрантов и студенческой молодежи) [3, с. 52–53]. Эта тенденция фиксируется исследователями с начала 1990-х годов [7, с. 12] и не утратила своей актуальности в настоящее время. Именно в южных и юго-восточных районах области серьезную озабоченность также вызывает демографическая ситуация: наблюдается положительная динамика численности мигрантов на фоне миграционного оттока молодежи и старения населения из числа русских и других славянских этносов.

Основными причинами современных столкновений на межэтнической почве выступают экономические и бытовые факторы. Та-

кие конфликты в 2015 году имели место в Заветинском, Целинском, Пролетарском, Дубовском, Семикаракорском районах. Большинство из них было урегулировано до эскалации насилия и получило юридическую идентификацию как мелкое хулиганство. Институциональные практики регулирования межнациональных отношений на территории Ростовской области опираются на международный опыт сотрудничества государства [4, с. 156–157] и институтов гражданского общества [2, с. 110]. Например, в разрешении межэтнических конфликтов на Дону правоохранительные органы зачастую используют институт диаспоры, выступающий в роли медиатора и агента влияния на одну из сторон столкновения. В этом ключе в Ростовской области осуществляется взаимодействие с 53 национальными объединениями, из них 46 – это официально действующие юридические лица, 7 – землячества, не имеющие регистрации. По данным УФМС по Ростовской области, за 2015 год проведено 160 рабочих встреч с руководителями национальных объединений, в ходе которых их лидеры были проинформированы об изменениях в миграционном законодательстве Российской Федерации, предупреждены о правовых последствиях проявлений ксенофобии, дискриминации и продвижения идей экстремизма и терроризма.

Совокупно с профилактической работой правоохранительных органов в институциональные практики регулирования антропоток и межнациональных отношений вовлечены органы государственной и муниципальной власти, институты гражданского общества, представители научных и академических кругов. Так, Правительством Ростовской области реализуется ряд региональных государственных программ, в том числе «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Молодежь Ростовской области», «Развитие образования», а в 55 муниципальных образованиях области проводятся мероприятия, предусмотренные муниципальными программами по профилактике экстремизма и терроризма.

Эффективность функционирования системы управления антропоток и межнациональными отношениями в Ростовской области обеспечивается благодаря межведомственному взаимодействию. Первоочередными на-

правлениями в решении данного вопроса являются: определение потребности Ростовской области в привлечении иностранных работников, повышение эффективности использования иностранной рабочей силы на территории региона и обеспечение приоритетного права на трудоустройство граждан Российской Федерации; обеспечение потребности экономики в квалифицированной рабочей силе за счет соотечественников, проживающих за рубежом, регулирование миграционных потоков для создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения; обеспечение интеграции соотечественников в российское общество и формирование толерантного к ним отношения; развитие внутренней трудовой миграции. Межведомственное взаимодействие осуществляется в рамках работы областной межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования мигрантов под председательством заместителя губернатора Ростовской области С. Б. Бондарева. В результате подобного межведомственного взаимодействия постановлением Правительства Ростовской области от 12.03.2015 № 176 в государственную программу Ростовской области «Региональная политика» (постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 602) внесены изменения в части выделения отдельной подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Ростовской области» со сроком реализации 2015–2020 годы. На выполнение мероприятий подпрограммы в областном бюджете предусмотрено 5 750,0 тыс. рублей.

В рамках подпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Ростовскую область соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы Ростовской области «Региональная политика» проводятся мероприятия, направленные на создание условий для адаптации и интеграции прибывших на родину соотечественников в принимающее сообщество. По состоянию на 01.01.2016 в Ростовскую область на постоянное место жительства переселились 1 574 соотечественника, из них 632 – это участники государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и 942 – члены их семей. Соотечественники прибыли из 6 стран

ближнего зарубежья: Украины, Армении, Казахстана, Узбекистана, Молдовы и Грузии. Основным государством исхода переселенцев является Украина – 86 % от общего числа вернувшихся в Ростовскую область. Участники государственной программы имеют профессии. Наиболее востребованны на рынке труда области работники сферы здравоохранения и образования. Трудоустроены на предприятия и организации области в 2015 году 508 человек.

В целях выполнения Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Плана мероприятий по ее реализации в регионе сформирована система взаимодействия органов власти с традиционными религиозными конфессиями и общественными организациями. Так, посредством руководителей наиболее многочисленных национальных объединений (армянского, греческого, украинского, узбекского, таджикского, белорусского, афганского, азербайджанского, грузинского) распространяются памятки по миграционному законодательству Российской Федерации. Одновременно органы государственной и муниципальной власти расширяют сотрудничество с конфессиональными объединениями. На сегодняшний день действуют соглашения с Ростовской-на-Дону епархией Русской православной церкви (Московский патриархат), Центральным духовным управлением мусульман Ростовской области, Ново-Нахичеванской и Ростовской епархией армянской апостольской церкви, Ростовской еврейской религиозной общиной. Предметом этих соглашений является проведение просветительской работы, направленной на формирование доброжелательного отношения к людям другой национальности и вероисповедания, недопущение ксенофобии и дискриминации, а также оказание помощи мигрантам. Представители же Ростовской-на-Дону епархии Русской православной церкви (Московский патриархат) и Ново-Нахичеванской и Ростовской епархии армянской апостольской церкви являются постоянными членами Общественно-консультативного совета при УФМС России по Ростовской области.

Данные социологических исследований фиксируют рискогенный характер межэтнических взаимодействий в регионе. Так, в октябре-ноябре 2015 года сотрудниками Института социологии и регионоведения проведено ис-

следование, в котором принял участие 851 человек. Репрезентативность процедур обеспечивалась за счет разработки и реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (тип поселения, территория поселения, пол респондента, возрастная подгруппа, уровень образования, социально-профессиональный статус, социально-экономический статус). Объектом исследования являлись граждане в возрасте от 18 лет, постоянно проживающие в Ростовской области. Территориальная выборка включала в себя Ростов-на-Дону, 9 городов и 8 районов Ростовской области [1, с. 172–173].

Более половины всех опрошенных респондентов оценивают межнациональные отношения в нашей стране в настоящее время как «внешне спокойные, но внутренне напряженные». В целом в негативном ключе видят межнациональные контакты 65,8 % респондентов, и только 15,2 % характеризуют их как доброжелательные или спокойные. Оценка межнациональных отношений в стране опирается на их обобщенное восприятие как в регионах проживания респондента, так и за его пределами. В России долгое время негативное восприятие было связано с открытыми этнополитическими столкновениями в республиках Северного Кавказа или этностатусными дискриминациями в других национально-территориальных автономиях. Однако в настоящее время акценты смещаются в стороны миграционной проблематики и происходящих на ее основе этнодемографических трансформаций в регионах-реципиентах миграции. Во многом этим обусловлено то, что и в Ростовской области почти треть респондентов (32,1 %) оценивают межнациональные отношения на локальном уровне не как внешне спокойные, но внутренне напряженные. В то же время отсутствие острых противоречий между мигрантскими общинами и старожильческим населением региона почти в три раза увеличивает количество тех респондентов, которые рассматривают межнациональные контакты в своем населенном пункте как спокойные (30,8 %).

Превалирование добрососедских отношений между различными национальными группами Ростовской области иллюстрирует и тот факт, что абсолютное большинство респондентов региона (82,6 %) согласились (51,0 %) или скорее согласились с утверждением (31,6 %) о том, что там, где они живут (дом, двор, мик-

рорайон), у них хорошие отношения с приезжими, и только 4,5 % выразили в этом вопросе свое несогласие. Фактически в ходе опроса получил очередное эмпирическое подтверждение тот факт, что среди населения, непосредственно контактирующего или живущего по соседству с представителями других этносов, негативные национальные стереотипы оказываются менее выраженными, чем в среде удаленного взаимодействия. Так, свое преимущественное или полное несогласие с тем, что, живя по соседству с приезжими, получается выстроит с ними хорошие отношения, выразили только 17,4 % респондентов. В то же время в отношении россиян в целом скептические оценки высказывают уже 26,8 % опрошенных, а в отношении жителей своего населенного пункта – 33,4 %. Соответственно, в общественном мнении проявляется неуверенность респондентов в том, что где-либо еще (в стране или локальном сообществе) возможен позитивный опыт межэтнического взаимодействия, демонстрируемый самими участниками опроса.

Основной причиной такой интерпретации выступает фоновая социальная напряженность в сфере межэтнических взаимодействий, транслируемая через СМИ и закреплённая в стереотипах общественного сознания. Определённое влияние в этом вопросе оказывает и позитивная самооценка самих респондентов, которые отмечают, что практически никогда или редко они испытывают враждебность к людям других национальностей (68,8 %), и только 12,7 % опрошенных ответили, что довольно часто или очень часто питают чувство неприязни к представителям инонациональной принадлежности. В целом свое собственное отношение к другим национальностям респонденты оценивают лучше, чем других жителей их локальных поселений и страны. Так, с тем, что россияне хорошо относятся к приезжим из различных субъектов России и стран ближнего зарубежья, согласились или преимущественно согласились 73,2 % опрошенных респондентов из Ростовской области, что почти на 10 % меньше, чем в их собственных оценках.

Иллюстрацией латентного состояния напряженности межэтнических взаимодействий являются ответы респондентов на вопрос о влиянии национальности человека на его социальные возможности, прежде всего перспективу его восходящей социальной мобильности. По мнению 40,5 % респондентов, на-

циональная принадлежность лица влияет на его возможность устроиться на хорошую работу, а 43,5 % опрошенных уверены в том, что этнический фактор зачастую играет важную роль при назначении на высокий пост в органах власти. Общественное мнение населения Ростовской области подтверждает весьма распространенный стереотип о «ведомственном национализме» в современном российском социуме, проявлением которого является искусственная блокада институтами власти доступа представителей определенных этнических групп к такому «лифту» социальной мобильности, как государственная или муниципальная служба, несмотря на все имеющиеся правовые и институциональные фильтры подобного рода негативных практик. Подтверждением стереотипности подобного рода представлений является и то, что для самих респондентов национальность и вероисповедание не являлись источником ущемления их прав или возможностей: только 17,3 % респондентов указали на опыт дискриминации по признаку национальной принадлежности и 13,5 % – по признаку своего вероисповедания. Гораздо чаще респонденты притесняются из-за своей гендерной или возрастной характеристики (22,3 и 26,1 % опрошенных соответственно).

Анализ результатов социологического опроса позволяет указать на одно противоречие, касающееся восприятия респондентами своего государства и его этносоциальной структуры. Так, более половины опрошенных считают, что «Россия – общий дом многих народов, и все народы России должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ» (55,5 %), и только 26,5 % респондентов полагают, что «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом». Однако с утверждением, что государство должно поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских, полностью согласились 40,6 %, скорее согласились 23,9 % респондентов, и только 26,4 % так или иначе выразили свое несогласие. Соответственно, свыше 60 % опрошенных считают оправданным правовое преимущество русского этноса. В то же время высказывание о том, что «Россия должна быть государством русских людей», поддерживают только 6,5 % опрошен-

ных. Такое противоречие указывает на сосуществование в общественных представлениях респондентов двух установок: 1) традиционной, унаследованной от советской эпохи установки на интернационализм; 2) столь же традиционной, но и имеющей преимущественно имперскую природу установки на право русских как государствообразующего этноса быть «первыми среди равных». Конфликтогенность обозначенного противоречия сглаживается, так как 81,9 % опрошенных согласен (полностью или преимущественно) с тем, что государство должно поддерживать культурные и религиозные традиции всех народов, проживающих в России. Тот факт, что 64,5 % опрошенных отдают предпочтение русскому этносу в российской государственной политике, а 81,9 % считает, что и другие народы имеют право на соответствующую поддержку, не отражает противоречия в общественном мнении, так как первоочередность государственной политики в интересах русской части общества не исключает необходимости государственной заботы и о других представителях коренного населения РФ.

Несмотря на латентную напряженность в оценках межэтнической ситуации в нашей стране, определенный оптимизм внушают результаты ответов респондентов на вопросы, касающиеся актуальности их этнической принадлежности и допустимости межнационального насилия в современном обществе. Подавляющее большинство опрошенных полностью или скорее согласны с тем, что национальная принадлежность человека является важной частью его социального статуса: 75,8 % отметили, что и в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальной общности, и только для 5,9 % респондентов национальность утратила свое значение как социальный маркер. Аналогично в отношении себя самих 78,7 % опрошенных отметили, что никогда не забывают о своем происхождении. На фоне актуальной национальной идентичности респонденты демонстрируют неприятие любых форм насилия в разрешении межнацио-

нальных и межрелигиозных споров: данную позицию полностью разделяют 68,4 % респондентов и скорее разделяется еще 15,5 %. Совокупно на тех, кто допускает насилие как форму урегулирования межэтнических споров, приходится 10,3 % респондентов. Однако этот в целом небольшой показатель ставится под сомнение результатами ответов на два параллельных вопроса анкеты. Например, утвердительно на вопрос: «Все средства хороши для защиты моего народа?» – ответила почти половина всех респондентов (49,3 %), а на допустимость насилия в случае нарушения справедливости в отношении собственного народа или веры указали 36,3 % опрошенных. Полностью подобную возможность исключили 29,9 % респондентов. Данные противоречия демонстрируют ситуативность в оценках и ставят ответы в зависимости от формулировки вопросов самой анкеты. Именно к указанному блоку вопросов относится наибольшее число респондентов, затруднившихся с формулировкой своей позиции: 18,3 % не смогли определить, насколько необходимо на сегодняшний день человеку ощущать свою принадлежность к национальной группе, а у 16,9 % отсутствует четкая позиция в вопросе допустимости насилия как способа защиты своих национальных интересов.

Таким образом, институциональные практики регулирования антропоток и межнациональных отношений в Ростовской области обеспечивают в целом стабильный и спокойный характер межкультурной коммуникации. Сохранение определенной напряженности, фиксируемое социологическими опросами, объясняется фоновым напряжением, транслируемым через СМИ, и общим негативным восприятием миграционного присутствия. Кроме того, подобная фоновая напряженность складывается под влиянием экономических и внешнеполитических факторов. Межведомственный подход к профилактике напряженности в Ростовской области сочетается с активным привлечением институтов гражданского общества (прежде всего, института диаспоры) к решению локальных межэтнических конфликтов.

Литература

1. Бедрик А. В., Сериков А. В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11.

Bibliography

1. Bedrik A. V., Serikov A. V. The ethnoconfessional relations in the context of ensuring national security: regional aspect // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 11.

2. Volkov Yu. G., Vyalich N. A., Degtyarev A. K.,

2. Волков Ю. Г., Вялых Н. А., Дегтярев А. К., Лубский А. В. и другие. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов н/Д, 2015.
3. Денисова Г. С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д, 2007.
4. Лубский Р. А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16).
5. Миграция населения в целом по Ростовской области и в разрезе городских округов и муниципальных районов: статистический сборник. Ростов н/Д, 2016.
6. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011.
7. Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012.
8. Хоперская Л. Л., Харченко В. А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 годы. Ростов н/Д, 2005.
- Lubsky A. V., etc. Valuable policy and institutional practitioners in the sphere of the interethnic relations in economically developed countries with difficult ethnocultural structure. Rostov-on-Don, 2015.
3. Denisova G. S. Conflictogenity of socio-cultural space of the Rostov region. Rostov-on-Don, 2007.
4. Lubsky R. A. Etatism as the principle of interaction of the person and the state in Russia // Historical and social and educational thought. 2012. № 6 (16).
5. Population shift in general across the Rostov region and in a section of city districts and municipal districts: statistical collection. Rostov-on-Don, 2016.
6. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the context of tolerance. Moscow, 2011.
7. Sikevich Z. V. Ethnic paradoxes and cultural conflicts in the Russian society. St. Petersburg, 2012.
8. Hoperskaya L. L., Harchenko V. A. The local interethnic conflicts in the South of Russia: 2000–2005. Rostov-on-Don, 2005.

Паламарчук Сергей Александрович
Palamarchuk Sergey Alexndrovich

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Graduate Student of the South-Russian Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Тел.: 8(908) 519-01-56.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ГРАЖДАНИНА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Implementation of the citizen's constitutional legal status on the Internet

В статье рассматривается проблема реализации гражданином широкого комплекса своих конституционных прав посредством работы в сети Интернет. Проведен анализ того, каким образом могут быть реализованы основные права человека и гражданина в современном информационном пространстве Российской Федерации с учетом новых возможностей, предоставляемых информационно-коммуникационной сетью Интернет.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, конституционные права человека и гражданина, доступ к информации, сеть Интернет, право на доступ к информации.

The paper deals with the problem of realization by the citizen of a wide complex of the constitutional rights by means of working on the Internet. The analysis of how can be realized fundamental human rights and the citizen in modern information space of the Russian Federation taking into account the new opportunities given by the information and communication Internet is carried out.

Keywords: constitutional legal status, constitutional rights of the person and citizen, access to information, Internet, right for access to information.

На сегодняшний день реализация гражданином широкого комплекса конституционных прав (экономических, социальных, культурных), таких, например, как право на образование, право на свободу предпринимательства, право на свободный доступ к культурным ценностям, право на свободный поиск информации, в значительной степени зависит от уровня его правосознания и возможности доступа к информационно-коммуникационной сети Интернет. Приходится признать, что сегодня студенты, освоившие курс средней школы, имеют весьма неполное представление как о своих правовых возможностях, так и о богатом спектре информационных услуг, сетевых технологиях, способах осуществления нелинейного, перекрестного, комплексного поиска информации. Следовательно, повышение уровня правовой и информационной грамотности молодых специалистов и людей более старшего возраста является одной из ключевых задач современного демократического государства, стремящегося оставаться конкурентоспособным на международной арене, а так-

же завершить переход к полноценному информационному обществу. К таковым мы, безусловно, относим Российскую Федерацию. Россия вынуждена преодолевать значительное отставание от развитых западных стран в области информационных технологий (в том числе и с точки зрения внедрения глобальных информационных компьютерных сетей), вызванное допущенными руководством СССР грубыми ошибками в оценке такой важной и динамично развивавшейся в XX веке науки, как кибернетика. Она была признана «буржуазной лженаукой» [1, с. 15], а ее значительный потенциал по созданию технических, электронных компьютерных устройств, изучению систем искусственного интеллекта, внедрению в промышленность автоматизированных систем управления оказался отброшен и проигнорирован.

Согласно докладу Организация объединенных наций право на доступ в Интернет признается неотъемлемым правом человека [2]. Поэтому его ограничения, которые наблюдаются в некоторых странах (о чем мы погово-

рим подробнее, исследуя вопросы цензуры в сети Интернет), например в Китае, Сирии, несомненно, можно отнести к грубым нарушениям прав человека в XXI веке. В свою очередь во многих экономически развитых государствах доступ в сеть Интернет признан жизненно необходимым правом. Например, парламент Эстонии в 2000 году принял закон, объявивший доступ в Интернет основным правом человека. Конституционный совет Франции пришел к аналогичному решению в 2009 году, Конституционный суд Коста-Рики – в 2010 году. Финляндия приняла постановление в 2009 году о том, что каждый пользователь должен получать доступ в Интернет хотя бы со скоростью в размере одного мегабита в секунду (быстрый уровень) [3]. Согласно результатам опроса, проведенного британской вещательной корпорацией в марте 2010 года, 79 % респондентов из 26 стран считают, что право на доступ в сеть Интернет является основополагающим правом человека [4].

В России пока не действуют запреты на доступ к интернет-сайтам или другим информационным ресурсам, например, как в Китае, но существует проблема недостаточно развитых технических характеристик сетевых коммуникаций. Поэтому далеко не во всех регионах возможно достигнуть скорости даже в 1 мегабит в секунду, более того, в некоторых местах проводная связь просто отсутствует, а беспроводные технологии только начинают внедряться. Государство обращает пристальное внимание на ситуацию в провинции, стремится преодолеть пока ярко выраженное цифровое неравенство между жителями отдаленных субъектов Федерации и населением политических и экономических центров – Москвы и Санкт-Петербурга.

В статье 2 Конституции РФ утверждается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Права и свободы человека неотъемлемы, принадлежат ему от рождения, и государство лишь юридически закрепляет этот факт. В основу всякого цивилизованного общества закладывается соблюдение и защита прав человека, что способствует укреплению мира и справедливости в нем. Получив свое конституционное закрепление, права и свободы человека и гражданина служат ориентиром и базисом для выстраивания законодательной системы демократических го-

сударств [5, с. 8]. Права и свободы человека и гражданина закрепляются в главе 2 Конституции РФ. Наша задача – проанализировать то, каким образом они могут быть реализованы в современном информационном обществе посредством информационно-коммуникационной сети Интернет.

В статье 22 Конституции РФ указаны основополагающие права человека: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, которые естественным образом закрепляются за пользователями сети Интернет и социальных сетей. Прежде всего субъекты сетевых отношений должны быть защищены от любых форм киберпреступлений, включая неправомерное использование персональных данных, кражу паролей и так далее. Из этого вытекает право на безопасное соединение с интернет-ресурсами, защищенное от несанкционированного вмешательства. Очевидно, что реализация и защита этих прав возможны только при комплексном использовании правовых и технических методов.

В статье 29 Основного закона России гарантируется право на свободу мысли, свободу слова, свободу убеждений и выражение собственного мнения. Интернет сегодня позволяет гражданину по-новому реализовать свою свободу убеждений и выражение собственного мнения. Существенную роль здесь играет тот инструментарий, который предоставляют своим пользователям современные социальные сети.

Отметим, что Президент Российской Федерации уделяет серьезное внимание сети Интернет как мощному информационному ресурсу, с помощью которого граждане России могут реализовать гарантированное им Конституцией РФ право на свободу мысли и выражение собственного мнения. В частности, 4 марта 2013 года опубликован Указ Президента России «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”». Согласно этому Указу все предложения, возникающие у граждан по поводу социально-экономического развития страны, возможностей совершенствования государственного и муниципального управления, они могут направлять на рассмотрение Президенту РФ с помощью специально созданного интернет-

ресурса «Российская общественная инициатива». Для этого нужно соблюсти ряд требований: во-первых, гражданин России должен быть совершеннолетним; во-вторых, он должен зарегистрироваться на сайте государственных услуг и заполнить регистрационную форму; в-третьих, текст инициативы не должен содержать нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни или здоровью граждан, призывы к осуществлению экстремистской деятельности; в-четвертых, заявителю нужно указать, на каком уровне (федеральном, региональном или муниципальном) он хочет увидеть реализацию своего предложения. Поступившая инициатива размещается на сайте только после процедуры прохождения предварительной экспертизы. Текст предложения проверяется на соответствие Конституции Российской Федерации, а также международным договорам. Также в функции экспертизы входит анализ полученного предложения на актуальность и обоснованность возможных вариантов устранения заявленной проблемы. Обязанность по проведению подобной экспертизы возложена на специальный Фонд развития информационной демократии и гражданского общества. После того как инициатива размещается на сайте, интернет-пользователи могут в течение года голосовать за нее, если считают это в достаточной степени необходимым. В случае, если размещенное предложение по истечении установленного срока не получает необходимого количества голосов пользователей, то оно снимается с рассмотрения. Если гражданин, разместивший инициативу, желает привлечь к ней внимание на федеральном уровне, то она должна набрать минимум 100 тысяч голосов пользователей сети Интернет [6].

Следует учитывать тот факт, что пользователи сами создают большинство данных, размещаемых на страницах в социальных сетях, в полной степени осуществляя право на свободу выражения мнения. С помощью специальных функций социальных сетей стало возможным даже выражение «интернет-протеста» по тем вопросам, которые вызывают большой общественный резонанс.

В качестве конкретного примера проявления активной гражданской позиции пользователями сети Интернет можно привести инициативу пользователей социальной сети

«ВКонтакте» по введению в России должности уполномоченного по правам животных, аналогичной должности уполномоченного по правам человека. Благодаря усилиям активиста-организатора К. Акчуриной и многих неравнодушных граждан инициатива собрала более 130 тыс. голосов и оказалась услышанной и на федеральном уровне, и Президентом России. «Безусловно, о существовании такой темы также известно и Президенту, но каким образом расставит глава государства акценты во время прямой линии 14 апреля 2016 года, сейчас я, естественно, не стал бы предсказывать», – отметил пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков в интервью с журналистом интернет-издания Лента.ру [7].

Безусловно, размещаемая от имени субъектов социальных сетей информация проходит со стороны так называемых модераторов процедуру фильтрации и блокировки на закрепленных в законе основаниях. Однако возможности фильтрации и блокировки тоже должны подчиняться строгим правилам. Прежде всего, пользователи должны четко представлять себе критерии, по которым их информация может быть заблокирована или даже удалена из социальной сети. Наиболее оптимально оговаривать эти критерии в регистрационных соглашениях между пользователем и социальной сетью, приводя ссылки на действующее законодательство, положения которого по ограничению информации в социальных сетях должны быть снабжены механизмами общественного контроля за их функционированием, а также видами ответственности уполномоченных лиц (прежде всего интернет-провайдеров) за намеренную или случайную блокировку разрешенной законом информации. Наконец, для пользователей социальных сетей должны быть прописаны ситуации, в которых они могут обращаться либо в организации, предоставляющие услуги связи, либо в государственные органы с апелляционными жалобами на незаконное ограничение доступа к информации.

В части 3 ст. 37 Конституции РФ закрепляется одно из важнейших прав гражданина – право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Уже появилась значительная категория работников (так называемых фрилансеров (от англ. freelance – работать на себя, работать по найму), которые

реализуют свое конституционное право на труд путем выполнения удаленной работы. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 60-ФЗ дополнил Трудовой кодекс Российской Федерации главой 49.1 «Особенности регулирования труда домашних работников», в которой указывается, что взаимодействие между работником, выполняющим удаленную работу, и работодателем по вопросам, связанным с выполнением работником своей трудовой функции, может осуществляться с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе Интернета. Следовательно, свободный доступ к сети Интернет просто необходим гражданину для реализации своего конституционного права на труд – одного из основных в современном демократическом информационном обществе, особенно с учетом того, что многие виды работ приобретают «виртуальный», «электронный» характер и могут быть эффективно выполнены, не выходя из дома. Реализуя подобную форму работы, выигрывают все: и работник, и работодатель. У последнего уменьшаются издержки на организацию и содержание рабочих мест – теперь эта обязанность ложится на плечи работника, причем он может создавать рабочее место по своему вкусу и максимальным для себя комфортным и эргономичным. У работника появляется больше свободного времени и материальных ресурсов за счет отсутствия транспортных издержек. Он может работать по гибкому графику, предоставляя работодателю конкретный результат к заранее оговоренному сроку. Юридическое оформление трудового договора о дистанционной работе также требует беспрепятственного доступа в сеть Интернет, так как в этом случае традиционные для оформления трудовых отношений документы передаются в электронной форме, в отдельных случаях требуя для подтверждения условий трудового договора удостоверяющие механизмы электронной подписи [8, с. 764].

Реализация гражданами своих конституционных прав сегодня стала возможной в форме получения так называемых государственных услуг [9, с. 21–63].

В части 1 ст. 43 Конституции РФ гарантируется право на образование. Сегодня трудно представить себе получение качественного образования без использования сети Интернет.

Ни в коем случае не заменяя и не подменяя традиционные образовательные технологии, Интернет позволяет получать самую разнообразную информацию в образовательных целях, так как государственные границы в глобальной информационной сети стерты. Неслучайно большинство развитых стран, в первую очередь США, предпринимают колоссальные усилия по оцифровке образовательных текстов, материалов, предметов изобразительного искусства, культурного наследия человечества, делая их доступными практически в любой точке мира. Появляются и новые образовательные технологии, например, технологии проведения интерактивных занятий, главный смысл которых состоит в том, что, кроме пассивного усвоения готовых знаний, обучающийся может самостоятельно исследовать, активно влиять на конечный результат обучения и своей работы. Такие технологии требуют доступа в сеть Интернет. Наряду с традиционными методиками обучения важное значение приобрело сегодня быстро развивающееся дистанционное образование. В процессе дистанционного обучения преподаватель и студент могут физически находиться на огромном расстоянии друг от друга, но у них имеется возможность обмениваться электронными лекциями, контрольными, иными учебными материалами, что позволяет в конечном счете получить необходимые знания на достаточно высоком уровне. Подобная форма обучения особенно полезна при повышении квалификации, овладении смежными специальностями, получении дополнительных навыков в условиях дефицита времени, затрачиваемого на трудовую деятельность. Следует признать, что в XXI веке Сеть приобретает характеристики ключевого образовательного инструмента.

Не случайно Президент России В. В. Путин поручил Правительству РФ разработать предложения по развитию российского сегмента сети Интернет, поддержке интернет-предпринимателей, защите авторских прав правообладателей, решению проблемы обеспечения всех российских школ широкополосным доступом в сеть Интернет.

Итак, мы исследовали, каким образом закрепленные во второй главе Конституции РФ права и свободы человека могут быть реализованы гражданами в XXI веке посредством использования глобальной информационной

сети Интернет. Актуальность данной проблемы, безусловно, очевидна в условиях стремительного развития информационного общества в России.

Не менее интересно, как право на доступ к информации преломляется в отраслевых законодательных актах. Например, в ст. 6 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» приводится открытый перечень способов обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе размещение в сети Интернет [10]. Однако на практике трудно предположить, что пользователь найдет какой-либо иной способ воспользоваться своим правом на получение информации, помимо указанных в законе. Вызывает также вопросы закрепленное в ч. 3 ст. 20 этого же нормативного акта положение о непредоставлении пользователю информации в том случае, если она опубликована в средстве массовой информации или размещена в сети Интернет. Упомянутый нами ранее разрыв в 22,5 раза по отношению к доступу в сеть Интернет между центром и отдаленными регионами России не только является серьезной проблемой на пути к полному переходу к информационному обществу в России, но и служит дополнительным препятствием для доступа к так называемой открытой и размещенной на сайте информации для тех граждан, у которых доступ в Сеть затруднен или вообще отсутствует [11, с. 37]. Это косвенно подтверждают и данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым число активных пользователей сети Интернет не превышало 65 % от общего числа домашних хозяйств, что также ярко высвечивает недостаточность усилий государства, направленных на обеспечение всеобщего доступа к мировой сети Интернет. Так, в США на сегодня выявлено 87 % активных пользователей сети Интернет от общего количества населения страны, в Чили – 76 % [12].

Практически аналогичная норма содержится и в ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», согласно которой «суды, Судебный департамент, органы

Судебного департамента, органы судейского сообщества имеют право не предоставлять информацию о деятельности судов по запросу, если эта информация опубликована в средствах массовой информации или размещена на официальных сайтах судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента». Вызывает вопросы такая прямая отсылка к СМИ как источнику информации о деятельности судов. Учитывая многообразие и тенденционность огромного количества средств массовой информации на территории России сегодня, зачастую можно оказаться заложником получения неполных либо вовсе недостоверных сведений [11, с. 37].

Завершая конституционно-правовой анализ доступа к информации в сети Интернет, можно сформулировать следующие выводы:

1. Техническое отставание России от развитых стран в области информационных технологий обусловлено политическими ошибками и недальновидностью руководства СССР, акцентировавшего внимание на фундаментальных науках в ущерб изучению молодой науки кибернетики.

2. На международном уровне право на доступ в Сеть признается неотъемлемым правом человека. Очевидно, что для полноценного построения информационного общества в России необходимо имплементировать его в конституционно-правовую сферу.

3. Изложенные в главе 2 Конституции РФ неотъемлемые и неотчуждаемые права человека и гражданина сегодня получили новые аспекты выражения в виртуальном, электронном пространстве и могут в полной мере быть реализованы только при условии беспрепятственного доступа граждан в сеть Интернет.

4. Вместе с тем право на доступ в Интернет нуждается в дополнительном законодательном урегулировании. Оно не может осуществляться абсолютно бесконтрольно, но его ограничения должны иметь только законодательную, конституционно-правовую основу.

5. Хотя сегодня и делаются определенные попытки законодательно урегулировать, защитить и обеспечить право граждан на доступ к информации в сети Интернет (в том числе и наиболее важным сведениям о деятельности государственных и муниципальных органов власти, а также судебных органов), налицо оп-

ределенные проблемы и противоречия, которые могут быть преодолены как путем более тщательной проработки текста положений федеральных законов, так и системного решения

Литература

1. Берг А. И. Кибернетика и общественные науки // Наука и жизнь. 1963. № 2.
2. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html>.
3. Минбалеев А. В. Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. 2014. № 4.
4. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М., 2015. Т. 2.
5. Указ Президента РФ от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации, с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”». URL: <http://garant.ru>.
6. URL: https://lenta.ru/news/2016/04/13/putin_animals/?utm_source=change_org&utm_medium=petition/
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е изд., пересм.) / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, В. А. Сафонова, Е. Б. Хохлова. М., 2015.
8. Баранов П. П., Жуков И. А., Захаренков В. В., Сальников В. П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан: монография. Ростов н/Д, 2005.
9. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (п. 2 ст. 6). URL: <http://garant.ru>.
10. Агеев А. С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2.
11. URL: <http://savepearlharbor.com/?p=253637>.

вопросов, связанных с обеспечением доступа во всемирную Сеть жителей периферийных регионов России.

Bibliography

1. Berg A. I. Cybernetics and social sciences // Science and life. 1963. № 2.
2. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html>.
3. Minbaleev A. V. Right for information: the nature and features of development in the modern world // Questions of management. 2014. № 4.
4. Constitutional law: university course: textbook: in 2 vols / ed. of A. I. Kazannik, A. N. Kostyukov. Moscow, 2015. Vol. 2.
5. The decree of the Russian President of March 4, 2013 № 183 «About consideration of the public initiatives directed by citizens of the Russian Federation with use of the Russian Public Initiative Internet resource». URL: <http://garant.ru>
6. URL: https://lenta.ru/news/2016/04/13/putin_animals/?utm_source=change_org&utm_medium=petition/
7. The comment to the Labour code of the Russian Federation (itemized) (the 3rd edition revised) / under the ed. of A. M. Kurenny, S. P. Mavrin, V. A. Safonov, E. B. Khokhlov. Moscow, 2015.
8. Baranov P. P., Zhukov I. A., Zakharenkov V. V., Salnikov V. P. Legality – civil society – the rights and freedoms of citizens: monograph. Rostov-on-Don, 2005.
9. Federal law of February 9, 2009 № 8-FZ «About ensuring access to information on activity of government bodies and local governments» (art. 6). URL: <http://garant.ru>.
10. Ageev A. S. The problems of realization of the right for access to information which have found reflection in practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2016. № 2.
11. URL: <http://savepearlharbor.com/?p=253637>.

Казарян Кристина Васаковна
Kazarian Christine Vasakovna

доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Civil Law, Rostov branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.
Тел.: 8(903) 403-91-80.

Литвинова Юлия Игоревна
Litvinova Julia Igorevna

доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8(988) 533-49-55.

**ПРИНЦИПЫ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Principles of the migration process: theoretical and practical and legal analysis

В статье предпринята попытка комплексно-общетеоретического анализа системы принципов миграционного процесса как вида юридическо-го процесса. Отмечается, что принцип миграционного процесса характеризуется специфическим набором признаков. Авторами с теоретико-правовой точки зрения осмысливается такая категория, как «принцип права».

Ключевые слова: принципы права, юридический процесс, миграционный процесс, законность.

In article attempt of the complex general-theoretical analysis of system of principles of migratory process as kind of legal process is undertaken. It is noticed that the principle of migratory process is characterised by a specific feature set. The authors carries out the teoretiko-legal analysis of such category as «a right principle».

Keywords: right principles, legal process, migratory process, legality.

Целью любого юридического процесса является реализация норм материального права. Процессуальные принципы воспроизводят важнейшие признаки процессуальной деятельности, ее основные формы, олицетворяют существенные черты и цели, общие закономерности и специфические особенности, характерные для юридического процесса в целом и процессуального режима в частности.

Исходя из данной методологической позиции, деятельность по реализации материальных миграционно-правовых норм необходимо рассматривать в качестве миграционного процесса.

Немаловажную роль в миграционном процессе играют процессуальные принципы, которые являются характерными для данного направления правоприменительной деятельности и выступают основанием для обеспечения законности при рассмотрении и разрешении индивидуальных дел спорного характера с

применением юридически-принудительных мер, а также в процедурном производстве.

Рассматривая структуру принципов в широком формате как закон связи элементов содержания, сущность принципов можно раскрыть с помощью определенных правовых признаков: нормативности, формальной определенности, принудительности и других [1, с. 3]. И как следствие, содержание принципов миграционного права образует единство всех составляющих их свойств (признаков) и элементов.

Согласно толковому словарю принцип – это основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения; убеждение, взгляд на вещь; основная особенность в устройстве чего-нибудь [2, с. 595–596].

Из данного определения следует, что принцип (от лат. *principium* – основа, начало) – это основоположение, исходная руководящая идея, основное правило поведения, деятель-

ности [3, с. 257]. Значение принципов трудно переоценить.

В отечественной и зарубежной юридической науке выделяются нормы-принципы.

Необходимо согласиться с мнением Г. А. Гаджиева о том, что «в правовой сфере значение объективных процессов столь же велико, как и в физике или экономике, и отражением этих объективных закономерностей в сфере права являются правовые принципы» [4, с. 65].

Проанализировав российское законодательство, как кодифицированное, так и не кодифицированное, наблюдаем наличие в его структуре либо отдельной статьи, либо главы, посвященных принципам регулирования той или иной сферы.

По сути, российский нормативистский подход к принципам продолжает советскую традицию (принципы права – это «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала») [5, с. 98], равно как и господствующее кельзеновское понимание права вообще.

Правовые принципы как нечто неизменное, отображающее объективные закономерности формирования правового регулирования определяют существо норм не только законодательства, действующего в данный момент, но и того, которое в процессе модернизации неминуемо возникнет в будущем [4, с. 11]. Именно принципы должны быть ориентиром при разрешении правовых коллизий.

В теории права выделяется несколько важных подходов к принципам права. «Например, европейская правовая научная школа, суть которой заключается в том, что, по мнению известных западных ученых (как профессор Ведель, например), сама отрасль права предполагает существование либо автономных принципов, либо сочетание принципов или методов, принадлежащих до этого времени разным отраслям. То есть принципы считаются базой для обоснования самостоятельности правовой отрасли» [6, р. 21]. В России такая позиция также имеет место, несмотря на доминирующий подход к разделению отраслей по предмету.

Если взглянуть на общую эволюцию национальных систем права в Европейском союзе, то они охарактеризованы как прогрессирующие сближение принципов и норм. В частности, Европейский суд справедливости «“открыл” общие принципы права, которые “выходят” за конкретные позитивные нормы» [9, р. 669]. Примерами таких принципов являются хорошее управление, взаимное доверие, надежное

сотрудничество, принципы эффективности, субсидиарности, пропорциональности, безопасности юридических норм [7, р. 269–270].

В. М. Горшенев при определении принципов процессуальной деятельности пишет, что они «...служат своего рода ориентирами, указателями, соблюдение которых обеспечивает нормальное и единообразное осуществление традиционных и нетрадиционных юридических процессов». Его точка зрения состоит в том, что «принципы процессуальной деятельности представляют собой особую совокупность объективных и субъективных начал, руководящих идей и познанных закономерностей, направленных на достижение оптимальных вариантов всякой процессуальной деятельности» [8, с. 18].

Е. Г. Лукьянова исследует принципы процессуального права как «теоретически обоснованные и законодательно закрепленные основные правовые идеи, которые выражают демократическую и гуманистическую сущность юридического процесса» [9, с. 19–21].

В своем научном исследовании «Принципы юридического процесса» В. Н. Баландина и А. А. Павлушина утверждают, что существенные отличия между принципами права и процесса отсутствуют. По их мнению, «принципы правовой государственности как общесоциальные приоритеты, провозглашаемые таковыми в конкретно-определенный исторический момент времени, выступают или должны выступать в качестве общеправовых принципов, то есть их необходимо признавать и принципами права, и принципами юридического процесса; совпадение принципов права и процесса обеспечит единство содержания и того, и другого» [10, р. 58].

С нашей точки зрения, к общим принципам юридического процесса можно отнести принципы, отражающие содержание, характер и правовую природу юридического процесса.

К общим принципам юридического процесса относятся: принцип законности юридического процесса; принцип уважения и соблюдения прав личности; принцип процессуального равенства; принцип объективности; принцип процессуальной экономии; принцип процессуальной справедливости; принцип гласности; принцип процессуальной ответственности; принцип осуществления процессуального режима уполномоченными субъектами; принцип профессионализма и другие.

Принципы миграционного процесса зиждутся на конституционных принципах юриди-

ческого процесса, получают отражение в федеральных законодательных актах, регулирующих отдельные виды юридического процесса, и уточняются при правоприменении.

Исходными для миграционного процесса являются следующие конституционные принципы: законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина; равенство прав всех лиц перед законом и судом; принцип презумпции невиновности; право каждого на судебную защиту; гласность, открытость, доступность процесса; право каждого на возмещение материального ущерба и морального вреда в связи с незаконным ограничением прав и законных интересов.

Во всех случаях осуществления процессуально-юрисдикционной деятельности необходимо обеспечение определенных процессуальных принципов, основу которых составляет принцип законности.

Миграционный процесс как разновидность юридического процесса определяется как комплексная система правовых порядков (форм) деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, регулируется процедурными и процессуальными правовыми нормами, а его результаты закрепляются в официальных документах.

Правовая природа миграционного процесса состоит в обеспечении реализации материальных норм российского права.

Миграционный процесс в широком смысле в контексте реализации правоприменительной функции представляет собой распорядительные действия исполнительных органов власти в сфере миграции по осуществлению установленных миграционными нормами различного рода административных процедур, не связанных с юрисдикцией (в частности, порядок получения патента на осуществление трудовой деятельности).

Миграционный процесс в узком понимании — это реализация правоохранительной функции, то есть осуществление исполнительными и судебными органами правовой охраны в порядке совершения юрисдикционных действий.

Миграционный процесс также можно рассматривать как вид административного процесса, причем, как судебного, так процедурного (от факта пересечения государственной границы и до получения определенного правового статуса в судебном порядке, например, в связи с постоянным проживанием лица на

территории России до 6 февраля 1992 года и после указанной даты, в том числе при наличии решения суда об установлении данного юридического факта).

Принципами миграционного процесса являются установленные в законах и иных нормативных правовых актах основополагающие идеи о сущности, содержании, назначении и порядке реализации исполнительными и судебными органами государственной власти и должностными лицами установленных миграционными нормами различного рода миграционных процедур, как связанных, так и не связанных с юрисдикцией.

К основным принципам миграционного процесса можно отнести принципы административного процесса, которые объективно отражают его свойства и раскрывают сущность: законность; объективность (материальная истина); равенство человека и гражданина перед законом и органом, разрешающим дело; гласность административного процесса; ведение дела на национальном языке; экономичность и эффективность процесса; ответственность за нарушение правил процесса и принятый акт (решение).

Если рассматривать миграционный процесс как вид судебного административного процесса, то согласно ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации можно назвать следующие принципы: независимость судей; равенство всех перед законом и судом; законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; гласность и открытость судебного разбирательства; непосредственность судебного разбирательства; состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда.

Если рассматривать миграционный процесс как вид административного процедурного процесса, можно назвать следующие принципы: равенство всех перед законом; законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; осуществление миграционных процедур в разумный срок и исполнение государственных актов в разумный срок; гласность и открытость миграционных процедур.

Принципы миграционного процесса как вида юридического процесса, являясь их руководящи-

ми идеями, нормативными началами, формулируют их сущность и закономерности, общую направленность соответствующей совокупности правовых предписаний и обусловленной ими процессуальной деятельности на достижение общественно необходимого результата.

В концентрированном виде принципы миграционного процесса воплощают представления общества о правосудии по различным делам (гражданским, административным) как справедливом судопроизводстве, обеспечивающем эффективную защиту прав, вносящем целесообразную с позиции общественных интересов упорядоченность в общественные отношения.

Таким образом, закрепленные в нормах процессуального права принципы миграционного процесса являются средством реализации задач по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дел, а через их выполнение и конечных целей судопроизводства,

сформулированных в различных отраслях законодательства (гражданского, административного, арбитражного).

Вместе с тем все перечисленные принципы, являясь нормативными предписаниями общего характера, выступают в роли целевых установок при осуществлении деятельности уполномоченных органов государства (судебных и иных), должностных лиц при разрешении различных юридических дел.

Проведя системное рассмотрение проблемы, следует делать вывод о том, что процессуально-правовые принципы в сфере миграции позволяют познать характер и основные закономерности миграционной деятельности в рамках как юридического процесса в целом, так и миграционного процесса в частности. Реализация принципов миграционного процесса ориентирует его субъектов на законное и обоснованное разрешение миграционных юридических дел.

Литература

1. Сви́дерский Р. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997.
3. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. М., 1951.
4. Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
5. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
6. Беляева Г. С. К вопросу о сущности процессуального правового режима // История государства и права. 2013. № 13.
7. Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок. Волгоград, 2006.
8. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003.
9. Vlachos G. Droit public et Europeen. 2 ed. Paris, 2001.
10. Fromont M. Le principe de securite juridique // AJDA. Numero special. 1996. June 20.
11. Terrr F. Introduction generale au droit. 7 ed. Paris, 2006.

Bibliography

1. Svidersky R. I., Zobov R. A. New philosophical aspects of elementno-structural relations. Leningrad, 1970.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions. 4 ed. Moscow, 1997.
3. The Short dictionary of foreign words / ed. of I. V. Lehin and F. N. Petrov. Moscow, 1951.
4. Gadzhiev G. A. Principles of the right and the right from principles// Comparative constitutional review. 2008. № 2.
5. Alexcev S. S. General the right theory. Moscow, 1981. Vol. 1.
6. Belyaeva G. S. Century of the Item to a question on concept and essence of a remedial legal regime // Jurisprudence questions. 2013. № 2.
7. Voplenko N. N. Legality and a legal order. Volgograd, 2006.
8. Lukjanova E. G. Theory of a procedural right. Moscow, 2003.
9. Vlachos G. Droit public et Europeen. 2 ed. Paris, 2001.
10. Fromont M. Le principe de securite juridique // AJDA. Numero special. 1996. June 20.
11. Terrr F. Introduction generale au droit. 7 ed. Paris, 2006.

Крючков Сергей Валентинович
Kryuchkov Sergey Valentinovich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук, доцент.
Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Philosophical, Associate Professor.
Тел.: 8(8442) 31-42-23.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Problems of formation of tolerant consciousness in contemporary Russian society

В статье рассматриваются актуальные современные проблемы общественных отношений, связанные с необходимостью контекстного переосмысления идейной сущности и прикладного содержания ряда понятий, отражающих общепризнанные принципы цивилизованного сосуществования. Автор считает необходимым постоянно отслеживать и последовательно купировать малейшие негативные тенденции в социокультурных процессах и развивать позитивные.

Ключевые слова: гуманизм, демократия, многонациональное общество, морально-нравственные принципы, патриотизм, поликонфессиональное общество, русский народ, толерантность, цивилизованные отношения.

The article considers the urgent modern issues of social relations associated with the necessity of contextual rethinking of the ideological substance and applied content of a number of notions, which reflect generally accepted principles of the civilized coexistence. It is necessary to monitor and sequentially neutralize the least negative trends in social and cultural processes, developing positive ones.

Keywords: humanism, democracy, multiethnic society, moral principles, patriotism, multiconfessional society, Russians, tolerance, civilized relations.

Сложившаяся сегодня в мире и России ситуация обостряет необходимость преодоления известной абстрактности контекстов целого ряда морально-нравственных ценностей, провозглашенных мировым сообществом как общечеловеческие и общепризнанные. Это, прежде всего, толерантность, гуманизм, патриотизм, демократизм, коллективизм (общественное согласие), приоритет личности и ее интересов и т. п. Тем более, что в своем терминологическом значении они нередко внутренне противоречивы и практически трудносовместимы. При этом сотрудники органов внутренних дел России должны постоянно учитывать, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» [1]. Без содержательного уяснения и кодификации этих понятий в конкретных социально-исторических условиях вряд ли возможно их признание в качестве общезначимых принципов, а следовательно, и ма-

ловероятен действительный (действенный) перевод их подлинного содержания на индивидуальный уровень нравственных установок личности любого государственного служащего, отдельного гражданина, а затем и общества в целом. Согласно морально-этическим требованиям общества и государства к своим служащим «основные принципы служебного поведения государственных (муниципальных) служащих являются основой поведения граждан Российской Федерации в связи с нахождением их на государственной и муниципальной службе» [2].

Определение и установление уровня терпимости, границ человечности, приоритеты национального и общенационального в отношении к своему отечеству, далеко не бесспорная правота так называемого подавляющего большинства, интересы личности и ее права во взаимодействии с ценностями экономически поляризованного общества – вот лишь небольшой перечень проблемных вопросов, требующих урегулирования в момент принятия

судьбоносных решений для индивида и общества, каким бы оно само себя ни позиционировало. Государственный служащий, сотрудник правоохранительных органов как носитель стандартов общегосударственных правил поведения должен точно знать и понимать, что конкретно и до каких границ он обязан «терпеть», к чему проявлять «человечность» и т. п., а главное – *во имя чего*, ради каких действительно общенациональных интересов.

В условиях современной геополитической конфронтации стороны конфликтов также бесконечно часто заявляют о своем патриотизме и даже гуманизме, толерантности, однако чаще в виде требований к оппонентам. В процессе пока несилового изменения баланса сил названные вопросы могут стать практически трудноразрешимыми проблемами как внутри любой страны, так и за ее пределами. Именно поэтому нам всем не избежать необходимости искать возможность их сочетания и взаимодействия.

Поиски реальных границ соотношения узко- и общенационального, конфессионального и межконфессионального патриотизма и толерантности в общественном и индивидуальном сознании россиян, не имеющих общенациональной идеологии, также затянулись. Они оказались животрепещущими не в одночасье. Ввиду своей политической «неудобности», в том числе и в аспекте практической реализации идей толерантности, длительный период времени они оставались на «периферии» всевозможных форумов и широко обсуждаемых «рейтинговых» проблем современности, как отечественных, так и международных. Драматические события на Украине, миграционный кризис в Западной Европе, затяжные гражданские (и не только) конфликты на Ближнем Востоке показывают, что никакие привычные «гарантии» признанных принципов так называемых цивилизованных отношений не обеспечат стабильного совместного сосуществования различных, пусть даже очень сходных, культурных форм, если постоянно не отслеживать и поступательно, последовательно не купировать малейшие негативные тенденции, одновременно развивая позитивные.

Действительно продуктивным взаимодействием принципа толерантности с гуманизмом и патриотизмом возможно, пожалуй, только в

уже состоявшемся гражданском обществе, успешное формирование которого предполагает создание минимума некоторых обязательных условий. Главное из них, как видится, – непереносимое наличие критической массы граждан, готовых к сознательному объединению в общественные институты, деятельной самоорганизации в них и позитивной общественной самодеятельности. Любая общественная организация предполагает наличие системы идей, ценностей и установок, вокруг которых строятся или будут строиться институты общественных отношений и общественная структура в целом.

Традиционно древнейшей системой подобного взаимодействия выступают такие взаимообразующие формы общественного сознания и его реализации на практике, как религия и мораль. Посредством реализации культурных традиций конкретного общества они в процессе его самоидентификации организуют вектор реализации национальных приоритетов, ценностей, культурных архетипов и парадигм.

Религия сакрализует выработанные многими поколениями нормы и правила поведения (или способствует выработке их сакральных оснований) и помогает переводить их с внешнего императивного уровня на внутренний уровень личностных установок и убеждений верующих (и не только) людей. Таким образом, влияние религиозных установок распространяется и на атеистическую часть общества в контексте нравов, действующих обычаев и традиций. Без первоначальных религиозных представлений вряд ли мог бы состояться и современный осознанно-гуманистический тип цивилизационного общества.

Мораль как перманентно действующий универсальный регулятор общественных отношений представляет собой стихийно (объективно) складывающуюся, особым образом организованную совокупность устойчивых норм поведения: нравов, обычаев и традиций, изначально систематизируемых и освящаемых религиозными верованиями, существующими в конкретном обществе либо усвоенными им.

Во взаимодействии этих ранних форм регуляции общественных отношений преимущественно и осуществляется первоначальное формирование народа, нации, конкретной культуры.

Толерантное общество – это, безусловно, *развитое* общество. Под развитием мы можем понимать целенаправленный процесс взаимовлияния количественных, качественных изменений и внутренних преобразований индивида (общества). Они ведут к повышению уровня интеллекта, формированию умений, навыков, способностей, важнейших деловых качеств, более совершенных форм духовности. Основными составляющими развитости выступают *социально одобряемое общекультурное, морально-нравственное, правовое, интеллектуальное и физическое* цивилизационное состояние. Развитость дает возможность лучше понять ценность непривычного, чужеродного, терпимо и прагматично принять его очевидность, а со временем, возможно, даже полезность.

Конкретные действия по формированию в обществе стабильно высокого уровня культуры и нравственности, без которого креативное самоорганизующееся гражданское общество немислимо, нередко оказываются сложно реализуемыми из-за предшествующих норм, в том числе пережиточных представлений и устойчивых предрассудков, либо они затрудняются спецификой переходных форм отношений в условиях коренной ломки прежних. В качестве примера можно привести реальное современное состояние морали россиян, сформировавшейся в условиях весьма неоднозначных общественных преобразований Новейшего времени.

Обучение, образование и воспитание вносят свой вклад в развитие личности. Но неверно понимать это как стихийный и само собой разумеющийся результат. Чтобы развитие шло должным образом, образование, обучение и воспитание должны осуществляться одновременно, быть прогрессивно-поступательными, непрерывно воздействующими, осуществляться с одновременной нацеленностью на достижение *развивающего эффекта*. Только этот процесс сопровождается *возвышением культурного уровня индивида – «второй природы» творческого человека*. «Формирование креативного мышления», обучение и культурно-познавательное становление личности в условиях многонационального поликультурного общества – это еще и «...преодоление языкового барьера» [3, с. 92], но не в сугубо лингвистическом, а общекультурном смысле: умении понимать, творчески преобразовывать и принимать иное, чужеродное.

В научной литературе существует более трехсот определений этого сложного феномена. *Культура* – результат проявления сугубо человеческой активности. Она представляет собой специфический способ организации и развития всесторонней человеческой жизнедеятельности, реализованный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, духовных ценностях, совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии «культура» фиксируется как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, формаций, этносов, национальных общностей. Культура характеризует также особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (труде, быту, художественной, политической культуре и так далее) [4]. В культуре может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида (личная культура), социальной группы (коллектива, класса, страты, религиозно-конфессиональной группы) или общества в целом (народа, нации).

На формирование системы общественной нравственности влияют разнообразные культурно-исторические, социально-политические и иные факторы. Большинство из них тем не менее неизбежно опирается на устойчивые представления людей о *должном*, привычном, являясь тем более действенными, чем они более узнаваемы и одобряемы. Так, общеизвестна, например, положительная реакция большинства русских (точнее – шире – бывших советских людей) на ранее декларируемую «скромность» материальных запросов высших партийно-советских руководителей сталинской эпохи, что в известной мере искупало и в чем-то оправдывало жесткость политического режима в целом. Бытовая простота, бедность, нестяжательство как моральный и религиозный принцип русского православия до сих пор находят больший отклик в душах этнических русских, особенно среднего и старшего возраста, чем, к примеру, предприимчивость и конъюнктурность.

В эпоху империи мы можем проследить традиционно объединительный, по сути, ха-

рактер русской культуры и русской нации. Носители фамилий польского, шотландского, немецкого, ордынского и даже африканского происхождения – это и урожденные потомственные аристократы, и новая знать, заслужившая свои дворянские титулы в Петровскую и Екатерининскую эпохи верной и праведной службой своему новому отечеству. У истоков национального литературного русского языка стояли Тредиаковский, Пушкин, Лермонтов, их дело продолжили Достоевский, Толстой, Тютчев и другие. Всемирную славу русскому оружию добывали Суворов и Кутузов, а князья Юсуповы вообще «из ближних» для русских царей. Большую роль в формировании национального самосознания сыграли российские философы – представители так называемых «выкрестов», «ортодоксальных», и неверующих (Шестов, Гроссман, Мень и другие). Все они не мыслили себя без русской национальной почвы и немислимы без нее.

Во время Октябрьского переворота и после него большое влияние в стране получили «разночинцы» еврейской, грузинской, армянской национальностей, чуть позже – выходцы из Украины. Тем не менее в Новейшее время нередким явлением не только за рубежом, но и в нашей стране, стало явное или завуалированное стремление переложить ответственность за все негативное, содеянное в прошлом и настоящем на этнических русских, принизить роль русского народа в истории как России, так и ее ближайших соседей.

Высокая интернациональная ответственность и патриотизм русских людей подтверждаются реальной общей историей сосуществования с другими, в том числе малыми, народами, само выживание которых часто находилось под угрозой до обретения ими российского протектората. Однако национальной терпимостью, отзывчивостью и выработанным поколениями стремлением помочь другим людям не раз пользовались и недруги России, спекулируя на этих качествах и беззастенчиво их эксплуатируя. Русские в своей массе добродушны и отходчивы по отношению к побежденному сопернику или даже врагу. Свидетельство тому – отношение к татарам, монголам, французам, немцам и прочим неудачливым завоевателям русских земель. Подобной незлопамятностью могут гордиться далеко не все цивилизованные на-

роды. Некоторые из них, сотни лет живущие бок о бок с русскими и не раз спасенные ими, напротив, скрупулезно собирают и хранят в своей национально-государственной, народной, индивидуальной и даже религиозной памяти каждую скорбную страницу своей истории, каждую обиду, лелея ненависть к реальным и мнимым «обидчикам» и отнюдь не проявляя желания их прощать.

Русские совместно с другими народами отстаивали общую территорию и национальную самобытность в тяжелейших войнах. Особенно страшные национальные потери принесла стране Великая Отечественная война. Более того, русские приняли на себя и основную тяжесть послевоенного восстановления территорий, пострадавших от оккупации, не разделяя их на свои и чужие.

В современной России, как и прежде, религиозные вопросы, проблемы общественной морали и нравственности занимают важное место. Российская Федерация – многонациональная и поликонфессиональная страна. В ней сосуществуют около 180 национальностей и этносов, функционирует более 70 религиозных направлений, что является благоприятной средой не только для взаимообогащения, но и для зарождения и оформления самых разнообразных вариантов противоречивых социальных взаимодействий, в том числе конфликтных. В постсоветский период стало совершенно очевидно, что наибольшее влияние на реальную жизнь общества, социально-политическую обстановку, общественное сознание и практику отношений, наряду с экономикой и политикой, оказывает взаимодействие именно этих факторов. Происходившие в стране с конца 80-х – начала 90-х годов XX века лавинообразные либеральные социально-политические и социально-экономические преобразования не могли не отразиться и на духовно-религиозной жизни нашего общества. Принятый в 1990 году закон «О свободе вероисповеданий» позволил религиозным организациям освободиться от государственного вмешательства в конфессиональные дела, а верующим – исповедовать свою религию, не встречая препятствий со стороны бюрократических структур и репрессивного аппарата государства.

Повышение престижа конфессиональных организаций и статуса религии в целом санкционировало как позитивные, так и негатив-

ные процессы в обществе. Так, религия стала моральной опорой людей в трудные времена распада государства, явилась сдерживающим фактором в вопросах отношений собственности, межличностных, межнациональных (одна религия – несколько этнических групп, ее исповедующих), политических (религиозные партии) отношений. Заметно ее позитивное влияние в сфере образования, милосердно-благотворительной и хозяйственно-предпринимательской деятельности. Наряду с этим накапливаются и негативные тенденции: звучат заявления о национальной «ущемленности», формируется организованная партийно-религиозная нетерпимость, а также криминогенные хозяйственно-экономические структуры на почве единой этнической или религиозно-этнической принадлежности. Нередкими становятся факты конфессионального соперничества, бесцеремонного вторжения в духовную жизнь россиян религиозных и квазирелигиозных объединений из-за рубежа.

Современное российское общество неоднородно не только по этническому и религиозному составу. Неоднороден и состав верующих в религиозных группах различных конфессий. Сейчас среди них около 55 % людей со средним образованием и 40 % – с высшим. При этом среди наиболее многочисленных в России православных (75 % от общего числа верующих) и мусульман (20 %) приблизительно каждый второй имеет среднее образование и каждый третий – высшее (35 и 30 % в каждой конфессиональной группе соответственно). При всей приблизительности приведенных цифр и условности подсчетов это, безусловно, свидетельствует об укреплении позиций религии в стране, но в то же время чревато внутри- и межконфессиональными «трениями».

Следует учитывать распространение в современных российских условиях идей этнического эгоизма и национального превосходства, наличие дезинтеграционных настроений и отсутствие проработанной объединяющей общенациональной идеологии. Наряду с активными действиями религиозных организаций это может, в зависимости от ситуации, либо способствовать смягчению, либо усиливать межнациональную напряженность и довести религиозно-этнические противоречия до трагической развязки.

Опасность религиозно-этнических конфликтов и их современные масштабы уже довольно давно заставляют обращать на себя самое пристальное внимание всего организованного мирового сообщества. Так, 1996 год ЮНЕСКО объявляло Годом толерантности. Системному анализу были подвергнуты все наиболее существенные и потенциально опасные религиозно-этнические противоречия в современном мире. Подготовлены соответствующие рекомендации и регулятивные документы для государств – членов ООН, свидетельствующие о том, что, безусловно, необходима содержательная концепция толерантности, приемлемая для большинства многонациональных, поликонфессиональных сообществ и государств.

Формирование элементарной атмосферы терпимости и национального единства на обыденном уровне общественного сознания вполне можно в общем виде свести к нескольким последовательным этапам, которые в обществах будут располагаться в различном порядке.

На первом или первых этапах толерантность может проявляться как известная индифферентность к чужеродным внутригосударственным этническим и иным культурным установкам.

Второй этап – признание объективного характера трудностей или даже невозможности культурного (в частности, национально-конфессионального) взаимопонимания и на этом основании оставление намеренных попыток «перевоспитания» культурных партнеров (оппонентов).

Данные этапы существуют как первичные бытовые установки в любом стабильном сообществе, но в отдельных регионах их формированием приходится заниматься специально.

Третий этап тоже можно отнести к бытовым представлениям о «своих–других», но он фактически уже предваряет формирование концептуального уровня толерантности. Снисхождение к «слабостям» чужеродных культурных традиций – позиция, позволяющая избегать крайних форм нетерпимости. Национальные обиды и комплексы, сложившиеся в общественном сознании, подменяются здесь национальными (националистическими) мифами об изначальном превосходстве собственной культуры над другими

(древность происхождения, приверженность традициям и так далее).

Четвертый этап дает возможность представить установки оппонирующих культур как способ расширения собственного культурного кругозора, то есть он сугубо позитивен. Этот уровень достигается в сфере познания и самоидентификации посредством концептуальных подходов к исследованию собственной культуры и чужеродных религиозно-этнических оснований. В результате формируется критическое отношение к самому себе и собственной религиозно-этнической принадлежности.

Формирование толерантного сознания концептуального уровня – патриотического и общенационального типа, безусловно, потребует специального внимания государства и немислимо без принятия государственной программы соответствующего общеобразовательного образования, широкого участия средств массовой информации, как государственных, так и частных, социального взаимопонимания и партнерства. Такое взаимодействие предполагает максимальное участие граждан в обсуждении накопившихся проблем и оперативное реагирование на них государственных органов, в частности органов внутренних дел и общественных организаций Российской Федерации, что позволит выявить «слабые места», требующие немедленной коррекции или даже реформирования. Известно, что наиболее продуктивные изменения происходят либо сознательно осуществляются при решении серьезных проблем. Перед лицом острой необходимости достижения жизненно важных результатов нередко нивелируется момент управленческого субъективизма либо, напротив, мелочные попытки сведения счетов существенно обостряются, выдавая действительные намерения участников процесса. Указанная государственная программа в процессе ее реализации могла бы содержательно дополнить закон от 1 октября 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях» и иные нормативные акты, определяющие взаимоотношения между нациями и народами России.

Не все культурные формы равнозначны. Но как определить их значимость с точки зрения перспективности их общественного потенциала, какие критерии использовать для

этой исследовательской работы? Очевидно одно: в современном обществе национально-религиозные отношения требуют постоянного контроля со стороны государства. *Само* ничего не устроится. Здесь уже не будет работать проверенный и привычный для многих биологический принцип выживаемости. Планета слишком мала, а отдельное государство – еще меньше, поэтому выжить можно только сообща, а не поодиночке или вопреки остальным, за счет или вместо них. Вот почему действительно нетерпимыми (не толерантными) следует быть ко всякому проявлению индивидуального и группового (национального, конфессионального, элитарного и пр.) *эгоизма* в любом обществе, особенно в таком многоликом и пока еще столь серьезно разобщенном, как наше. Причины его должны быть, безусловно, выявлены и терпеливо искоренены из российского общественного сознания, а значит, из правосознания, политического, идеологического, художественного и иных его форм, посредством их последовательной реализации на практике, взаимообогащения, а не взаимного обеднения культур.

Не должно быть даже завуалированного столкновения и противопоставления культур путем механического уравнивательного перераспределения их исторических и иных заслуг, ресурсов, средств, потенциалов, возможностей, независимо от того, реальные они или мнимые, «заслуженные» или нет, как это происходило прежде, во времена попыток всевозможного уравнивания всего и всех. Следует, наконец, научиться называть факты и события их собственными именами, чтобы быть готовыми к любому ходу их развития, а не удивляться всякий раз, когда оно не будет соответствовать некоему виртуальному, мифологизированному «правовому цивилизованному сценарию». Потенциалы культур будут работать на взаимообогащение только соревновательно, а доминировать будут там и в том, где и в чем они глубже, эффективнее, сильнее, неизбежно стимулируя этим расширение полей культурных контактов и углубляя их с целью самообогащения и потенциального обогащения других.

Будущее – конечно, за объединением, а не разъединением граждан и народов, представляющих исторические и традиционные общности. Но для этого необходимо их взаимное

доверие. Проблема дефицита социального доверия будет существовать, пока не исчезнут вопиющие проявления несправедливости: замалчивание притеснений, искажение исторических событий, степени действительного участия отдельных людей и целых народов в общих делах. Историю следует знать и разбираться в ее нюансах во имя возможности создавать новые, для начала пусть и сугубо прагматические, отношения.

У этнических русских никогда не было колониальных отношений с близкими к ним народами, но даже опыт западных «стран содружества» (бывших метрополий и колоний) показывает: ранее зависимые страны и их народы де-факто стремятся остаться реальной частью политико-экономического и общекультурного пространства бывших метрополий. И горький опыт прошлого им не помеха. Русским тем более не следует считать себя и быть «без вины виноватыми».

Жить вместе выгодно, если в процесс реального производства и распределения национального богатства включено большинство социальных слоев и групп. Это следует широко обсуждать, всесторонне анализировать и терпеливо объяснять. Совместное проживание дает возможность развивать национальную и региональную специализацию, реальное разделение общественного труда, а значит, толерантную, здоровую, деятельную, а потому гармоничную интеграцию и кооперацию. Следует лишь адекватно обустроить совместную жизнь, сопровождая этот процесс соответствующей идеологической и методологической базой и опираясь преимущественно на собственные общенациональные силы и возможности, тем самым развивая и совершенствуя их. Задача государственных органов состоит в прагматическом и всестороннем обеспечении этого процесса, чем будет гарантирована реализация общенациональных интересов в целом.

Ложь безнравственна, она только усиливает недоверие между народами и отдельными людьми. Не следует повторять ошибки советских идеологов, говоривших о благостном «братстве всех народов» России, пусть даже искусственно разделенных на национальные автономии действовавшим тогда режимом. Искусственные культурные границы, проблемы региональной (этнической) собственности и зон ответственности и т. п. – это вполне возможная «бомба замедленного действия», ко-

торая в будущем может привести к распаду единого государства.

Следует также воздержаться от замены прежних мифов новыми о возможном автоматически беспроблемном сосуществовании культур, религий и национальностей в нынешнем или ином, «еще более» правильном «правовом и демократическом» обществе, замалчивая наличие в нем самых разнообразных актуальных и потенциальных эгоистических интересов и связанных с ними проблем. Народы входили в состав России по-разному. И трения по целому комплексу национально-этнических и религиозно-конфессиональных вопросов у нас, к сожалению, тоже не редкость. Однако решать эти проблемы, наряду с общими экономическими и политическими, нам неизбежно придется *вместе*.

Наивно думать, что адепты раскола России по национально-территориальному или религиозному признаку заботятся о благе ее многочисленных народов. Их, безусловно, в первую очередь интересуют ресурсы – природные и людские. Последние события, связанные с попыткой экономической и политической изоляции нашей страны на международной арене, продемонстрировали, что многонациональному российскому народу неизбежно придется решать новые геополитические задачи Российского государства. Это проблема, с которой сталкивались десятки поколений Российской империи, СССР, а сейчас и Российской Федерации. Однако сейчас отсутствует тот идейный элемент, вокруг которого можно было бы объединить народы России в целом и русских в частности. В царской России таким элементом являлась идея православной империи с опорой на главную религию, в СССР – идея европейского коммунизма, которая была существенно трансформирована большевистскими идеологами. Все предшествующие ценности (церковь, земство, общинность, соборность) при этом подверглись профанизации или вообще были уничтожены. Люди поверят в новую идею только тогда, когда она начнет непосредственным образом реализовываться.

В рыночной системе отношений, в которой вынуждено функционировать уже заявленное «социальное государство», невозможно обойтись общими фразами о принципах отношения каждого к общественной собственности. Нельзя обойти вопрос о конкретной доле каждого гра-

жданина в этой собственности: ее недрах, земле, национальном продукте. Новое время требует особого отношения и к таким традиционным понятиям, как «патриотизм», «социальное единство», «содержательная демократия», «гуманизм». Новая общенациональная идеология (например, российский патриотизм) станет самостоятельной и самостоятельной, когда приобретет вид содержательной и соотносимой совокупной системы представлений всех членов общества в целом.

Периоды возрождения русского национального самосознания в России, как правило, связаны с ростом интегрированного самосознания и других ее народов. Поэтому самоидентификация этнических русских не влечет заведомой социальной опасности для остального многонационального населения Российской Федерации. Напротив, нравственные принципы русского национального возрождения в обозримом историческом прошлом России осуществлялись сквозь призму православных идей человеческого единения и всепрощения, несовместимых с узкоэгоистическими идеями национализма и шовинизма. Поэтому слава и победы России воспринимаются как свои собственные многими другими национальностями, проживающими на нашей общей территории. «Найдут себя» русские, не потеряют себя

и другие этносы России. Великий народ потому и велик, что великодушен не только к своим друзьям, но и врагам.

Таким образом, постановка вопроса о возвращении в российский обиход сбалансированных нравственных установок толерантности неизбежно связана с выработкой содержательной концепции общенациональной идеологии. Вместе с ней будет возможно разработать общее понимание идеи общенационального патриотизма и других, единых для всех граждан России оснований нравственности как принципа сосуществования уже действительного большинства членов российского общества. Этот процесс, безусловно, осложнен конкретными системными проблемами. Их следует постоянно выявлять, совместно анализировать и только сообща, а значит, эффективно решать. Дальнейшее пассивное ожидание может привести только к возникновению новых, возможно уже действительно неразрешимых проблем, связанных с явными и латентными центробежными тенденциями. Как следствие, это приведет к утрате национальной самостоятельности всех народов России перед лицом очевидно сформировавшейся и уже достаточно сплоченной внешней и потенциальной внутренней агрессии.

Литература

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) (п. 6 ст. 9). URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих (ст. 10 гл. II) // Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 года. Протокол № 21). URL: <http://base.garant.ru>.
3. Дронова О. В. Формирование способности проведения научных исследований как необходимое условие подготовки экспертов-криминалистов // Судебная экспертиза. 2014. № 1 (37).
4. Культура // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Bibliography

1. Federal law from 07.02.2011 № 3-FZ «On police» (as amended on 13.07.2015, rev. from 14.12.2015) (rev. and EXT., joined. valid from 15.09.2015) (paragraph 6 article 9). URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Basic principles and rules of official behavior of state (municipal) servants (article 10 chapter II) // Model code of ethics and official conduct of civil servants of the Russian Federation and municipal employees (approved by the decision of the Presidium of the presidential Council of the Russian Federation on corruption counteraction from December 23, 2010. Protocol № 21). URL: <http://base.garant.ru>.
3. Dronova O. V. The formation of the ability of scientific research as a necessary condition of training of forensic experts // Forensics. 2014. № 1 (37).
4. Culture // Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow, 1989.

Тяпин Игорь Никифорович
Tyapin Igor Nikiforovich

профессор кафедры философии Вологодского государственного университета доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Philosophy, Vologda State University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8(921) 601-08-16.

ПРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГОСУДАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ: ШТРИХИ К КОНЦЕПЦИИ

The moral state as a state of justice: the finishing touches to the concept

Статья посвящена проблеме воплощения фундаментальной эτικο-правовой ценности справедливости в государственном бытии. Рассматривается модель нравственного государства как оптимального гаранта социальной справедливости. Доказывается, что тезис о нравственном императиве государственности достиг наивысшего обоснования в философии русской идеи. Автор выделяет базовые нормативные принципы организации справедливого государства, следование которым позволит вывести российскую цивилизацию на путь поступательного развития.

Ключевые слова: нравственное государство, социальная справедливость, справедливое государство, национальная идея, этическая ветвь власти.

The article is devoted to the realization of fundamental ethical and legal value of justice in public life. We consider a model of a moral state as the best guarantor of social justice. It is proved that the thesis of the moral imperative of statehood reached its highest justification in the philosophy of the Russian idea. Stand out basic regulatory principles of the organization of the fair state, the observance of which will bring Russian civilization to the path of sustainable development.

Keywords: moral state, social justice, fair government, national idea, ethical branch of government.

Понятие «справедливость» как требование соответствия деяния и воздаяния, прав и обязанностей, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоев, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нем всегда выступало одной из главных ценностей человека. При переходе с микро- на макроуровень это понятие трансформируется в категорию социальной справедливости, обозначающую фактическое соответствие общественных отношений представлениям о должном социальном порядке, обеспечивающем свободное развитие, достойный уровень и качество жизни всех граждан. Тем самым социальная справедливость предполагает не просто некий уровень потребления, а напрямую связана с реализацией идеала всесторонне развитой личности. Главная задача социальной справедливости – это определение совокупности явлений в различных областях жизнедеятельности человека, которые могут способствовать прогрессу личности и обще-

ства, а также созданию адекватных условий для их осуществления в реальной социальной системе.

Кризис цивилизации, индивидуальной и коллективной идентичности, этики, права несколько не поколебал положения этой ценности в сознании личности и общества и даже, напротив, укрепил его. Справедливость (а не формальные негативные свободы или уравнительное распределение) – вот ценность, вокруг которой возможно объединение подавляющего большинства граждан России в том случае, если их представления о конкретном выражении справедливости привести к общему знаменателю. Синтез эгалитаристского и меритократического понимания справедливости предполагает обеспечение реального равенства возможностей в доступе всех граждан к жизненно важным материальным и духовным ценностям и при этом дополнительные блага и льготы сообразно реальным заслугам (трудовым, военным, научным, спортивным и так далее), признаваемым большинством общества.

Понимая справедливость как с позиций личного эгоизма и групповых интересов, так и нравственных категорий, этнокультурных традиций, *защиту справедливости индивид возлагал прежде всего на органы власти*, видя именно в этой функции оправдание существования властных институтов, их метафизический смысл. Сознательно или подсознательно абсолютное большинство людей в любые времена тяготеет к идеалу государства как *ценностно-смысловой* системе, а не исключительно политико-правовому образованию, существующему ради закона и самого себя. С этой точки зрения государство не может стоять над человеком и обществом, оно находится с ними рядом. В этом состоит ценность самого государства, но также кроется и его возможность влиять на построение разнообразных ценностно-смысловых систем, причем не только как механической совокупности норм и известных постулатов справедливости, долженствования и других, но и в качестве *социокультурного кода*, зашифровавшего в себе многие смыслы бытия. Не удивительно, что концепт «справедливое государство» встречается в произведениях Платона. В связи с отрицательной аттестацией последствий Английской буржуазной революции левеллеры противопоставляли справедливую республику республике О. Кромвеля. В XVIII веке концепция справедливого государства, обосновывавшаяся ссылкой на естественное и природное право, превратилась в важный постулат общественной мысли. Вскоре возникла и проблема вариаций понимания, его сведения либо к идее нравственности, либо права. Что касается практической политики, то здесь, как отмечает Д. Н. Миронов, имеющиеся подходы можно объединить в три направления: 1) отвергающее справедливость, поскольку она уравнивает людей (Ф. Ницше); 2) оправдывающее принятый государственный порядок (тоталитарные режимы); 3) сводящее идею к социальному государству [4, с. 37]. Ярким примером «западного» понимания государства справедливости является работа Дж. Ролза, где предполагается равенство в отношении основных свобод, определяющих исходное положение человека в обществе, задающее условие его деятельности и неравенство в отношении возможных ее результатов [5]. Однако здесь игнорируется классовый характер реальной власти, не прописаны механизмы обеспечения равен-

ства возможностей; откровенно утопичным выглядит второй из исходных принципов, согласно которому социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимущества для всех; б) доступ к положениям (статусам) и должностям был бы открытым для всех в условиях честного равенства возможностей.

Между тем в ходе социальной практики стало ясно, что достижение социальной справедливости немислимо вне официальной системы *социальных обязанностей государства*, реального выполнения им комплекса инвестиционных (развитие социальной инфраструктуры), защитных (сбережение человека от превратностей рыночной стихии) и расходно-перераспределительных функций.

Тема справедливости государственной власти красной нитью проходит через всю историю русской мысли начиная с Киевского (Иларион, Даниил Заточник, Владимир Мономах) и Московского (Федор Карпов, Юрий Крижанич) периодов. Если в философии Европы осмысление проблем государства в основном обуславливается рационалистической парадигмой *общегодных требований* и системой либеральных ценностей, то в русской философской традиции, с ее, как писал С. Л. Франк, стремлением «не только понять мир и жизнь, а... постичь главный нравственно-религиозный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» [8, с. 85], вопросы о сущности и формах государства были обусловлены историческим и религиозно-нравственным контекстом, пропитаны началами *общей истины*. В русской мысли государство никогда не выступало лишь политическим институтом и юридической категорией, но являлось «дейтельно нравственной» силой. При таком подходе политика перестает быть изолированной от духовной жизни общества областью при условии, что в основе ее будет лежать идея не внешнего устройства общества, а внутреннего совершенствования человека.

В XIX и начале XX века (когда русский народ, по словам Н. А. Бердяева, «высказал себя в слове и мысли») вопросы государственного устройства занимали одно из основных мест в работах русских философов. *Вся русская социально-философская и политическая мысль (консервативная, либеральная, социа-*

листическая) размышляла над тем, как утвердить в обществе личностное начало, одновременно сохранив в нем национальное и государственное. Однако по-настоящему оригинально, глубоко и основательно подойти к решению поставленной проблемы удалось лишь тем мыслителям, кто восстановил идейную связь с концептуальным наследием допетровской Руси, синтезировал православный и западный духовный опыт, сформулировал русскую идею, поместив либеральные доктрины естественного права, правового государства, а также классические философские системы (Канта, Гегеля и других) в ее контекст, переводя их из области отвлеченной логики в плоскость человеческой истории. Все, кто видел миссию России в реализации модели свободной нравственной гармонии личности, общества и государства и ее ненасильственном распространении в мире (славянофилы, Вл. Соловьев, Л. А. Тихомиров и другие, в эмиграции – евразийцы и И. А. Ильин), соглашались с тем, что государство обязано улучшать не только материальные, но и духовные условия человеческого существования, содействовать свободному развитию всех человеческих сил и возможностей. При этом едины русские мыслители были и в понимании того, что правильное (справедливое, нравственное) государство – это государство *сильное*, в котором право подчинено морали, его надежным фундаментом выступает твердый нравственный стержень такой личности, для которой приоритет соборного целого стоит на первом месте.

Поэтому правы те, кто отмечает, что *проблема социальной справедливости предполагает рассмотрение ее национальной ипостаси* как одной из приоритетных задач возрождения России с учетом специфики русской традиции. Анализ трудов русских православных мыслителей и теоретиков революционного народничества как наиболее ярких выразителей отечественной традиции показал, что, несмотря на противоположность их исходных мировоззренческих принципов, существует определенное сходство позиций верующих и атеистов, материалистов и идеалистов в решении проблемы социальной справедливости, особенно в переломные моменты развития российского общества [3, с. 184–185].

По мнению Л. А. Вознесенского, социальная справедливость как национальная идея

(правильнее, на наш взгляд, как часть идеологии, вытекающей из национальной идеи) несет в себе целый ряд преимуществ: 1) является достаточно общей для выполнения объединительной функции и вместе с тем конкретной для понимания ее смысла каждым человеком, независимо от уровня его образованности; 2) позволяет сторонникам разных политических течений сблизить их идейные позиции; 3) дает обществу представление о генеральном направлении его развития, высшей цели исторического движения; 4) является критерием, позволяющим объективно оценить темп общественного развития и уровень достигнутого; 5) выводит Россию на позицию морального лидера мира; 6) практически неуязвима для сколько-нибудь принципиальной критики, несет только конструктивное начало [1, с. 10–11].

Таким образом, философию *русской идеи* вполне корректно интерпретировать как проект справедливого нравственного государства. Что касается эволюции этого проекта, то в его рамках постепенно наметился переход от сугубо религиозных оснований рассмотрения проблемы к позициям *светской духовности*, представлениям о том, что борьба добра и зла становится объективной реальностью в рамках общественного, прежде всего политического, бытия и сознания.

В условиях теоретической противоречивости и неоднозначности практических результатов воплощения моделей либерального правового, либерального социального и социалистического государства необходимостью становится их синтез в рамках концепции *нравственного государства*. Органическая связь концептов «справедливость» и «нравственность» делает необходимым рассмотрение нравственного государства как справедливого государства. Ранее нами был разработан и раскрыт комплекс таких концептуальных положений идеологии нравственного государства, как взаимодействие личности, социальных общностей, общества и государства в рамках модели «национальной ответственности» и «соборной демократии», признание положений абсолютной (общечеловеческой) морали в качестве основы социально-нормативной, в том числе правовой системы, официально признанный приоритет социальных и духовных ценностей (знания, творчества, долга, чести и

достоинства) над материальным благополучием; единство материально-технического и духовно-нравственного прогресса; стремление к стратегической устойчивости, максимально возможной технико-экономической самодостаточности, сохранению политического суверенитета; реализация культурной самодостаточности и оригинальности; выработка единой коллективной идентичности; признание безусловной значимости национальной духовной традиции и другие [7, с. 43–47]. Среди них выделен и принцип достижения социальной справедливости, не сводящейся к примитивной уравнительности.

В постсоветской России рассмотрением вопросов, связанных с тематикой справедливости как в идеале имманентного качества государства (в основном – анализом проблемы в истории мировой и русской мысли, а также представлениями о ней в общественном сознании) занимались В. И. Хайруллин, С. Ф. Мазурин, В. Л. Римский, М. Ю. Пахалов и другие. Стоит специально выделить ранее приведенную статью Д. Н. Миронова, а также материал С. С. Иванова.

Д. Н. Миронов, теоретик государства и права, с позиций юридического либерализма дает следующее определение: «Справедливое государство – это государство, к которому население выражает *доверие*, поддерживает управление, осуществляемое им, и позитивно оценивает деятельность государственной власти в интересах общего блага» [4, с. 38]. При этом доверие к государству связано с принципом справедливости, нравственностью, идеями и ценностями общества, интеллектуальным и волевым развитием личности. Конечно, по содержанию доверие населения к государству может быть инерционным (историческим), личностным (доверие к лидеру) и технологическим (итогом применения маркетинга). В демократическом исполнении доверие (faith, confidence) является актом консенсуса, согласованным мнением дифференцированных общественных сил, коллективов, индивидов и общества. Система отношений, связанных с доверием к государству, базируется на интеллектуальной, морально-волевой, политико-правовой, эмоционально-поведенческой характеристиках индивида, коллектива и общества. Справедливое государство, выступая частью механизма *предупреждения отчу-*

ждения власти от общества, призвано защищать ее от зарождения и развития процесса, обозначаемого в науке как захват государства (State capture) [4, с. 39].

С. С. Иванов полагает, что основными признаками этического государства являются социальный характер государственности, осуществляющей публично-правовое регулирование экономики с целью обеспечения общественного благосостояния и социальной справедливости, а также оптимизация церковно-государственных отношений, регулируемых на основе принципа *симфонии властей*. Утверждая детерминированность идеала этического, справедливого государства прежде всего христианскими теориями государственности, данный автор отмечает, что «справедливое (этическое) государство есть государство персоналистское, социальное, правовое, светское и федеративное, способное к формированию достойной политической элиты общества и в то же время к постоянному повышению правовой культуры общества посредством осуществления демократии участия – широкого привлечения граждан к делам общественного, производственного и государственного управления» [2]. Средством обеспечения нравственного характера государства может стать формирование системы органов этической власти, сформированных на основе представительства научного сообщества, верующих и атеистов. Особенно интересной представляется мысль Иванова о том, что немаловажную роль в процессе нравственного преобразования сущности государства может сыграть выработка направлений государственной политики, ориентированной на морально-политическую консолидацию общества посредством содействия формированию *общенациональной идеи* как своеобразного способа идеологической легитимации государственной власти, разновидности интегративной правовой идеологии, который представляет собой единство определенных духовно-нравственных и социальных ценностей, признанных обществом и положенных в основу права.

Однако приходится признавать, что конкретных представлений о том, как должно выглядеть устройство страны, в которой реализована справедливость, в современных условиях и перспективе (на языке устройства всех институтов, функций, процедур, механиз-

мов государства) пока не разработано. По мнению С. С. Сулакшина, ясности нет по крайней мере, по трем причинам: 1) нераскрытость базовых понятий в конкретном контексте (хотя у гуманитарных категорий есть свойство релятивизма: их смысл зависит от контекста приложения); 2) склонность теоретиков и политиков к сведению потребностей человека к материальным, что не дает исторически и эволюционно динамичного решения – проекты реализации «захлебываются» в своем историческом развитии; 3) практика государственного строительства «с колес», по наитию, в результате компромиссов и случайных движений [6].

Тем не менее сравнительный анализ и синтез представлений отдельных авторов позволяет не только сделать вывод о невозможности рассмотрения проблемы достижения справедливости вне этического и национального контекста, только на формально-правовой основе и чистом рационализме. Уже сейчас, выделив несколько нормативных принципов организации справедливого государства, можно выстроить вполне конкретный, жизнеспособный проект государственности. К ним следует отнести:

– официальное закрепление в конституции и других правовых нормах приоритета классического перечня этических добродетелей и национальной идеи, придание им статуса главного источника правотворческой деятельности и государственного стратегического планирования;

– законодательное утверждение полного баланса прав и обязанностей (каждое новое право порождает обязанность и самоограничение). Жесткая правовая ответственность представителей госаппарата за должностные преступления, в том числе посредством детально прописанной процедуры общественного суда;

– обеспечение реального равенства возможностей участия граждан в занятии выборных должностей посредством строгого ограничения и фиксации размера средств, потраченных на это;

– формирование на федеральном и региональном уровнях еще одной ветви власти – *этической*, наделенной функцией публичного осуждения или одобрения социально значимых и «резонансных» решений и действий, их оценки на предмет соответствия социальной справедливости, этическим заповедям и национальной идее. Состав ее органов должен формироваться только из представителей об-

щественных организаций путем прямых общенародных выборов, при выработке четких критериев допущения к ним, прежде всего безупречной репутации и реальных заслуг перед обществом (вклад в общественную безопасность, защиту отечества, производство благ, культуру, идеологию);

– активная роль государства как экономического субъекта в перераспределении на основе дифференцированного подхода к налогообложению субсидиарных схем поддержки различных групп населения;

– всестороннее – нравственное, интеллектуальное и физическое – развитие каждого гражданина. Власть должна сознательно формировать личность как субъекта политики и в какой-то степени судьбы над политическим режимом. Создание идеала гармонично развитой личности принципиально невозможно без комплексной систематической поддержки государством таких фундаментальных институтов, как семья, образование, литература и искусство в их традиционном (классическом) виде;

– адекватное и полное информирование населения, *обязанность* говорить правду; законодательный запрет на использование технологий манипуляции сознанием, достижения управляемости системы путем «формируемого общественного мнения», атомизации, дезориентации, дезорганизации и деморализации личности и общества.

То обстоятельство, что большинство принципов из представленного перечня противоречит сущностным основам политических систем Востока (неустрашимость традиционной (деспотической) и/или партийной диктатуры) и Запада (всевластие *сверхгосударства*, то есть управленческого сообщества, состоящего из международной бюрократии, финансовой олигархии, элитарных клубов-лож, ТНК, тайных спецслужб, а также отказ от регулирующей роли морали, псевдодемократия как власть манипулятора вместо власти тирана), вынуждает ставить вопрос о потенциале России, которая, продемонстрировав иной подход к базовому содержанию нравственности применительно к государственным структурам, *официально объявив нравственную идею идеей государственной*, положила бы тем самым начало реализации нового мирового политико-правового проекта.

Литература

1. Вознесенский Л. А. Социальная справедливость как национальная идея // Свободная мысль. 2008. № 4.
2. Иванов С. С. О нравственном преобразовании сущности государства. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/5/Ivanov_Essence-of-State/
3. Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010.
4. Миронов Д. Н. Справедливое государство: понятие, основы, предпосылки и функции // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития. Уфа, 2015. Вып. 2.
5. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
6. Сулакшин С. С. Государство справедливости: постановка задачи. URL: <http://rusrand.ru/science/gosudarstvo-spravedlivosti-postanovka-zadachi>.
7. Тяпин И. Н. Идеология нравственного государства в формате российской национальной идеи: основные постулаты // Желаемый облик будущей России. М., 2015.
8. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5.

Bibliography

1. Voznesensky L. A. Social justice as a national idea // Free thought. 2008. № 4.
2. Ivanov S. S. On the moral transformation of the nature of the state. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/5/Ivanov_Essence-of-State/
3. Kozlov M. I. Social justice in the context of the Russian tradition. Arkhangelsk, 2010.
4. Mironov D. N. State fair: concept, bases, preconditions and functions // Modern jurisprudence: topical issues and prospects of development. Ufa, 2015. Vol. 2.
5. Rawls J. A theory of justice. Novosibirsk, 1995.
6. Sulakshin S. S. State of justice: statement of the problem. URL: <http://rusrand.ru/science/gosudarstvo-spravedlivosti-postanovka-zadachi>.
7. Tyapin I. N. Ideology of the moral state in the format of the Russian national idea: basic tenets // Desired image of the future of Russia. Moscow, 2015.
8. Frank S. L. The essence and the leading motives of Russian philosophy // Philosophical sciences. 1990. № 5.

Еркеев Ильшат Хамитович
Erkeev Ilishat Hamitovich

преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Teacher, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
Тел.: 8 (919) 616-93-92.

Фролова Наталья Алексеевна
Frolova Natalia Alekseevna

профессор кафедры теории государства и права им. Г. В. Мальцева юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory of State and Law named after G. V. Maltsev, Law Faculty after M. M. Speransky, Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8(915) 114-97-46.

**К СООТНОШЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

To the relation of law in the economic sphere and economic security

В статье рассматривается соотношение законности в экономической сфере и экономической безопасности. Авторы полагают, что сравнительный анализ этих понятий не столь однозначный, как считают отдельные исследователи, и зависит от многих факторов. В рамках данной статьи осуществлена попытка раскрытия основных, наиболее существенных взаимосвязей этих явлений.

Ключевые слова: законность в экономической сфере, безопасность, экономическая безопасность государства, механизм обеспечения экономической безопасности.

The purpose of writing this article is to review the legality of relations in the economic sphere and economic security. In our view, the relationship between these concepts is not as unambiguous as determined by individual researchers, and depends on many factors. In this article the attempt of opening the main, the most important relationships of these phenomena.

Keywords: act in the economic sphere, security, economic security of the state, mechanism to ensure economic security.

Проблема развития экономики, недопущения ее критических состояний присуща всем государствам, исключением не является и Российская Федерация. Оказываемое воздействие внутренних (недиверсифицированность экономики, технологическая отсталость и так далее) и внешних (зависимость от конъюнктуры цен на сырьевые ресурсы, санкционная политика западных стран) негативных факторов на экономику предопределяет необходимость совершенствования государственных органов, законодательства в целях обеспечения экономической безопасности страны. Потребности в устойчивом экономическом росте, определении экономической государственно-правовой политики, реформировании государственно-правовых институтов актуализируют исследова-

ния проблем законности в экономической сфере и экономической безопасности.

Исследователями соотношение законности и обеспечения экономической безопасности часто рассматривается как необходимое условие первого для реализации второго. Однако, на наш взгляд, законность будет фактором экономической безопасности в случае соответствия определенным критериям. Предлагаем рассмотреть наиболее существенные условия, при которых законность в экономической сфере действительно оказывается фактором экономической безопасности.

Проблемы понятия, сущности, гарантий и содержания законности изучались многими исследователями [1]. Законность понимают как цель, требование права, принцип юриди-

ческой деятельности, режим общественной жизни или же образ, модель, систему принципов, к которой стремится общество.

Столь же разнообразны мнения исследователей относительно понятия экономической безопасности, определяемой через устойчивое состояние экономики и институтов власти, экономические интересы (в широком значении – в качестве общенациональной демократической программы постоянного развития и совершенствования национальной экономики, при реализации которой учитываются интересы всех слоев общества, в узком – представляющей собой не что иное, как «набор методов и средств противодействия негативным проявлениям рыночных сил вследствие неорганизованного участия в мировых хозяйственных процессах, лечения общественных болезней, преодоления трудностей развития, обеспечения текущих военно-политических задач» и так далее) [2].

Таким образом, проблема соотношения законности и экономической безопасности обусловлена в первую очередь многогранным пониманием этих явлений.

Следует подчеркнуть, что основу законности составляет закон. Соответственно, понимание законности определяется трактовкой закона с позиций юридического позитивизма или естественного права.

В первом случае, признавая тождество права и закона, под законностью понимается соблюдение и исполнение законов всеми участниками правоотношений. По мнению исследователей, слабой стороной является то, что закон может иметь откровенно репрессивный характер.

Во втором случае законность возможна только при соответствии закона принципам естественного права и определяется как правозаконность. Как отмечает К. И. Амирбеков, в условиях режима правозаконности человек может вступить «в спор о праве» с самим законодателем, если действующее позитивное право, выраженное в законодательстве, не воплощает идею ценности прав человека. Принципы правозаконности содержат требования ограничения полновластия законодателя достигнутым мировым сообществом комплексом представлений о минимальных гарантиях свободы личности, зафиксированным в основополагающих международных документах

(декларациях, конвенциях, пактах) [3, с. 2–5]. Таким образом, определенное качество закона достигается наличием легитимного механизма корректировки закона.

В этой связи необходимо отметить, что обеспечение прав и свобод человека (право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свобода предпринимательства, права частной собственности и так далее) является одним из базовых условий для развития рыночной экономики и ее роста. Соответственно, неспособность государства обеспечить продекларированные права и свободы человека и гражданина является деструктивным фактором экономической безопасности.

Абстрагирование от содержания закона и акцентирование внимания лишь на функциональной составляющей в виде требования беспрекословного исполнения и соблюдения закона выхолащивает такое емкое и многогранное понятие, как законность. Закон может иметь деструктивный характер в силу различных причин: отсутствия реальной политической конкуренции, позволяющей соблюдать баланс интересов общества, необеспеченности материального права процессуальным, иных дефектов юридической техники, негативной правоприменительной практики и так далее.

Взаимосвязи законности в экономической сфере и экономического развития и безопасности многогранны. Для обеспечения стабильного экономического роста, развития эффективной экономической политики необходимо современное законодательство. Закон определяет фундаментальные основы экономики: правовой режим собственности, формирование и распределение денежных фондов государства, экономические права и свободы, антимонопольные требования и другое. Как отмечает С. С. Алексеев, правовая форма экономических отношений является не просто необходимостью, а выполняет активную организующую функцию и потому глубоко проникает в ткань экономической жизни в качестве важного компонента механизма экономических процессов [4, с. 188].

Таким образом, законодательство определяет условия развития экономики, при этом может оказывать как стимулирующее, так и подавляющее воздействие.

По мнению многих исследователей, в Российской Федерации действует достаточно развитое экономическое законодательство. Однако необходимо дальнейшее совершенствование норм, регулирующих экономическую сферу, а также имплементация эффективных правовых институтов с учетом культурных, социально-экономических особенностей российской действительности.

Нормативно-правовыми актами регулируются система обеспечения экономической безопасности, структура и компетенция государственных органов, участвующих в процессе выработки и реализации решений в области обеспечения экономической безопасности, и так далее. В государственно-правовом механизме реагирование на деструктивные факторы, воздействующие на экономику, осуществляется всеми отраслями права – конституционным, финансовым, гражданским, уголовным и т. п.

В этой связи, как справедливо отмечает Т. Ашурбеков, важно обратить внимание на то, что законность взаимосвязана со всеми компонентами системы обеспечения национальной безопасности – ее целями, объектами, субъектами, ресурсами. Потому ее значение столь велико для формирования и становления новой системы обеспечения национальной безопасности страны. Без стабильной законности и твердого правопорядка сегодня немислимо успешное решение этой проблемы [5, с. 2–6]. Полагаем, что эти положения справедливы и для экономической безопасности как части национальной безопасности.

Система источников норм права, направленных на регулирование общественных отношений в сфере обеспечения экономической безопасности государства, представляет собой комплекс международно-правовых и нормативно-правовых актов национального законодательства. Нормативно-правовые акты (федеральные законы, подзаконные акты) формируют правовую основу обеспечения экономической безопасности, составляют нормативно-правовую подсистему государственно-правового механизма обеспечения экономической безопасности.

На наш взгляд, для эффективного функционирования системы обеспечения экономической безопасности важна ее институционализация. Как отмечает И. Д. Хутинаев, институционализация в системе государственной власти означает переход от модели функциони-

рования, основанной на персональных качествах и персональной воле субъектов управления, предполагающей значительную свободу и вариантность их поведения, к модели деятельности, четко регламентированной социальными нормами, преимущество среди которых, безусловно, принадлежит нормам права. Это приводит к определенности, предсказуемости процессов управления, выработке и реализации государственно-властных решений в экономике, политике и т. п. При таком политическом режиме участники государственно-правовых, экономических и социальных правоотношений изначально осведомлены о том, каким образом властные учреждения могут действовать и какие решения могут принять. Таким образом именно право становится теми рамками жизни общества, а деятельность государственной власти формализуется правом и осуществляется в этих рамках [6, с. 98].

Однако наличие современного законодательства не является достаточным как в целом для осуществления экономического роста, так и обеспечения экономической безопасности. Следующим важным моментом является правореализационная и правоприменительная практика. Безусловно, крайне важное значение имеет соблюдение и исполнение принятых в государстве законов в целях обеспечения экономической безопасности и законности в экономической сфере [7].

Без обращения к потенциалу, которым обладает законность, нельзя наладить и обеспечить механизм перехода от правовой возможности к правовой действительности. Право устанавливает лишь «юридическую возможность», а от закона до его исполнения – огромная дистанция, которая при помощи законности может быть успешно преодолена. Но для этого важно, чтобы в ходе своего функционирования законность представляла собой единство должного и сущего. Именно в таком качестве она пронизывает правовую систему, процессы правотворчества и правореализации [8, с. 26].

Можем констатировать, что законность является фактором экономической безопасности при условии обладания закона определенным качеством, достигаемым наличием легитимного механизма корректировки закона, который позволяет гарантировать права и свободы человека и гражданина, определенный

уровень, состояние устойчивого развития личности, гражданского общества, государства и защищенность их экономических интересов. Следующим условием выступает реализация закона, положительная правоприменительная практика, то есть гарантированная реализация норм закона, эффективная работа правоохранительных и судебных систем. Согласимся с исследователями, отмечающими, что существование устойчивой тенденции увеличения масштабов теневой и криминально-коррупционной составляющих в российской экономике, их развитие в системе социально-экономических отношений, ее латентный характер обуславливают необходимость поиска новых подходов к организации процесса противодействия в современных условиях [9, с. 10].

Таким образом, на наш взгляд, проблема соотношения законности и экономической безопасности связана с многогранным пониманием этих явлений, качеством закона, которое достигается наличием легитимного

механизма его корректировки, позволяющего гарантировать права и свободы человека и гражданина, определенный уровень, состояние устойчивого развития личности, гражданского общества и государства, защищенность их экономических интересов, эффективной работой правоохранительных и судебных систем.

Законность, выражающая как правовая категория важнейшие требования уважения и исполнения нормативно-правовых актов, защиты прав и интересов граждан, представляет ценностный потенциал экономической безопасности. Обеспечение законности требует целенаправленного воздействия на поведение и деятельность субъектов экономической безопасности. Учет экономических, политических, психологических и других факторов, механизмов их воздействия на деятельность субъектов экономической безопасности также влияет на обеспечение законности как режима общественной жизни.

Литература

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1993.
2. Витрук Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998.
3. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000.
4. Паньков В. Экономическая безопасность: мирохозяйственный и внутренний аспекты // Внешнеэкономические связи. 1992. Вып. 8.
5. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М., 2005.
6. Зайцева М. Н. Пути обеспечения экономической безопасности России как одно из направлений реализации стратегии социально-экономического реформирования // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2005. № 5.
7. Амирбеков К. И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. 2016. № 4.

Bibliography

1. Alekseev S. S. State and law. Initial course. Moscow, 1993.
2. Vitruk N. V. Legality: the concept, protection and promotion. Constitutional law and constitutional justice // The general theory of state and law. Academic course: in 2 vols / ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 1998.
3. Theory of state and law: lectures / ed. by N. I. Matuzova and A. V. Malko. Moscow, 2000.
4. Pankov V. Economic security: global economic and internal aspects // Foreign economic relations. 1992. Vol. 8.
5. The economic security of Russia: general course: textbook / ed. of V. K. Senchagova. 2nd ed. Moscow, 2005.
6. Zaitseva M. N. Ways of ensuring the economic security of Russia as one of the areas of implementation of socio-economic reform strategy // The economic security of Russia: political orientation, legislative priorities and practices for // Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the MOI of Russia. 2005. № 5.
7. Amirbakov K. I. Transformation of views on the understanding of the rule of law as a legal category // Russian justice. 2016. № 4.
8. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 vols. Moscow, 1981. Vol. 1.

-
-
8. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. Т. I.
9. Ашурбеков Т. Законность и национальная безопасность // Законность. 2008. № 5.
10. Хутинаев И. Д. Институциональная теория и совершенствование государственной власти Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 4.
11. Архипов Д. Н., Ребров А. А., Ханахмедов А. С. Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности топливно-энергетического комплекса России на современном этапе // Юрист-Правоведь. 2016. № 3.
12. Тутинас Е. В., Шумилина А. Б. Законность как системное образование // Юрист-Правоведь. 2015. № 1.
13. Анищенко В. Н., Хабибулин А. Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономика-правовой анализ). М., 2014.
9. Ashurbekov T. Law and National Security // Law. 2008. № 5.
10. Hutinaev I. D. Institutional theory and improvement of the state authorities of the Russian Federation // «Black Holes» in the Russian legislation. 2005. № 4.
11. Arkhipov D. N., Rebrov A. A., Hanahmedov A. S. Actual issues of ensuring the economic security of Russian fuel and energy complex at the present stage // Jurist-Pravoved. 2016. № 3.
12. Tutinas E. V., Shumilina A. B. Law as a system formation // Jurist-Pravoved. 2015. № 1.
13. Anischenko V. N., Khabibulin A. G. Criminal and financial threats to the implementation of socio-economic reforms and projects in Russia (economic and legal analysis). Moscow, 2014.

Крепкова Ирина Александровна
Krepkova Irina Alexandrovna

заместитель начальника отдела – начальник отделения полиграфической и оперативной печати редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России кандидат исторических наук.

Deputy Head of Department – Head of Printing Operations of the Publishing Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History.

E-mail: krepkovaia@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1917 ГОДУ

Formation of public order protection bodies in the Nizhny Povolzhe region in 1917

В статье показываются особенности ликвидации царской полиции и жандармерии в Нижнем Поволжье в 1917 году. Проанализирован процесс создания новых органов охраны правопорядка в Саратовской и Астраханской губерниях. Рассмотрена специфика формирования штатов милиции, исследованы источники финансирования вновь созданных органов, проанализирована деятельность сотрудников милиции в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, полиция, жандармерия, милиция, комиссар, штаты, нормативный акт.

The article deals in various aspects of liquidation of tsarist police and gendarmerie in the Lower Volga Region in 1917. The process of formation of new public security bodies in Saratov and Arkhangelsk governorates is investigated. The local context of militia security staffing is analyzed, as well as the sources of funding for the newly formed bodies. Also, a review of militia security members' activities in the given period is made.

Keywords: Lower Volga Region, police, gendarmerie, militia, militsiya, commissar, staff, regulations.

В литературе, посвященной формированию милиции в Нижнем Поволжье, данный процесс рассматривается лишь с 1918 года. Однако, как свидетельствуют источники, большая часть которых впервые вводится нами в оборот, становление новых органов охраны общественного порядка происходит весной 1917 года. Именно отсутствие научных изысканий по этому вопросу придает особую актуальность данному исследованию, основанному исключительно на анализе архивных материалов.

Целью данного исследования является изучение процесса ликвидации жандармских управлений и института полиции в целом в начале 1917 года и формирование нового органа охраны общественного порядка – милиции на территории Саратовской и Астраханской губерний.

В результате февральских событий 1917 года произошла смена политического строя России. По мнению новых органов управления, полиция (и общая, и политическая), стоявшая на страже интересов свергнутого режима, не могла эффективно выполнять свои функции.

Уже 28 февраля 1917 года Временный комитет Государственной думы издал постановление о немедленном аресте всех чинов наружной и тайной полиции, а также Отдельного корпуса жандармов.

3 марта Временное правительство заявило о том, что своей важнейшей задачей считает замену полиции «народной милицией с выборным начальством» [1, с. 84]. 6 марта 1917 года упраздняется Отдельный корпус жандармов, а постановлением Временного правительства от 10 марта 1917 года – Департамент полиции и учреждается Временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

Территория Нижнего Поволжья в изучаемый период включала в себя Саратовскую и Астраханскую губернии. Процесс ликвидации института полиции и становления новых органов охраны общественного порядка в данном регионе имел ряд особенностей.

В Саратове представители Военного комитета и солдаты 3-го пулеметного полка 2 марта произвели аресты губернатора, вице-губернатора и полицмейстера [2, л. 2]. Аресты чи-

нов полиции и жандармерии продолжались около суток вплоть до издания приказа Городского (губернского) общественного исполнительного комитета о прекращении арестов представителей старой власти [2, л. 3]. 11 апреля на заседании военной секции саратовского Совета было решено полицейских и жандармов всех чинов отправить в действующую армию в качестве рядовых [2, л. 24].

В Царицыне 2 марта также происходили аресты чинов полиции и жандармерии. Кроме того, солдатами 141-го пехотного полка была сожжена тюрьма, в результате чего на свободе оказались все заключенные [2, л. 24].

С 4 марта началось разоружение полиции в уездах Саратовской губернии.

В начале марта в Саратове создана комиссия по ликвидации местных жандармских управлений в составе председателя А. С. Чумаевского и членов – Л. И. Перельмана, П. П. Романенко, М. П. Сердобова, А. А. Гольдштейна, а также двух представителей Военного комитета Маслова и Гургеса. Перед Комиссией были поставлены следующие задачи: установить сотрудников всех жандармских управлений, осветить их деятельность, выбрать и подготовить материал для возбуждения уголовного преследования против сотрудников и чинов жандармских управлений в случае совершения ими уголовных преступлений и преступлений по должности, а также отобрать документы, имеющие историческое значение. Кроме того, на Комиссию было возложено заведывание хозяйственной частью жандармских управлений [3, л. 26]. Впоследствии Губисполком постановил поручить Комиссии производить допросы лиц, служивших в охранном отделении и жандармском управлении, для выяснения граждан, сотрудничавших с охранным отделением [3, л. 28]. Данный список был опубликован Комиссией 11 апреля [2, л. 33].

Во избежание уничтожения документации ликвидируемых учреждений в 20-х числах марта саратовским исполкомом была образована комиссия для охраны дел и документов местного охранного отделения [3, л. 33].

В Астраханской губернии губернский комиссар 7 марта дал поручение о расформировании полиции. Сохранилась переписка губернского комиссара с комиссаром Астраханского уезда, в которой первый 13 марта 1917 года потребовал от второго доклад о проделанной

работе и списки арестованных жандармских и уездных полицейских чинов с указанием, когда и кому они переданы [4, л. 38]. 15 марта 1917 года астраханский уездный комиссар докладывал губернскому комиссару, что «вследствие предложения от 7 марта № 1799 и 13 марта № 1858 расформирование общей уездной полиции производится как мною лично, так и посредством волостных старшин Астраханского уезда.

...Случаев заорестования чинов жандармской полиции района Астраханского уезда не было» [4, л. 39].

Бывшие полицейские урядники и стражники, расквартированные в уездах, направлялись в Астрахань в распоряжение воинского начальника. Их вооружение передавалось уездным комиссарам, делопроизводство и денежные средства, находившиеся у приставов, – волостным старшинам. Кроме того, было направлено письмо атаману Донского казачьего войска со списком членов уездной полиции из казачьего сословия, подлежащих отбыванию воинской повинности [4, л. 11–13]. В марте 1917 года только из Астраханского уезда в войсковые части было отправлено 85 бывших чинов Астраханской уездной полиции [4, л. 103].

Астраханский полицмейстер Робуш продолжал выполнять свои обязанности в течение марта и был уволен лишь 30 числа приказом губернского комиссара Бирюкова № 561 на основании телеграммы министра внутренних дел от 26 марта 1917 года № 25063 [4, л. 113].

Одновременно с ликвидацией старой полиции шло формирование новых органов охраны общественного порядка. Данный процесс в первые дни существования нового строя основывался исключительно на творчестве народных масс, так как первый нормативный акт общегосударственного значения, регламентирующий создание нового правоохранительного органа – милиции, был принят 17 апреля 1917 года (постановление Временного правительства «Об учреждении милиции»).

На территории Нижней Волги первый отряд милиции создается 3 марта 1917 года рабочими крупнейшего в Царицыне металлургического Французского завода (сегодня это завод им. Красного октября) [2, л. 4]. 6 марта в городе в целях охраны порядка и безопасности граждан учреждается Комитет общественной безопасности, в состав которого вошли

представители Временного исполнительного комитета и Совета рабочих депутатов. В этот же день Комитет обсудил вопрос об организации общегородской милиции [2, л. 6].

Первым нормативным актом, закрепляющим юридические основы создания милиции в изучаемый период в Нижневолжском крае, является Положение о милиции, разработанное и утвержденное Саратовским советом рабочих депутатов 6 марта 1917 года. В Положении указывалось, что «...для самоохраны народа и нормального течения жизни города Совет организует из среды рабочих народную милицию» [5]. В соответствии с данным Положением милиция делилась на милицию по охране города и милиционные дружины по охране фабрик и заводов.

Бывшие полицейские чины в милицию не принимались.

Списки милиционеров должны были формировать заводские комитеты и утверждать в исполкоме. На каждый участок планировалось назначать милиционеров в три раза больше числа бывшего состава полиции. За свою работу они получали денежное содержание, размер которого не должен был быть ниже содержания бывших чинов полиции. Члены участковой милиции из своей среды выбирали начальников стражи, помощников начальников стражи и старших милиционеров. Внутренний распорядок и распределение службы устанавливал участковый комиссариат, в подчинении которого находился участковый отряд милиции. Оружие милиции должен был выдавать исполком Совета рабочих депутатов. Милиционер обязан иметь при себе удостоверение за подписью начальника милиции. Минимальный срок службы каждого милиционера был определен в 2 недели.

Милиционные дружины по охране фабрик и заводов должен был формировать каждый заводской или фабричный комитет. Все милиционные дружины подчинялись начальнику милиции, дружинникам выдавалось оружие. Служба дружинников не оплачивалась, однако они могли быть привлечены и к охране города. В этом случае им выдавалось денежное содержание на общих основаниях [5].

В Астрахани первые отряды милиционеров созданы по инициативе различных общественных организаций и предприятий города. Так, гимнастическое общество «Сокол» в письме

на имя председателя исполкома г. Астрахани сообщило об образовании 3 марта 1917 года при нем отряда милиционеров, который «3 дня по возможности старался водворить порядок, тишину и спокойствие среди населения г. Астрахани» [6, л. 1]. 5 марта организован отряд милиционеров из учащих средних учебных заведений. В целях достижения большей эффективности было принято решение об объединении этих 2-х отрядов, при этом штаб-квартиру первого отряда перенесли в центр города, что сильно затруднило передвижение милиционеров на окраины. Поэтому 8 марта милиционный отряд при обществе «Сокол» был возвращен в свою прежнюю штаб-квартиру и взял на себя охрану только 1 и 6 участков, расположенных на окраинах города.

8 марта на общем собрании служащих, рабочих и мастеровых механических мастерских Восточного общества товарных складов и Товарищества нефтяного производства братьев Нобель были избраны начальник милиции и его помощник, а 14 марта утверждены отобранные начальником милиции 15 младших милиционеров и 1 старший [4, л. 56–57].

Нормативный акт, юридически закрепляющий образование милиции в Астраханской губернии в 1917 году и регламентирующий основные принципы деятельности нового органа, разработан не был. Однако при создании отряда милиции при Дюрт-Алтынской пристани Восточного общества товарных складов была подготовлена инструкция, которая регламентировала деятельность отряда. В отличие от саратовского Положения о милиции, в ней регламентирован не только процесс формирования милиции, но и штаты, обязанности и даже порядок дежурств милиционеров:

1. Организация милиции поручается заранее выбранному на общем собрании начальнику милиции, который по окончании набора милиционеров делает доклад местному Совету рабочих депутатов. После рассмотрения Советом список передается на утверждение общего собрания, затем направляется в уездный исполком.

2. Все милиционеры должны подчиняться начальнику милиции и его помощнику и по первому требованию являться для исполнения своего гражданского долга по защите прав и имущества свободных граждан.

3. Каждый милиционер должен считать своим долгом и обязанностью немедленно заявлять начальнику милиции или же, в случае его отсутствия, помощнику о лицах, ведущих пропаганду свергнутого самодержавного строя и разного рода провокаторах, натравливающих одну часть населения на другую или разжигающих национальную вражду, и так далее. Подобного рода лиц следовало задерживать до выяснения их личности и составлять протоколы, которые затем передавать комиссару правительственной власти.

4. Вступивший в ряды народной милиции должен осознавать всю меру ответственности перед родиной и избравшими его гражданами, которые вверили ему защиту личности и жилища. Кроме того, каждый милиционер должен пообещать свято и нерушимо исполнять свой гражданский долг.

5. Милиция состоит из 16 человек и делится на 2 отряда, которыми командует начальник и его помощники.

6. Если потребуются ночные дежурства или ночные обходы патрулей либо командировка, то предприятие названной пристани обязано оплачивать милиционерам потерянное ими время и расходы столовые.

7. Порядок дежурства милиционеров назначается начальником милиции. Для успешной и продуктивной работы милиции начальник должен проводить общие собрания милиционеров, на которых следует вести протоколы.

8. В обязанности милиции входит борьба с шинками, азартными игроками, проституцией и притонами, действующими разлагающим образом на общественную и политическую жизнь страны.

9. Жалобы на неправильные действия милиционеров подаются начальнику милиции, который отчитывается перед общим собранием [4, л. 55].

Во второй половине марта начинается формирование милиции в уездах и волостях Астраханской губернии. В селах и поселках на общих собраниях населения избирали милиционеров и направляли их списки на рассмотрение уездному комиссару, который утверждал кандидатуры и выдавал удостоверения следующего содержания: «Предъявитель сего есть милиционер Астраханской уездной милиции Артемичев Федор Степанович, служебные обязанности которого распространяются на рай-

он всего Заячьего острова, поселки: Абеловский, Ново-Абеловский, с пристанями Московско-Волжско-Бакинского нефтепромышленного торгового товарищества и Тер-Акопова, что подписан и приложением печати удостоверяется. Астраханский уездный комиссар» [4, л. 61].

Анализ сохранившихся в Государственном архиве Астраханской области документов показал, что в течение марта-апреля 1917 года в Астраханской губернии было выдано около 200 удостоверений сотрудника милиции.

Штаты милиционеров и их жалование первоначально определялись на общих собраниях граждан. Количество сотрудников в селах колебалось от 1 до 4 человек. Например, жители поселка Бертюль в количестве 235 душ «для водворения у себя тишины и спокойствия, а равно для пресечения различного рода незаконных действий со стороны лиц, занимающихся грабежами, разбоями и нанесением оскорблений мирным жителям, как словами, так и действиями, решили утвердить у себя в поселке милицию в составе 1 лица. Для этой цели на общем собрании 14 марта 1917 года. ... постановили: избрать на этот пост нашего жителя Я. Г. Лужнова» [4, л. 162]. 23 марта уездный комиссар выписал удостоверение № 38 и отправил его в п. Бертюль.

Записи в журнале Икрянского сельского народного собрания от 3 апреля 1917 года свидетельствуют о том, что «...собрание признало необходимым формировать сельскую местную милицию в числе 4 человек, из которых 2-е должны занять места речной охраны, которая должна следить за порядком как со стороны ловцов, так и арендаторов вод... при этом собрание признало, что эти лица ввиду дороговизны должны получать не менее 100 рублей в месяц» [4, л. 91].

Отметим, что не только села и поселки, но и целые волости имели 1 или 2 милиционеров. Например, Ново-Разбугоринский волостной исполком в докладе уездному комиссару сообщил о наличии 1 милиционера (жалованье не указано) [4, л. 169], Чаганский – 2-х с жалованьем по 60 рублей [4, л. 161], Карантинный – 2-х с жалованьем 80 рублей [4, л. 175]. Председатель же Яндыковской волости докладывал 18 апреля, что милиционеры на службу не принимались [4, л. 167].

В некоторых селах милиционеры несли службу на общественных началах и по понят-

ным причинам их работа имела низкую результативность. Так, в постановлении Камызякского волостного исполкома от 11 апреля 1917 года отмечалось, что в с. Камызяке числилось 6 милиционеров, которые за свою службу не получали жалования и, соответственно, «...относились к своим обязанностям... почти халатно...» [4, л. 130]. В связи с этим Волостной исполком постановил: принять на должность милиционера крестьянина А. Г. Шабалина с окладом 100 руб. Цветновский волостной исполком 15 апреля докладывал Астраханскому уездному комиссару, что «в наличии имеются 8 милиционеров. Начальник, помощник, 3 в селе, 3 по рыболовству. В смету заложены 2 по 90 руб., остальные служат бесплатно» [4, л. 68].

В целях упорядочения системы новых органов охраны общественного порядка 10 апреля 1917 года волостным, сельским и поселковым комитетам был разослан циркуляр уездного комиссара № 455 о необходимости срочно доложить о количестве принятых на службу милиционеров и размере их жалования [4, л. 161].

На следующий день, 11 апреля, Астраханский уездный комиссар подал на утверждение губернскому комиссару штатное расписание уездной милиции (см. табл.) [4, л. 123].

ганов охраны правопорядка выступали бюджетные средства, выделяемые местными органами власти, и общественные средства (в городе это средства фабрик, заводов или обществ, в сельской местности – деньги местного населения). 10 апреля астраханский уездный комиссар телеграфировал волостным, сельским и поселковым комитетам Астраханского уезда: «...так как средств на содержание народной милиции правительством не ассигновано, то таковая впредь до соответствующих распоряжений правительственной власти должна содержаться на местные средства волостных, сельских и поселковых комитетов» [4, л. 110]. Однако, учитывая тот факт, что денежных сумм до местных комитетов доходило крайне мало, им ничего не оставалось, как восполнять этот недостаток за счет средств местных жителей. Так, в постановлении управления Дмитриевского волостного исполкома от 16 апреля отмечается: «...милиционерам... содержание выдается из средств, позаимствованных у частных лиц» [4, л. 174]. В с. Раздорское Каралатской волости оплата службы милиционеров производилась из сумм сельского мирского сбора [4, л. 177]. Такая же ситуация сложилась и во многих других волостях.

Таблица

Штатное расписание Астраханской уездной милиции

№ п/п	Должности	Количество	Сумма, в рублях
1	Начальник	1	400
2	Помощник начальника	1	300
3	Секретарь	1	200
4	Столоначальник	2	250
5	Регистратор, он же заведующий архивом	1	100
6	Машинистка	1	80
7	Начальник резерва	1	200
8	Милиционер	1	100
9	Курьер	2	130
10	На канцелярские расходы	–	75

Данный документ впоследствии утвердился, однако штатное расписание милиции в волостях так и не было разработано. В течение 1917 года сотрудниками милиции назначались крестьяне на общих собраниях граждан сел в количестве и с оплатой, определенными на этих же собраниях.

Источниками финансирования новых ор-

Нормативного акта, регламентирующего денежные выплаты милиционерам, не существовало. Единственным документом, в котором рассматривался данный вопрос, являлось постановление Астраханской уездной земской управы от 16 мая 1917 года № 463. В нем отмечалось следующее: «...расходы по удовлетворению содержанием чинов милиции из

средств казны производятся в пределах норм, установленных законом 23 октября 1916 года, недостающие суммы относятся на средства Астраханского уездного земства» [4, л. 247].

Имеющиеся сведения позволяют сделать выводы о том, что деятельность новых правоохранительных органов не была эффективной. Подтверждением этому может служить следующее замечание: «Милицionеры, несущие всю работу по поддержанию порядка, очень неопытны. Они почти все безграмотны, это делает дознания, производимые ими, несовершенными, так как они не могут правильно изложить обстоятельства дела. Они допрос излагают в такой форме, что иногда совершенно не в состоянии найти состав преступления. Кроме того, производятся по неопытности аресты, которые не имеют за собой в основе преступления, являются незаконными и недопустимыми» [4, л. 272]. Начальник астраханской милиции в обращении в исполком № 1303 от 21 марта 1917 года писал: «...производство милицией обысков (речь идет об обыске в целях обнаружения “собрания монархистов”) не только не достигает цели... но и ...восстанавливает население против установленного строя» [7, л. 20].

С апреля 1917 года по всей стране начинается насильственный захват крестьянами помещичьих земель и инвентаря. Ни одного документа, свидетельствующего об участии милиционеров в предотвращении самовольных захватов, в архивах Нижнего Поволжья найдено не было. Однако в распоряжении министра Временного правительства кн. Львова от 8 апреля отмечалось, что крестьянские волнения должны быть подавлены военной силой [2, л. 22].

Отсутствуют сведения, подтверждающие участие милиции в подавлении массовых беспорядков в губернских городах Нижнего Поволжья. Так, 14 апреля в Царицыне произошел винный погром, начатый солдатами маршевой роты 93 пехотного полка. Он был ликвидирован силами рабочих и солдат 141-го пехотного полка [2, л. 25]. В Саратове 26 апреля также произошел винный погром, подавленный рабочими и революционными воинскими частями [2, л. 31]. Таким образом, милиция в данный период не могла полностью заменить полицию и обеспечить охрану общественного порядка. Подтверждением этому также может

служить принятие 2 мая рабочими и служащими завода «Титаник» в Саратове резолюции о необходимости организации на каждом предприятии дружин, помимо милиции [2, л. 38].

Отметим, что многие бывших полицейские чины обращались с просьбами о принятии их в ряды сотрудников милиции. 20 марта из Петрограда в регионы направлена телеграмма за подписью товарища министра внутренних дел кн. Урусова следующего содержания: «В МВД поступает значительное количество ходатайств со стороны бывших чинов полиции и корпуса жандармов об определении их на службу в милицию и в войска. Во избежание излишней переписки прошу широко оповестить этих лиц, что прием на службу в милицию достойных из их числа всецело зависит от комиссаров...» [4, л. 82]. Однако комиссары на местах не спешили принимать на службу в милицию бывших полицейских и жандармов. Хотя, вполне вероятно, это могло бы во многом исправить положение и обеспечить более эффективную организацию охраны общественного порядка.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Ликвидация института полиции и становление новых органов охраны общественного порядка в Нижнем Поволжье начались одновременно с аналогичными событиями в центральных губерниях. При этом процессы, происходившие в Саратовской губернии, значительно отличались от имевших место в Астраханской губернии. Так, в Саратове уничтожение полиции началось с создания органа, призванного изучить деятельность бывших чинов, в случае необходимости расследовать и подвергать их наказанию по закону. В Астраханской губернии такого органа не существовало и весь процесс ликвидации происходил стихийно.

Создание милиции в Саратове регламентировалось Положением, разработанным местным Советом рабочих депутатов. В Астрахани такого нормативного акта не существовало. Изначально милиция создается в губернских городах, и лишь к середине марта этот процесс охватывает и уезды. Отсутствие документа, регламентирующего штаты и денежное содержание милиции, приводит к нерегулируемому избранию милиционеров в населенных пунктах. При назначении окладов милиционеров общие собрания граждан, по-видимому, исходили из возможности данного

поселения собрать необходимую сумму денег самостоятельно, так как средств в местных бюджетах на оплату труда милиционеров не было. Деятельность первых милиционеров,

бывших крестьян и рабочих, имела низкую результативность по причине общей необразованности, отсутствия опыта, незнания основ работы.

Литература

1. Фастов А. Г., Пантелеев Е. В., Бойко Д. В. История органов внутренних дел: учебное пособие. Волгоград, 2016.
2. ГАСО. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 74. Хроника революционных событий (март 1917 – июль 1918 года).
3. ГАСО. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 72. Справка об организации комиссии по ликвидации саратовских жандармских управлений.
4. ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 21. Дело об организации милиции в Астраханском уезде 8 марта 1917 года.
5. Известия Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 марта.
6. ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 20.
7. ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 25. Сведения о неблагонадежных лицах по отношению к новой власти.

Bibliography

1. Fastov A. G., Panteleev E. V., Wojko D. V. History of interior affairs bodies. Volgograd, 2016.
2. Chronicle of the revolutionary events from March 1917 to July 1918. GASO. F. 1279. Op. 1. D. 74.
3. Reference on the organization of the Commission for the Elimination of Saratov Gendarmerie. GASO. F. 1281. Op. 1. D. 72.
4. Proceedings for the organization of militia public security in Astrakhan Uyezd March 8, 1917. GAAO. F. 1093. Op. 1. D. 21.
5. Reports the Saratov soviet of workers' and soldiers' deputies. 1917. March 8.
6. On the organization of the people's militia public security in the Astrakhan province. GAAO. F. 1093. Op. 1. D. 20.
7. Information about politically suspect persons disloyal to the new government. GAAO. F. 1093. Op. 1. D. 25.

Моисеев Андрей Викторович
Moiseev Andrey Viktorovich

кандидат философских наук.

PhD in Philosophy.

E-mail: andrey-moiseevF@yandex.ru

**ОБРАЗ ВЕРСАЛЯ И ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛА ИСТОРИИ
В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ**

**Image of Versailles and the problem of the limit of history
in the «Phenomenology of Spirit» by Hegel**

В статье анализируется образ Версаля и Людовика XIV в качестве формообразования самосознания в его исторически отчужденном существовании, как оно представлено в «Феноменологии духа» Гегеля. Версаль характеризуется как предел объективированной истории человека. Отмечается его значение для раскрытия подлинного истока современной эпохи сознания и целостной философии истории Гегеля.

Ключевые слова: «Феноменология духа», Гегель, Версаль, абсолютное самосознание, самоутверждение Духа, отчуждение, абсолютный предел.

The article analyzes the representation of Versailles and Louis XIV as shaping identity in its historically alienated existence as it is presented in «Phenomenology of spirit» Hegel. Versailles is characterized as the summit of objectified human history. Noted its importance to the disclosure of the true source of the modern epoch of the consciousness and a holistic philosophy of history of Hegel.

Keywords: «The Phenomenology of Spirit», Hegel, Versailles, absolute consciousness, affirmation of the Spirit, alienation, absolute summit.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что содержащийся в «Феноменологии духа» Гегеля образ версальского общества и его творца – Людовика XIV является на сегодняшний день практически неизученной страницей истории самосознания классической европейской культуры. Вместе с тем феноменологически установленная Гегелем «абсолютная форма» отчужденного существования субъекта позволяет говорить о связи природы французского абсолютизма второй половины XVII – начала XVIII века и исторического предела существования предметно во времени объективированных форм мышления и человеческой свободы. Кроме того, данный образ вносит существенные коррективы в традиционную интерпретацию философско-исторических воззрений Гегеля и место в них именно «Феноменологии духа».

В Лекциях по философии истории Гегеля есть лишь одно прямое упоминание имени Людовика XIV, когда речь идет о специфике нового времени и становлении национального типа государственности, нового по отношению к сеньориальной системе и тому типу общественных отношений, который сложил-

ся в Западной Европе сразу после Реформации [3, с. 435–436]. Более нигде в Лекциях по философии истории имя короля не упоминается и не характеризуется. Говоря о личных симпатиях автора «Феноменологии», конечно же, следовало бы указать на высокую оценку роли прусского монарха Фридриха II, содержащуюся в «Философии истории» [3, с. 442–443]. В своих поздних Лекциях по философии Гегель дает характеристику Фридриха II как представителя именно просвещенческой формы жизни абстрактного самосознания [4, с. 448–449], что, однако, еще более оттеняет смысл феноменологического образа Версаля и его великого творца.

«Событие» Версаля на карте всемирной истории зафиксировало данный в координатах конкретного социального устройства во времени и пространстве *итог* объективно-исторического развертывания *опосредствования единичного человеческого существования*, благодаря которому оно восстанавливает свое онтологическое «равенство» с *всеобщей* духовной сущностью, или Абсолютом. Как подчеркивает Ж. Ипполит, «бытие-для-себя должно согласиться с опосредствованием, с историей,

которая мыслится как общее дело, дело всех и каждого в отдельности. Такое дело мыслится тогда, когда оно делается; оно представляет собой историю конечного, *объективного духа* [5, с. 302–303]. Итог такого опосредствования – становление «абсолютной формы» исторического временного существования личности и общества, которая и раскрывает суть метода восстановления равенства единичного «я» и «Я» Абсолюта. Реальная земная история человеческого сообщества – это история поиска единства разрозненных и бесконечно множасьихся «я», структурирующихся всякий раз в конкретные «фигурации» (Н. Элиас) в зависимости от соответствующей социальной и символической матрицы и господствующих кодов целого. «Абсолютной формой» Гегель называет самоутверждение бытия через самоопосредствование [2, с. 13]. Абсолютная форма есть *метод* бытия Духа, который его как *предметно* развернутую стихию определяет в качестве *самопорождаемой* реальности. Необходимо раскрыть механизм становления индивида как единства всеобщего и единичного, которое будет в конкретном формообразовании обретать истинную свободу, то есть становиться абсолютной формой – *непосредственной достоверностью* «себя самого» [2].

Иными словами, и Гегель это блестяще показал в «Феноменологии», история человечества есть история отчуждения, разделения, поляризации «господства» и «рабства». Но отчуждение – это не злой «рок судьбы»; оно полагает чистую форму существования в качестве аффирмации содержания. Единичное «я», «для того чтобы обладать значимостью, оно путем отчуждающего опосредствования должно согласовать себя со всеобщим» [2, с. 263]. Объективное развертывание данного опосредствования и привело к установлению такой формы существования множества различных субъектов, в которой само это чистое различие как некий *выраженный акт* (манифест) было методом утверждения каждого участника отношения *всеобщим* образом. Следовательно, *наличное бытие* индивидов (предметный мир культуры) в какой-то момент истории перестало быть лишь абстракцией их индивидуальной сущности, а выступило *единственным* методом выражения духовного содержания, всеобщего, *понятия* их самости. *Существование перестает быть жертвой*;

сущность зримо присутствует в *слове* и *структуре*, что отвечает решению главной задачи всего феноменологического исследования: «...все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, с. 9].

Форма бытия индивида, определяемая всегда во внешнем существовании, чуждом внутренней свободе, должна стать абсолютной формой, дабы единичная определенность не отрицала внутреннее всеобщее. Обретение данной формы – путь *самовыявления* Духа в истории и культуре. Феноменологический путь есть путь явления Духа, снимающего это внешнее различие в истории и покоряющего собственную границу. Абсолютная форма есть абсолютный предел: субъект владеет этим пределом и обретает тем самым свободу обладания самим собой, существования, в котором от внешнего различия сущности или предела как противостоящего сущности не осталось *ничего*.

История во многом есть преобразование эмпирически выраженного опыта человека. Его самоутверждение реализуется как полагание данного опыта в качестве «среднего члена умозаключения». Конкретная форма обособляющего различия «Я» становится непосредственным выражением всеобщего и тем самым предметно, в наличном бытии, закрепляет духовное содержание в самой форме. Тождественность субъекта исчерпывается чистым *значением* бытия. Абсолютная форма снимает противоположение Духа и не-духа. Для отдельного индивида это противоположение есть отчуждение существования от сущности, которая исторически выступала часто в виде системы коллективных ценностей, смыслов, целей. Потому Дух как *целое* не получал форму собственной конкретно выраженной достоверности. В таком абстрактном связывании двух полюсов ни один из них не выступал абсолютным пределом для другого. Требовалось обретение действительного опосредствования инобытием, дабы отдельность индивида перестала быть отражением или копией, а стала выражением исключительно самой себя и в этой самости обретением полноты Абсолютного.

Возникает вопрос: почему именно французский абсолютизм и Версаль становятся в анализе Гегеля реальной вершиной, последним

актом в развертывании отчужденной в истории, пространственно-временном континууме антропологического опыта формы существования самосознания, а не, допустим, прусский времен того же Фридриха Великого? Главная причина заключается в том, что во Франции к середине XVII века окончательно созрела такая форма организации общественной жизни, в которой два основных «двигателя» всей европейской цивилизации – власть и богатство в своей полярности и максимальной выраженности отчуждения единичного субъекта достигли такого уровня развития, когда само отчуждение было ввергнуто в собственное отрицание. Не в том смысле, что оно исчезло или исчезли сами власть и отношения материальной зависимости, труд и хозяйственная деятельность. Форма множественности, или чистого различия многих «я», стала методом удержания всеобщего в конкретном индивидуальном воплощении (как, например, труд). Н. Элиас в своей известной работе о социально-культурном ритуале «придворного общества» Людовика XIV указывает, что именно французская история дает «материал» для изучения принципов самоорганизации общества и при этом подчеркивает методологическую роль гегелевского подхода [7, с. 287].

В Англии, Голландии или Италии развивались товарно-денежные отношения, набирал обороты промышленный переворот. Но только во Франции сама структурная организация социума оказалась единственной достоверной формой самоутверждения каждого отдельного субъекта. Как подчеркивает Г. Лукач, вся история отчужденного существования самосознания написана Гегелем на материале истории Франции [6, с. 537]. Эта страна дала миру чистый образец становления Личности как Абсолютной Субъективности, снимающей внешние формы существования. Дополнительный аргумент особой роли Франции в истории отчужденного существования самосознания, уже покинувшего предел Версальской абсолютной формы в Просвещении, приводит сам Гегель и в гораздо более поздних по сравнению с «Феноменологией» Лекциях по философии истории. Причем философ подчеркивает, что французское Просвещение сделало открытое Лютером свободное бытие Духа достоянием каждой конкретной индивидуальности «в качестве внутреннего убеж-

дения» [4, с. 444]. Реформация и лютеранство еще не довели самоутверждение свободного субъекта до собственного самосознания. Просвещение такое самосознание сделало основой единичного существования. Имеющийся соблазн судить о гегелевской «особой философии истории» (Ж. Ипполит) как выражении симпатии к немецкой «реформированной» религиозности не находит своего подтверждения, однако не только в данном аргументе о специфике французской «эпохи» [4] «свободы», но прежде всего в характеристике Версаля как абсолютной формы. Именно в католической Франции жизнь отчужденного индивида получила конкретную форму абсолютной достоверности в реальных общественных условиях, а не только в абстрактной теории. При этом, как подчеркивает Франсуа Блюш, само Просвещение сыграло здесь противоречивую роль: во многом конфессиональная политика Короля-Солнце, отмена Нантского эдикта Эдиктом в Фонтенбло (1685 год) были прямо очернены еще в XVIII веке Сен-Симоном, затем в XIX веке историком Жюлем Мишле и другими, тогда как для французского общества эти меры стали продуктивным консолидирующим фактором [8, с. 614–616].

Через непосредственное (внешне регистрируемое) сказывание данной структуры, то есть ее замыкание на точку «теперь» и «здесь» в лице абсолютного монарха Короля-Солнце, каждый участник такой связи свое обособление (как чистое значение «Я») обретал не ценой жертвования сущности, потери самости, а прямо пропорционально «глубине» вовлечения в акты сказывания непосредственного выражения всеобщего (власти) получал «ключ» к собственному опыту. Исходная культурно-антропологическая ситуация всей западноевропейской исторической традиции состоит в том, что *множественность* как форма достоверного существования «Я» (бытие тождественно значению, конституируемому в потоке внешнего «реферирования») в придворном обществе Людовика XIV в Версале через персонификацию *единичного* становится формой существования Всеобщего, или Абсолюта. Самоутверждение каждого достигается через отождествление подлежащего и сказуемого всеобщие значимых актов индивида. Только таким образом оказалось возможным преодоление отчуждения человеческой сущности.

В этом же состоит и подлинная природа абсолютизма во Франции, которая кардинально отличается от монархического правления в других странах, включая Пруссию и российское самодержавие. Специфика версальского абсолютизма заключается в том, что отношение между королем и его подданными носит фактически *равноправный* характер. Всеобщее теперь не потребляется как материальная ценность и не жертвуется как в простом повиновении или даже «хитроумном» служении подобно ветхозаветному идеалу праведности и веры «по закону» (Втор. 6: 13–15, 25). Абсолютное «Я» короля оказывается методом самоопределения и аффирмации каждого сознания. В такой структуре нет места произволу и случайности. Сказывание о персоне короля абсолютно необходимо каждому. Здесь не возникает конфликт интересов и борьба за ценности символические или материальные. Опосредствование всеобщим становится абсолютной жертвой *абстрактной* самости, в которой она «отдает себя так же полно, как в смерти» [2, с. 272].

Гегель показывает, что из всех исторически сложившихся форм выражения социальных отношений в земной истории как стихии тотального *отчуждения* только язык или знаковое именование выступает таким методом организации отношения множества единичностей друг к другу, в котором реально в *наличном* бытии, то есть фактически для каждого из участников коммуникативного взаимодействия, отчуждение от собственной «самости» преодолено. «Ибо язык есть *наличное бытие* чистой самости как самости; в нем *для себя* *сущая единичность* самосознания как таковая вступает в существование в том смысле, что она есть *для других*. “Я” как этого *чистого* “я” в наличности иначе нет; во всяком другом внешнем проявлении оно погружено в действительность и находится в форме, которую оно может оставить» [2, с. 272].

Наличное бытие языка есть единство, с одной стороны, текущего *настоящего* момента (как актуально длящегося континуума выражения как такового), в котором субъект (индивид) обретает форму как метод самоутверждения, и, с другой стороны, столь же непосредственного отрицания этого являющегося настоящим образом длительного, когда то, что выражено в языке, обретает самостоятель-

ность и становится таким инобытием для Духа, которое уже не есть его абсолютный предел. Но сопряжение этих двух взаимоотрицающих моментов является тем, благодаря чему язык становится наличным бытием «Я» как абсолютной формы, то есть наличным бытием сущности, развивающейся непосредственно в своей всеобщности. Таким образом, как подчеркивает сам Гегель, Дух есть *отношение* этих двух «крайних членов» умозаключения. Абсолютная власть Людовика XIV представляет собой момент отношения самосознания.

Феноменология языка приводит к необходимости *имени* как формы (метода) знания себя как всеобщей сущности, выраженного или данного в единичном различии. В имени *всеобщая сущность существует всеобщим же образом для себя*, становится доступной *непосредственному* восприятию. И поскольку речь идет о государственных отношениях, становлении такого специфического способа социальных, культурных взаимозависимостей, которые выражают и закрепляют практически сопряжение всеобщего и единичного, то Гегель отмечает, что язык трансформируется в определенную символическую структуру, кодирующую конкретную связь *непосредственно* выраженного всеобщего в государственной власти и столь же *непосредственно* сущего единичного в лице подданного. *Имя* – это имя монарха, *абсолютного монарха*. Имя как *Слово* монарха. Язык как такое опосредствующее звено есть «язык *лести*». И вот именно в данном пункте феноменологического развертывания Гегель дает самую точную и емкую характеристику диалектической природы и сущности того типа социальной «структуры», который сложился во Франции во второй половине XVII – начале XVIII века в царствование Людовика XIV: «... Ибо язык лести возводит власть в ее возвышенную всеобщность; этот момент как порождение языка, то есть наличного бытия, возвышенного до духа, есть некоторое очищенное равенство самому себе; – *монархом*, ибо язык лести возводит точно так же *единичность* на ее вершину» [2, с. 274].

Другими словами, в рамках европейского цивилизационно-исторического канона стержнем являлось становление метода самоутверждения Духа, или предела человека, как вы-

ражение всеобщей абсолютной сущности. Образец версальского «придворного общества», если говорить о конкретных социально-политических, экономических, коммуникативно-правовых и культурно-символических механизмах данного процесса, выступает той истинной абсолютной формой, которая как некоторое *ставшее* наличное бытие (форма как конечное, как то, что существует в опыте отчужденного существования) закрепила окончательно внутри общественного организма возможный результат самоутверждения субъекта как Духа.

Гегель уточняет, что имя Людовика XIV как *слово* монарха, сказанное как самим королем, так и членами «придворного общества», есть не только и не столько коммуникативный референт, знак или церемониальная ссылка на некую лежащую *по ту сторону* социальной реальности сущность. Данное имя и есть сам чистый метод всеобщего опосредствования множества субъектов через выведение на наличный уровень непосредственной данности единичного, которое силой своего абсолютно индивидуализированного предела («C'est moi») сообщает всеобщему выражение, существование здесь и теперь. Важно и то, что сам Людовик XIV никогда не произносил приписываемую ему фразу «L'Etat, c'est moi», но, как отмечает Ф. Блюш, незадолго до смерти, сказал: «Je m'en vais, mais L'Etat demeurera toujours» [8, с. 900].

В этом качестве *слово* или *имя* монарха есть духовная плоть (отношение), сам Дух. «Единичность, которая иначе есть нечто такое, что только *мнится*, еще определеннее возводится языком в ее налично сущую чистоту благодаря тому, что он дает монарху собственное имя, ибо только в имени отличие данного лица от всех других не *мнится*, а действительно всеми проводится; в имени отдельная личность *считается* целиком отдельной личностью уже не только в своем сознании, но и в сознании всех. Благодаря имени, следовательно, монарх решительно от всех обособлен, выделен и уединен; в имени он – атом, который ничего не может уделить от своей сущности и который не имеет себе равного. ... Благодаря имени эта власть есть *монарх*. Он, “эта” отдельная личность, наоборот, знает себя, “эту” личность как всеобщую власть. ...» [2, с. 275]. Таким образом, имя Людовика XIV есть *в-себе-и-для-*

себя-бытие субъекта исторического становления; его полновесное единичное бытие всецело конституировано отношением формы – абсолютной формы. Следовательно, есть бытие, определенное самим самосознанием (знанием себя как предела через опосредствование своего различия или тождества).

В имени Людовика XIV государственная власть перестает быть отчужденной стихией некоторой иной «сакральной» сущности. Гегель раскрывает подлинный механизм становления и бытования такой власти в рамках европейской традиции. Абсолютный монарх не потому абсолютен, что он «помазанник Божий» или ставленник неких «политических сил». Он таков исключительно в силу именованного самого себя в качестве абсолютного суверена. Его власть означает лишь самое себя. Различные исторически сформированные коды власти сохраняют свое действие как такие *знаки* всеобщего, которые существуют для тех членов общительного единства (единичностей), которые находятся *за пределами* «придворного общества». Абсолютный же предел социальности – слово как имя, выявленное в феноменологии Гегеля, есть такая связка одного субъекта и их бесконечного множества (потенциально, то есть как самого принципа *разности*, фиксирующей непосредственно различие), которая закрепляет самоутвержденность единичного члена через выраженность всеобщего *в таком же единичном*, то есть непосредственно реально существующем, живом субъекте. Король-Солнце – это не мертвый символ потустороннего мира! Не случайно в Версале жизнь была расписана по минутам. Церемониал отражал ежесекундно длящееся *непосредственно* считываемое *всеми* выражение, сказывание единично *существующей* всеобщей самости. Версаль можно считать абсолютной формой существования самосознания в его исторически выраженном временном становлении, которая являлась именно *актуальной* структурой социального организма французского общества на протяжении более полувека. Каждый день, каждый час выражение в *слове, жесте, позе единичного* фиксировало *длящееся настоящее* утверждающегося *каждого* индивида в пределах такой структуры. Сама множественность в Версале стала формой кодирования существующей сущности. Акт сказывания (или прямого участия в его

жизни) как таковой в *момент* своего восприятия другими членами общества покорял *внешнее существование* (наличное бытие общества как целого) именно потому, что был не просто референцией сказывающегося как предикацией его внутреннего мира, но и его же *авторереференцией* через всеобщее опосредствование – через *слово короля*. Как подчеркивает сам Гегель, «в том, что оно [имя] *услышано*, его *наличное бытие* непосредственно *замерло*; это его инобытие возвращено в себя; и именно это есть его наличное бытие как обладающее самосознанием “*теперь*”, подобно тому, как оно наличествует, чтобы не отсутствовать, и благодаря этому исчезновению – наличествовать. Само это исчезновение, следовательно, непосредственно есть его пребывание; оно есть его собственное знание о себе, и притом его знание о себе как о чем-то, что перешло в другую самость, было услышано и есть всеобщее» [2, с. 273]. *Имя* и *слово* короля как означающее тождественно означаемому; это тождество есть основа устойчивости всего французского общества. Означаемое в таком сказывании не предстоит самому акту выражения и не возникает после; оно рождается вместе с этим *словом* и как само это *слово*.

Людовик XIV есть исчерпывающее имя и как таковой существующая *для себя* (для других) единичность, которая бытийствует как абсолютный предел. За рамками своего имени он не имеет ничего, что могло бы нарушить покой и гармонию его самотождественного различия или нарушить действие самого метода такого бытийствования как абсолютного различия в тождестве. *Le Roi Soleil* стал личным выражением или даже знаком *судьбы* земного пути человека. Он является для человеческого общества ровно тем, кем был *Христос* в Пути Божьем (в Его самосознании). Христос как Сын Божий, как средний член умозаключения абсолютной формы есть Богочеловек; Людовик XIV есть абсолютный субъект, или личность, как монарх, обладающий именем, произносимым *всеми другими*. Он есть «точка самости» [2, с. 275] всякого человека вообще, поскольку абсолютно каждый всецело различен от другого существует *лишь член общества*; через его достоверность получают достоверность другие. Слово короля сказано и выражено аналогично Смерти Христа (в «Феноменологии» не случайно говорит-

ся о «замирании» в точке «теперь» сказывания). О том, какова подлинная роль смерти в опыте сознания, описываемом Гегелем, пишет Ж. Валь: «Смерть ведет себя негативно лишь по отношению к негативному; она упраздняет лишь то, что есть ничто; она является опосредствованием, примирением субъекта с абсолютным; отрицая негативное, она утверждает Абсолют» [1, с. 116–117]. Через выражение во вне как негацию «субстанция» становится «субъектом» [1, с. 121].

История человеческого общества необходимым образом должна была прийти к такой «точке» как предметно выраженный предел обретения онтологической достоверности. Ее реальное выражение само могло быть закреплено только в конкретном человеке, но так, что эта его конкретность становилась бы абсолютным различием, а не абстрактной разностью, то есть так, чтобы она исчерпывалась пределом и конституцией единичного. Персона абсолютного субъекта Людовика XIV – это не такое обособление индивидуальности, в котором отчуждение достигает предела, когда каждый индивид непосредственно созерцает собственную всеобщую сущность в другом, но, наоборот, обращение к монарху, сказывание в этом обращении его имени в соответствующей форме (этикет Версаля и сама чистая структура организованного в его стенах Людовиком XIV образа жизни) становится для такого конкретного человека формой *личного* снятия отчуждения, обретения полноты существования через «*теперь*»-сказываемое наличие устойчивого знака всеобщего. Достижение такого предела оказалось возможным в стихии языкового выражения, наличное бытие которого всецело есть для-себя-бытие сущности. В языке сущность выражается всегда как определенное и различное *другим*. Бытийный предел в языке есть владение своим *иным*, которое ему дано как *его позитивное* иное.

В завершение отметим, что свособразной иллюстрацией к гегелевской «Феноменологии» и описанному в ней опыту абсолютной субъективности в лице Людовика XIV может быть картина Антуана Ватто, – великого мастера рококо, в чьих работах рокайльная форма впервые обрела свое смысловое звучание. Речь идет о знаменитой «Вывеске Жерсена», написанной в 1720 году. Не пересказывая ее сюжета, отметим только следующее. Проща-

ние с великим веком Людовика XIV было необходимым моментом внутреннего самосознания субъекта, не желавшего принимать позицию Просвещения как всеобщего отрицания. Король остался участником диалога художни-

ка с самим собой, диалога, в котором рождался хрупкий новый виток абсолютной формы, через полвека окончательно растворившийся в плеске воды *скалы*.

Литература

1. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2006.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 2002.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 2006. Кн. 3.
5. Ипполит Ж. Логика и существование. Очерк логики Гегеля / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2006.
6. Лукач Г. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987.
7. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова и других. М., 2002.
8. Bluche Francois. Louis XIV. Paris, 1986.

Bibliography

1. Vahl J. Unhappy consciousness in Hegel's philosophy / transl. from Franch of V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, 2006.
2. Hegel G. W. F. Phenomenology of spirit. St. Petersburg, 2002.
3. Hegel G. W. F. lectures on the philosophy of history. St. Petersburg, 2000.
4. Hegel G. W. F. Lectures on the history of philosophy. Book 3. St. Petersburg, 2006.
5. Hippolyte J. Logic and existence. Essay on the logic of Hegel / transl. from fr. V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, 2006.
6. Lukach G. Young Hegel and the problem of capitalist society. Moscow, 1987.
7. Elias N. Court society: studies in sociology of the king and the court aristocracy, with the Introduction: sociology and history / transl. from German. A. P. Kochenkov, K. A. Levinson, A. M. Perloff, ect. Moscow, 2002.
8. Bluche Francois. Louis XIV. Paris, 1986.

Репьев Артем Григорьевич
Repiev Artem Grigorievich

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administration Activity, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

Тел.: 8 (983) 388-80-46.

УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Studies about the legal benefits in the history of philosophical and legal thought

В статье анализируются труды мыслителей различных эпох относительно их взглядов на категории «равенство», «справедливость» и «правовое преимущество». Выдвигается тезис о том, что такие элементы отступления от всеобщего равенства, как почести, привилегии, льготы, существовали с момента зарождения человеческих отношений, а институт преимуществ в праве не переставал интересовать ученых, ввиду чего получил юридическую, политическую, социальную, нравственную и философскую характеристику.

Ключевые слова: правовое преимущество, формально-юридическое равенство, привилегия, льгота, заслуга, почесть.

In article works of thinkers of various eras concerning their views of categories «equality», «justice» and «legal benefit» are analyzed. The thesis that such elements of departure from general equality as honors, privileges, privileges, existed from the moment of origin of the human relations, and the institute of benefits in the right didn't cease to interest scientists in view of what it was given the legal, political, social, moral and philosophical characteristic is pushed.

Keywords: legal benefit, legalistic equality, privilege, privilege, merit, honor.

Не одно тысячелетие умы всего мира пытались дать ответ на почти извечный вопрос о том, что представляет собой преимущество одного человека над другим (разные поколения именовали его превосходством, прерогативой, привилегией, почестью и пр.), есть ли универсальные способы добиться равенства между людьми и, вообще, необходимо ли это. В различных подходах к обоснованию равенства и преимуществ в праве ученые видели его квинтэссенцию. В зависимости от исторического периода развития общества, права и государства преимущества рассматривались как высшая добродетель и основное зло, способ обеспечить эффективное управление государственными делами и классовый барьер, требующий немедленного искоренения. Под лозунгами о всеобщем равенстве взамен преимуществ проходили великие буржуазные, а затем и социалистические революции.

Первые представления о жизни людей уже дают нам основание утверждать, что равенство между ними было невозможно. Мы имеем в виду равенство как одинаковость положения

среди окружения, отсутствие существенных правовых и социальных различий. Даже в рамках одного пола люди обладали характерными признаками различия и в зависимости от этого имели неодинаковый статус. К примеру, мужчины были молодые и старые, свободные и рабы.

Тем не менее мыслители все же пытались выяснить сущность установления лучшего положения для одних людей, соотнося его с законностью, справедливостью, нравственностью и добродетелью. Если посмотреть на известные теории о разделении на сословия или классы, на родовитых и простолюдинов, богатых и бедных, преуспевающих и стесненных в финансовых средствах, то систему правовых преимуществ как узаконенных отступлений от равенства путем нормативного улучшения положения отдельных лиц возможно представить в виде нескольких концепций.

Наиболее распространенной системой взглядов на правовые преимущества, объясняющей их, является концепция, именуемая нами как *естественно-натуралистическая*.

Полагаем, начало данной концепции было положено догмами римского права, как известно, по объему действия делившегося на право общее (*ius generale*) и право исключительное (*ius speciale*). Последнее, именовавшееся еще специальным, или особенным, состояло в отступлении от обыкновенного права вопреки общему духу законодательства и вследствие какой-либо пользы общественному благу или интересам специальных классов людей (женщин, военных, торговцев и других). Фактически специальным правом и обосновывалось наделение субъектов правовыми преимуществами.

Достаточно подробно этот процесс описывает Ф. Регельсбергер. Немецкий ученый пишет: «Отклонение исключительного права от общего правила для более тесного круга лиц, вещей или отношений может создать преимущества» [1, с. 116–117]. Последнее именуется им как «благоволение права» (*beneficium iuris*). «Преимущество может заключаться или в положительном предоставлении установлений известного права, или юридического качества... или в освобождении от общего предписания или запрета» [1, с. 111].

Сущность преимуществ в римском праве хорошо описана в начале XX века профессором Санкт-Петербургского университета В. В. Ефимовым. Преимущество он определяет через правомочие, образованное в праве посредством сложившейся в императорский период практики издания по судебным делам персональных установлений (*constitutiones personales*) в виде иммунитета, юридической льготы (*beneficium iuris*) и привилегии (*privilegia*), то есть закона, принятого по поводу отдельного лица (*lex in privos lata*).

Иммунитет, которым обладали император, принцепсы (сенаторы), выражался в свободе от действия законов (*princeps legibus solutus est*). К льготам относились разного рода послабления. К примеру, для женщин – в виде возможности незнания законов (*ignorantia iuris*). Примечательно, что уже римскими юристами была отмечена тесная связь привилегий при законодательном закреплении с правовыми ограничениями [2, с. 3]. Так, с точки зрения классификации привилегий по характеру содержания они делились на те, которые приносят пользу, обеспечивают выгоду, улучшение положения конкретного лица (*privilegia*

favorabilia), и так называемые невыгодные, ограничивающие правоспособность (*privilegia odiosa*) [3, с. 36].

Следует отметить, что совокупное изучение догмы римского права позволяет утверждать, что преимущества предусматривались правом не только вследствие необходимости учета особенностей правового статуса конкретного лица. Видимо, речь шла еще и о необходимости соизмерения процесса применения закона к нравственным и моральным положениям общества [4, с. 37]. Воплощалось это в делении юридических норм на строгое право (*ius strictum*) и справедливое право (*ius aequum et bonum*). Классические римские юристы считали обязательным для себя «знакомство именно со справедливым правом» [3, с. 32]. Используя данный тезис в качестве базиса, мы и полагаем именовать концепцию естественно-натуралистической.

Обозначенная система идей совмещает в себе не только юридическое восприятие и толкование римского права, но и философские взгляды на преимущества через учение об онтологии, а также рационально-экономическое воззрение на дополнительные гарантии и возможности. Наиболее видным представителем науки, придерживающимся подобных взглядов, являлся Г. Гегель. Философ пишет: «Не следует говорить о несправедливости природы в неравном распределении владений и состояний, ибо природа несвободна и поэтому не может быть ни справедливой, ни несправедливой» [5, с. 107]. Все люди по своей сути различны, и это действительно, естественно и разумно. С другой стороны, закономерность бытия рано или поздно вмешивается в распределение благ, заранее установленное. Для того чтобы человеку впоследствии сохранить объем имеющихся благ, привилегий, льгот, ему необходимо поддерживать свой социальный и правовой статус – в первую очередь, заниматься общественно полезным трудом. Эту рационалистическую сторону концепции Г. Гегель представил так: «Равенство, которое хотели бы ввести в распределение имуществ, все равно было бы через короткое время нарушено, так как состояние зависит от трудолюбия» [5, с. 108]. Позднее вторил ему и соотечественник Ф. Регельсбергер, отмечавший, что злоупотребление преимуществом «вследствие недостойного пове-

дения» лица, «может дать повод к его отображению» [1, с. 117].

Закономерность деления общества на сословия и классы поддерживали и некоторые отечественные мыслители. В частности, государственный деятель граф М. М. Сперанский выступал за уважение и поддержку государством наиболее достойных сословий при условии повиновения и уважения ими законов, а «законы и правительство», в свою очередь, «могут допустить некоторые различия, могут дозволить, разделив поданных на сословия, дать некоторым сословиям преимущества перед другими, установить в общем законе некоторые изъятия. Сие изъятия и сие преимущества суть то, что называется преимуществами в правах состояния (*privileges*)» [6, с. 96]. Стоит отметить интерес М. М. Сперанского к категории «правовое преимущество» в целом. Достаточно сказать, что в его понимании подданство может быть образовано «двояким образом: без преимуществ в правах состояний или с преимуществами», а монархии существуют в трех формах: «без преимуществ в правах состояний», «с преимуществами в правах состояний, но без совещательных установлений» и «монархия с совещательными установлениями» [6, с. 97–98].

Иные взгляды на преимущества имели некоторые французские философы и просветители. В частности, Вольтер правовое положение человека считал производным от его происхождения и имущественной состоятельности. Правовыми преимуществами (в его понимании ими являлись вообще все социальные и политические права) могли обладать только собственники [7, с. 101–102]. Подобные взгляды на объективность и необходимость правовых преимуществ для отдельных членов общества уместно именовать *концепцией финансовой состоятельности*. В ее основу, как было установлено, ученые вкладывали имущественное положение субъекта, деление людей на классы. Зачастую рассуждения мыслителя на тему всеобщего равенства огорчали его, и текст принимал ярко выраженную классовую окраску. Характерно, пишет он, что «дикарь в Канаде живет и достигает старости так же, как и английский гражданин, имеющий пятьдесят тысяч гиней дохода» [7, с. 312]. Задача государства, по Вольтеру, – объяснить классу имущественно несостоятельных, что социальные

и правовые привилегии не отнимают их прав, а лишь плюсуют к основным правам состоятельных граждан дополнительные возможности. В частности, он пишет: «Если подвергающиеся нападению преимущества плохо обоснованы, то протестующий против них требует ...восстановления отнятых у него прав» [7, с. 144]. Равенство, если и признавалось в учениях Вольтера, то лишь в отношении к заранее установленному исходу для всех – старости и смерти: «к смерти приходят одинаково и тот, кто от всего отказывается, и тот, кто наслаждается всем, что может сделать жизнь приятной» [7, с. 312].

Последний тезис философа и правоведа несколько сближает систему его взглядов с *религиозной концепцией*, которая, несмотря на это, дает существенно иное представление о преимуществах одних людей перед другими, узаконенных правом и государством. Точнее сказать, отрицает их. В Послании к Галатам святого апостола Павла сказано, что все равны перед Богом: «...нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» [8, с. 105]. В священном Коране (как мы помним, это основа законодательства для мусульман всех направлений) Аллах также говорит о равенстве всех людей. Ислам полностью исключает понятия «избранный», «исключительный». Всевышний сотворил всех людей равными, а все различия между ними основываются лишь на их вере и богобоязненности [9, с. 64].

Абсолютно противоположной в политико-правовом измерении и в то же время близкой по своей социальной сущности является система взглядов на преимущества как институт *сословной эксплуатации* одних людей другими. Подобных взглядов в разные годы придерживались Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, К. Маркс, Ф. Энгельс и другие.

К примеру, Б. Н. Чичерин в своих трудах видит правовые преимущества как последствия сословного строя, подавляющие свободу людей. Право свободно трудиться выступает «цеховой привилегией, которой право на известные занятия присваивалось исключительно известным разрядам лиц» [10, с. 109]. Рассматривая преимущества одних лиц за счет ущемления прав других, Б. Н. Чичерин видел в них серьезную опасность не только для общества, но и для государства. Он указывал, что

бесконечное пожалование знати титулов, милостей и пр. уже привело к аристократии. «Для России было бы в тысячу раз полезнее, если бы составили боярскую думу из людей, имеющих бельмо на глазу или бородавку на щеке. Последние были бы по крайней мере со всех сословий, не зараженные придворной атмосферой. Между людьми, носящими титулы, не найдется и десятой части столько способных людей, сколько бы нашлось между людьми с бородавками» [11, с. 102–103]. Понятен нам и сегодня этот буквально «крик души» ученого. Конечно, речь идет не о физической красоте субъектов, обладающих преимуществами в форме иммунитетов, привилегий и льгот, а о требуемой от них скромности, вдумчивости относительно своих поступков, а также подкрепленности самих преимуществ заслугами перед всем обществом, а не происхождением, родовитостью, богатством.

Содержание представлений К. Маркса и Ф. Энгельса о сущности преимуществ в праве выражалось в их негативной оценке как элементов подавления одного класса людей другим. Зависимым, угнетенным слоем общества выступали пролетарии (от нем. Proletariat – неимущие), те, кто не имел права собственности и в качестве средств к существованию мог рассчитывать только на доход, полученный от работы по найму. Содержание подобной в нашем видении *концепции сословной эксплуатации* сводилось не только к необходимости уничтожения преимуществ, «политических привилегий отдельных сословий» [12, с. 107]. Это только первый шаг. Затем должна последовать ликвидация самого разделения на классы [12, с. 108, 161].

Отметим близость данной концепции восприятия правовых преимуществ с религиозной через *отрицательное равенство*, то есть понимание его как принципа, по которому отсутствуют все привилегии, улучшения, льготы для отдельных людей. С одним лишь исключением. Религиозное мировоззрение следует этому тезису неистово, догматично, основываясь на иррациональных представлениях, а концепция К. Маркса и Ф. Энгельса отвергает представления о равенстве в истории человеческих отношений как высшем принципе. Более того, в своих рассуждениях авторы, при условии следования предложенному пути, преддрекают скорое обесценивание равенства как идеи.

«Через несколько поколений общественного развития при коммунистическом строе, – пишут они, – люди должны будут дойти до того, что кичливые требования равенства и права будут казаться столь же смешными, как смешно, когда теперь кичатся дворянскими и тому подобными наследственными привилегиями» [12, с. 637]. Мы не готовы давать оценку воплощению и развитию данных взглядов в СССР, но то, что преимущества в форме иммунитетов, привилегий и льгот предусматривались законодательством Советского государства, – факт известный [13, с. 27].

В истории философского и правового знаний присутствуют взгляды на преимущества как положительные явления государственной и социальной жизни с точки зрения рационального распределения всех общественных благ. Этот институт рассматривается как средство достижения целостности общества и всеобщего блага, а сама система подобных взглядов и идей именуется нами как *концепция сотрудничества*. Базис ее, полагаем, заложен учеными, придерживающимися не индивидуалистической, а коллективистской концепции государства.

В числе первых она была отмечена еще во времена Античности. Государство в одноименном диалоге Платона представлено через идеальный общественный строй, где люди, желая удовлетворить свои интересы, вынуждены сотрудничать. Отсюда представления о равенстве людей в его понимании выглядели не только утопично, но были еще и вредны для общего блага. Преодолеть негативные стороны бедности государства предлагалось только установлением иерархии сословий и утверждением аристократии, когда властвуют наиболее достойные люди [14, с. 242–244].

Аристотель, придерживаясь индивидуалистической концепции государства и размышляя над равенством, увидел его неразрывную связь со справедливостью. Последняя, по его мнению, имела двойственную природу, в свете чего была разделена на уравнивающую и распределяющую. Ученый видел в разделении людей благо, поскольку полагал, что уравнивание приведет к негативным последствиям для государства и общества. Более того, по его мнению, преимущества, предусмотренные для наиболее достойных людей и узаконенные властью, выгодны одинаково и их

обладателям, и простым гражданам. «Люди, – пишет он, – вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях. Толпа затевает распри из-за имущественного неравенства, а люди образованные – из-за почестей в том случае, если последние будут для всех одинаковыми» [15, с. 43]. Целостное восприятие учений Аристотеля, касающихся привилегий, позволяет предположить, что последние рассматривались им еще и как элемент признания зависимости одних людей от других. Почести, привилегии элиты позволяли низшему классу находиться под его защитой, выступали неотъемлемым элементом государственного аппарата, символом его состоятельности, стабильности.

Концепции сотрудничества, то есть взглядов на улучшение положения одних лиц по отношению к другим для общего блага, по нашему мнению, придерживался и представитель немецкой философской школы И. Кант. Нельзя воспринимать его философско-правовые воззрения, обходя вниманием ключевую идею мыслителя о нравственности и свободе воли. Следует сказать, что познание его правовых взглядов нами производилось через учение о метафизике и нравственной философии. Несмотря на развитие идей о личной свободе, автономии воли [16, с. 88–89], равенстве всех перед законом, ученый все же допускал существование сословного деления общества и получение высшими его представителями преимуществ (финансовых и воинских послаблений, почестей и пр.). Вместе с тем основаны дополнительные права и возможности должны быть на заслугах конкретного лица перед обществом, но никак не переходить по наследству: «если предок имел какую-нибудь заслугу, он ведь не мог передать ее по наследству своим потомкам: последние сами должны были иметь какие-нибудь заслуги; природа не устроила так, чтобы талант или воля, которые делают возможными заслуги перед государством, могли быть наследственными» [17, с. 364]. Однако автономия воли, по И. Канту, не должна перерасти в нарушение прав других лиц. В этом мы видим его приверженность к так называемой концепции сотрудничества. «Проявление свободы одного лица, враждебное для свободы других, есть дело противное праву» [18, с. 37].

Одним из наиболее видных ученых современности, придерживающихся подобного рода взглядов на построение общества путем отказа от абсолютизации справедливости, является американский философ, политолог и правовед Дж. Роулз. Автор не критикует социальное неравенство, в том числе в силу его естественной природы [19].

Основные доводы ученых, придерживающихся вышеприведенных взглядов, сводятся к тому, что для достижения наивысшего блага в обществе необходим баланс, гармония распределения благ и преимуществ. При такой системе столкновения между людьми сведутся к минимуму, члены общества будут искать сотрудничества для того, чтобы никто не приобрел излишнего количества привилегий и льгот.

Интересной выглядит система взглядов на преимущества в праве видных юристов советского периода развития нашего государства, таких как С. С. Алексеев и О. Э. Лейст. Ими данный институт рассматривается сквозь призму ступеней развития позитивного права. К примеру, первый полагает, что наряду с тремя такими ступенями права, как право сильного, право власти и право гражданского общества (наивысшая форма), существовало право привилегий (или кулачное, сословное право). Примечательно, что С. С. Алексеев наличие в праве улучшений правового состояния отдельных лиц считает элементом неразвитых «цивилизаций (азиатских теократических, рабовладельческих, феодальных), когда в обществе в качестве доминирующих сил выступают власть и религиозная идеология» [20, с. 130]. Подобные взгляды на систему правовых преимуществ, полагаем, уместно именовать *концепцией силы*.

Отчасти разделяя подобные идеи, О. Э. Лейст тем не менее придерживается более гибких взглядов. Ученый, выделяя три группы правовых систем (основываясь на сущности равенства): сословное право, формально (абстрактно равное) и социальное право, в каждой из них правовым преимуществам отводит свою роль. Подобный подход видится более конструктивным. Если сословное право (в некоторых работах оно именуется им как право-привилегия) [21, с. 81] являлось, по сути, неодинаковым правом для разных сословий и даже отдельных групп внутри сословий, то

право социальное, сохраняя общечеловеческие ценности равного права, использует общегосударственную систему гарантий – правовых преимуществ для социально обездоленных слоев общества [22, с. 4].

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее:

– взгляды ученых разных исторических периодов на правовые преимущества во многом определялись идеологией того времени, системой общественных и государственных ценностей;

– в ходе анализа перехода от единичного к общему нами предпринята попытка систематизировать приведенные взгляды на концепции. В основу каждой из них положена природа преимуществ в праве, объясняющая их появление и существование;

– среди существующих философско-правовых взглядов на преимущества в праве наиболее характерно проявляются следующие концепции: естественно-натуралистическая, финансовой состоятельности, религиозная, сословной эксплуатации, сотрудничества, образования государства и формирования права;

– наиболее предпочтительными в нашем понимании выглядят представления об улучшении правового положения отдельных лиц с опорой на концепции образования и построения государства – коллективное или индиви-

дуалистическое (Платон, Аристотель, И. Кант и другие), а также на ступени формирования права (С. С. Алексеев, О. Э. Лейст и т. п.). Данный тезис подтверждается тем, что исторические закономерности зарождения и развития преимуществ связаны изначально с осознанием первобытным человеком себя как существа, обладающего в ряде случаев способностями большими, сильным характером и острым умом. Затем происходило утверждение его личности, достоинства, а позднее – и отнесение к определенному социальному слою, которому присуще внутреннее благородство и корпоративные законы. Все это привело к неизбежности выделения его из числа других, потребности в подкреплении такого обособления преимуществами;

– само восприятие подобных отступлений от равенства в виде правовых преимуществ не всеми видится положительным явлением, что вполне объяснимо. Однако наличие негативной реакции уже подтверждает его существование. Мы в этом убедились – отрицание преимуществ в праве не прослеживается в трудах философов и правоведов. Наоборот, институт преимуществ в праве не переставал интересовать ученых во все времена, а в ходе его изучения ему с разной степенью успеха давалась юридическая, политическая, социальная, нравственная и философская характеристика.

Литература

1. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова; под ред. проф. Ю. С. Гамбарова. М., 1897.
2. Репьев А. Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2.
3. Ефимов В. В. Догма римского права. СПб., 1901.
4. Репьев А. Г. Юридическое преимущество через призму естественно-правового правопонимания // Философия права. 2015. № 6.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права: пер. с нем./German / edition and originator D. A. Kerimov and ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М., 1990.
6. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

Bibliography

1. Regelsberger F. The general doctrine about right / translation I. A. Bazanov's; under edition of professor Yu. S. Gambarov. Moscow, 1897.
2. Repyev A. G. Legal categories immunity, privilege, privilege: facet contacts // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2012. № 2.
3. Yefimov V. V. Dogma of Roman law. St. Petersburg, 1901.
4. Repyev A. G. A legal benefit through a prism of natural and legal right understanding // Philosophy of law. 2015. № 6.
5. Hegel G. W. F. Legal philosophy: transl. from German / edition and originator D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants; author of introductory article and note V. S. Nersesyants. Moscow, 1990.
6. Speransky M. M. A management to knowledge of laws. St. Petersburg, 1845.

7. Вольтер. Философские трактаты и диалоги. М., 2005.
8. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов: канонические с иллюстрациями Гюстава Дорэ (репринтное). М., 1991.
9. Коран / пер. И. В. Пороховой. М., 2007.
10. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.
11. Чичерин Б. Н. Об аристократии, в особенности русской. Изд. 3-е. Лейпциг, 1877.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1961. Т. 20.
13. Лушин А. Н. Именитые и почетные граждане в России в XVII – начале XX века: становление и развитие правового статуса // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18.
14. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1994. Т. 3.
15. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. Т. 4.
16. Кроненберг М. Философия Канта и ее значение в истории развития мысли / пер. В. Щиглева. СПб., 1898.
17. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. проф. А. В. Гульги. Т. 6: Религия в пределах только разума. Метафизика нравов. М., 1994.
18. Ляпидевский Н. П. Правовые идеи Эммануила Канта. М., 1870.
19. Савсерис О. А. Проблема справедливости в концепции Дж. Роулза: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007.
20. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995.
7. Volter. Philosophical treatises and dialogues. Moscow, 2005.
8. Bible: books of the Scripture of the Old and New Testament: Initial with Gustave Dore's (reprint) illustrations. Moscow, 1991.
9. Koran / transl. of I. V. Porokhova. Moscow, 2007.
10. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow, 1900.
11. Chicherin B. N. About an aristokratation, in particular the Russian. 3rd. Leipzig, 1877.
12. Marks K., Engel's F. Compositions: in 2 vols. Moscow, 1961. Vol. 20.
13. Lushin A. N. Eminent and honourable citizens in Russia in XVII – the beginning of the 20th century: formation and development of legal status // Jurisprudence and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 18.
14. Platon. Collected works: in 4 vols / transl. from Ancient Greek; general ed. of A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Moscow, 1994. Vol. 3.
15. Aristotle. Compositions: in 4 vols / transl. from Ancient Greek; general edition of A. I. Dovatur. Moscow, 1983. Vol. 4.
16. Kronenberg M. Kant philosophy and her value in the history of development / transl. of V. Shchiglev. St. Petersburg, 1898.
17. Kant I. Collected works: in 8 vols / under a general edition of the prof. A. V. Gulygi. Vol. 6: Religion within only reason. Metaphysics of customs. Moscow, 1994.
18. Lyapidevsky N. P. Legal ideas of Emmanuil Kant. Moscow, 1870.
19. Savseris O. A. A justice problem in J. Rawls's concept: social and philosophical analysis: abstract of dis ... PhD in philosophy. Chita, 2007.
20. Alekseev S. S. The theory is right. Moscow, 1995.

Солдатов Борис Георгиевич
Soldatov Boris Georgievich

доцент кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат филологических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Rostov branch of Russian Customs Academy,
PhD in Philology, Associate Professor.
Тел.: 8(906) 453-49-94.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ****On the role of the humanitarian disciplines in training legal profile specialists**

В статье обосновывается роль гуманитарных дисциплин в подготовке специалистов правового профиля. Рассматриваются такие средства формирования профессионально-значимых компетенций будущих юристов, как балльно-рейтинговая система, тесты остаточных знаний, ролевые игры. Образовательные технологии, которые используются преподавателями при обучении иностранному языку студентов-юристов, по мнению автора, должны иметь прикладной характер по отношению к их будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: гуманизация образования, образовательные технологии, балльно-рейтинговая система, тесты, инновационные методы, интерактивные методы, ролевые игры.

In article the role of humanitarian disciplines is proved in training of specialists of a legal profile. Examines the means of future lawyers professionally significant competences forming, including the grade-rating system, residual knowledge tests, role-plays. Educational technologies used by teachers, according to the author, when teaching foreign language to students of law should be applied to their future careers.

Keywords: education humanization, education technology, grade-rating system, quizzes, innovative methods, interactive methods, role-plays.

Глобальные и стремительные изменения в современном обществе способствовали превращению высшего образования в стратегический фактор его научно-педагогического и социокультурного потенциала, связанного с повышением образовательного и профессионального уровня населения.

Разработка национальной стратегии вхождения России в европейское образовательное пространство предъявляет повышенные требования к образованию и науке, которые формируют и развивают творческий потенциал личности. В этих условиях существующая система образования должна претерпеть (и уже претерпевает) существенные изменения, ориентированные на опережающее образование [2, с. 21]. Особое внимание при этом следует обратить на развитие инновационного образования с применением междисциплинарных, проблемных технологий, опережающую подготовку специалистов на основе привлечения студентов к научным исследованиям в наиболее перспективных обла-

стях знаний. Заслуживает внимания и система развития индивидуального творческого мышления, в основе которой – гуманизация и гуманитаризация, что позволяет готовить не просто будущего профессионала, а человека с его индивидуальной системой ценностей и взглядов, формировать личность, способную творчески, оригинально и нестандартно решать любые проблемы и задачи, которые возникают в сегодняшнем мире.

В контексте гуманизации и гуманитаризации образования серьезное внимание в учебных планах, в том числе и по направлению подготовки «Юриспруденция», уделяется дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции». Изучение иностранного языка в высших учебных заведениях имеет важное значение в процессе воспитания, образования и становления личности профессионала. Образовательные технологии, которые используются преподавателями при обучении иностранному языку студентов правового профиля, должны иметь прикладной характер по

отношению к их будущей профессиональной деятельности. Учебный материал должен способствовать развитию интеллектуальных способностей студентов и иметь практическую направленность. Таким образом, студенты правового профиля должны уметь анализировать вербальную информацию, применять теоретические знания на практике и руководствоваться ими в будущей профессиональной деятельности. Подготовка конкурентоспособных специалистов в области юриспруденции на современном этапе невозможна без применения инновационных методов, основанных на принципах деятельностного подхода, индивидуализации и стремлении к профессиональному самосовершенствованию. Они нацелены на улучшение учебного процесса с помощью формирования у обучающихся творческих качеств и способности к самоконтролю (методы проектного обучения, ситуационные методы, исследовательские методы, тренинги, дискуссии, деловые игры). Так, например, на практическом занятии по теме «Законодательный процесс» студенты разрабатывали проект закона. Затем обсудили предложенный проект на заседании законодательного органа. Студенты были разделены на несколько групп – «разработчики законопроекта», «представители фракций парламента», «руководители заседания» и так далее. На заключительном этапе занятия преподаватель подвел итоги, указал студентам на допущенные ошибки и неточности.

Инновационные методы реализуются в традиционной и дистанционной технологиях обучения, при этом использование балльно-рейтинговой системы обучения и контроля знаний студентов также способствует актуализации самостоятельности студентов и повышению качества их подготовки.

В отечественной системе высшего образования накоплен немалый опыт работы в данном направлении. В частности, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов, которая составляет один из постулатов системы развития индивидуального творческого мышления, получила всестороннее распространение при подготовке специалистов в Российской таможенной академии. При этом мы исходим из того, что подготовка современного работника правоохранительных органов требует активного поиска путей развития твор-

ческой деятельности студентов. В этой связи в академии осуществлен переход от авторитарного управления учебно-воспитательным процессом к системе организации поддержки и стимулирования познавательной деятельности студентов, созданию условий для их самореализации. Это обуславливает повышение уровня творческой активности не только студентов, но и научно-педагогических кадров. Иными словами, обучение рассматривается как процесс межличностного взаимодействия в системах «преподаватель – студент» и «студент – студент». Данные системы базируются на следующих факторах:

- разработанной модели творческой личности студента, ядром которой стали его творческие способности;
- максимальном и эффективном использовании различных форм и методов самостоятельной работы студентов с целью развития их творческих способностей;
- значительном увеличении удельного веса интенсивных методик организации учебно-воспитательного процесса (ролевых игр, дискуссий, мозгового штурма, модульного обучения).

Рассмотрим опыт применения критериально-оценочного комплекса, разрабатываемого в Российской таможенной академии и ее филиалах, на примере дисциплин «Иностранный язык в сфере юриспруденции» и «Прикладной иностранный язык». Так, согласно балльно-рейтинговой системе полное усвоение материала оценивается как 100 баллов, а рейтинг ниже 60 баллов соответствует оценке «неудовлетворительно». В середине каждого семестра проводится текущая аттестация студентов. Зачетная оценка выставляется на основании показателей текущего и промежуточного контроля в каждом семестре. Балльно-рейтинговая система оценки успеваемости демонстрирует степень усвоения студентами пройденного материала и развитие навыков по иностранному языку в чтении, аудировании, говорении и письме. Достоинством данной системы является возможность проведения регулярной проверки учебного процесса по преподаваемой дисциплине [1, с. 164].

Совершенствованию языковой подготовки студентов юридического факультета очной формы обучения способствует проведение теста остаточных знаний по дисциплине «Ино-

странный язык в сфере юриспруденции», который включает в себя 40 лексико-грамматических заданий. С его помощью оценивается сформированность у студентов следующих элементов общекультурной компетенции ОК-13 по данной дисциплине: знание базовой общеупотребительной, общенаучной, официальной, социально-политической лексики, обеспечивающей межличностное и межкультурное взаимодействие; знание базовых грамматических тем иностранного языка, обеспечивающих межличностное и межкультурное взаимодействие; умение изменять грамматические формы существительного, прилагательного, глагола на иностранном языке; знание специальной терминологии на иностранном языке в объеме, обеспечивающем коммуникацию по направлению подготовки; знание базовых грамматических тем иностранного языка, обеспечивающих коммуникацию по направлению подготовки; знание специальной терминологии на иностранном языке в объеме, обеспечивающем коммуникацию по направлению подготовки.

Проанализировав результаты ежегодно проводимого теста остаточных знаний, преподаватели кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии пришли к выводу, что для качественной подготовки студентов-юристов по дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции» необходимо:

- проводить тест после распределения студентов 1 курса по группам на основании уровня языковой подготовки, при этом преподаватель корректирует свою работу в соответствии с полученными результатами;
- проводить контрольные срезы по лексико-грамматическим темам курса дисциплины на практических занятиях;
- организовывать консультационную работу и подготовку студентов к проведению теста остаточных знаний;
- после работы с репетиционным тестом преподавателю следует определить ряд вопросов, которые вызывают у студентов затруднения;
- при проведении промежуточного тестирования следует учесть разный уровень языковой подготовки студентов, уделив особое внимание студентам с низким уровнем языковой подготовки;
- на практических занятиях применять различные виды работы со справочной и учебной

литературой в процессе выполнения учебной задачи;

- формировать комплексные академические и коммуникативные умения, связанные с использованием уже имеющихся знаний.

Важным аспектом обучения иностранному языку является создание учебных ситуаций, в которых студент самостоятельно принимает решения на основе приобретенных базовых знаний по профессиональным дисциплинам. При изучении курса «Иностранный язык в сфере юриспруденции» в вузе необходимо выделить факторы, являющиеся обязательными при проведении занятия:

- постановка практических, общеобразовательных, воспитательных и развивающих целей на занятии;
- формирование готовности студентов к межкультурному взаимодействию и общению при обучении иностранному языку;
- применение приемов и методов обучения, направленных на познавательную деятельность;
- использование активных и интерактивных методов, которые обеспечивают участие каждого студента в процессе обучения;
- обеспечение эмоционально-положительного взаимоотношения студентов в группе как возможности использования технологии совместного обучения преподавателя и студентов, а также их взаимодействия друг с другом [3, с. 104].

Каждое практическое занятие должно иметь свой сюжет, а все элементы его – свою мотивированность. Среди наиболее значимых средств, обеспечивающих оптимальную активность студентов, особое внимание уделяется следующим:

- содержанию учебного материала занятия, обеспечивающего мотивацию студентов к деятельности;
- системности подачи материала;
- применению различных форм наглядности;
- регулярной проверке усвоения материала;
- индивидуализации обучения.

Применение новых обучающих технологий в учебном процессе способствует формированию коммуникативных навыков студентов и создает условия для развития их творческого потенциала. С этой целью в учебном процессе используются такие обучающие технологии, как проекты и ролевые игры, которые можно

классифицировать в зависимости от условий и целей их проведения. Представляется целесообразным подробнее остановиться на ролевых играх.

Приведем в качестве примера разработку ролевой игры «Рассмотрение споров между потребителями и фирмами-изготовителями». Целями и задачами игры являются следующие:

- развитие навыков чтения, говорения и письма по коммуникативной теме «Защита прав потребителей в России и англоязычных странах»;
- активизация нового лексического материала;
- расширение социокультурных знаний студентов, развитие умения вести дискуссии на определенную тему, а также аргументировать и отстаивать свое мнение;
- повторение ранее изученного грамматического материала.

Участие в игре даст студентам возможность изучить особенности процесса урегулирования споров между потребителями и фирмами-изготовителями, развить навыки ведения беседы и интервью с представителями завода-изготовителя и юристами из общества защиты прав потребителей, научиться высказывать, отстаивать и аргументировать собственное мнение. Данная ролевая игра является завершающим этапом работы по коммуникативной теме «Защита прав потребителей в России и англоязычных странах» в рамках модуля «Предпринимательская деятельность и защита прав потребителей».

Для подготовки к ролевой игре выбирается конкретная ситуация (например, фирменным магазином продан некачественный товар), и студенты распределяются на три группы: «покупатели», «представители фирмы-изготовителя», «юристы из общества по защите прав потребителей». Цель «потребителей» – привести аргументы, доказывающие низкое качество приобретенного товара. Цель «представителей фирмы-изготовителя» – рассказать о гарантиях, предоставляемых покупателям заводом-изготовителем, и доказать, что предприятие не несет ответственности за обнаруженный дефект товара, что неисправность товара – следствие неправильной его эксплуатации. Задача «юристов из общества защиты потребителей» – справедливо решить спор между потребителем и заводом-изготовителем и четко

изложить права и обязанности каждой из сторон рассматриваемого дела. При подготовке к ролевой игре используются материалы учебных пособий и интернет-сайтов.

Материал ролевой игры включает опорные фразы для студентов, выступающих в роли потребителей, которые приобрели некачественную продукцию, обучающихся, представляющих фирму-изготовителя, а также выступающих в роли юристов из общества защиты прав потребителей.

На организационном этапе преподавателем формулируется тема занятия, основные цели и задачи игры, распределяются роли между студентами. Перед началом игры преподаватель обсуждает со студентами основные типы споров, которые могут возникнуть между производителями и потребителями товаров (в случае, если товары оказываются некачественными). Студенты прослушивают предлагаемую преподавателем информацию по делу, которое будет рассматриваться в процессе игры. Далее каждая группа получает задание и список опорных фраз для ведения дискуссии, например:

Задание для группы «покупатели»

Consumers bought different manufactured goods and soon found out that the goods are faulty. They addressed the shop where the goods had been bought. But the sellers contacted the manufacturers and refused to substitute the faulty goods, as the consumers had no proofs that the damage had been caused by the manufacturers.

Речевые образцы, используемые «покупателями»:

I'm ringing to complain about ...; I'm sorry, but I'm not satisfied with ...; Unfortunately, there's a problem with ...; The ... doesn't work; There seems to be a problem with ...; We haven't received the ...; It really isn't good enough; I'd like to know why ...; If you don't replace the product, I'll complain to the manager, and then to the court; If you can't deliver on time, we'll have to contact other suppliers.

Задание для группы «представители фирмы-изготовителя»

The company produces high quality goods, that's why they were a bit shocked having received the negative response from the consumers. The manufacturers are convinced that the damage was caused due to the improper use of the goods on the part of the consumers.

Речевые образцы, используемые «представителями фирмы-изготовителя»:

Oh dear! Sorry to hear that; I see what you mean; I'm sorry about the problem/delay; Could you give me some details, please? What happened exactly? What's the problem exactly? It's not our policy to replace the items; It's not our fault that it hasn't arrived; I'm afraid that's not quite right; OK, I'll look into it right away; I'll check the details and get back to you.

Задание для группы «юристы из общества защиты прав потребителей»

The lawyers have received the complaint from the consumers on the quality of the goods bought at the specialized shop of the ... Company. They are to interview the both parties (consumers and manufacturers) and to make the final verdict which should be binding both for the consumers and manufacturers.

Речевые образцы, используемые «юристами из общества защиты прав потребителей»:

We've studied the case carefully; How can you prove that it is the manufacturer's fault? Are you sure that the consumers are to blame? Are you sure of the quality of your products? From our point of view, it's necessary to make an independent expertise of your goods; If the expertise proves the fault of the consumer, the goods bought by the consumers should be either substituted or sent back to the plant, but the consumers should

be paid the necessary compensation; We have arrived at the conclusion that the goods are of high (inferior) quality; The damage was caused by the manufacturers (carriers of goods, shop managers, consumers); The company should pay for the damage caused; The consumers are wrong, and they should repair the goods at their own expense.

На заключительном этапе студенты, выступающие в роли юристов, объясняют, по каким причинам ими было принято то или иное решение. Преподаватель подводит общие итоги занятия.

В зависимости от активности, степени грамотности использования языковых высказываний, убедительности выступлений, правильности оформления документов, необходимых для проведения ролевой игры, каждый студент может набрать от 0 до 20 баллов по балльно-рейтинговой системе («2» – 0–5 баллов, «3» – 6–10 баллов, «4» – 11–15 баллов, «5» – 16–20 баллов).

Таким образом, целью современной высшей школы является обеспечение компетентности выпускников, которая оценивается по признакам обладания теоретическими знаниями, методами получения знаний и опытом их практического применения. При управлении качеством подготовки выпускника следует постоянно воздействовать на факторы и условия, обеспечивающие формирование будущего специалиста-юриста.

Литература

1. Воевода Е. В. Система контроля и оценки сформированности профессионально-значимых компетенций в обучении иностранным языкам // Язык и коммуникация в контексте культуры: сборник статей по материалам 6-й Международной научно-практической конференции, 22–24 июня 2011 года. Рязань, 2011.

2. Куликова Э. Г. Юридически значимые номинации и «ключевое слово эпохи»: семантика и актуальная прагматика // Философия права. 2015. № 6 (73).

3. Солдатова Н. В. Современные технологии обучения: проблемный метод // Академический вестник. 2013. № 1 (14).

Bibliography

1. Voevoda E. V. The system of professionally significant competences development monitoring and evaluation in teaching foreign languages // Language and communication in the context of culture: collection of articles on materials of 6-th International scientific-practical conference, June 22–24, 2011. Ryazan, 2011.

2. Kulikova E. G. Legally meaningful categories and the «epoch keyword»: semantics and topical pragmatics // Philosophy of law. 2015. № 6 (73).

3. Soldatova N. V. Modern teaching technologies: problem-solving method // Academic Bulletin. 2013. № 1 (14).

Контарев Анатолий Александрович
Kontarev Anatoly Alexandrovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.
Тел.: 8(863) 207-86-63.

**ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ И СМЫСЛА ПРАВА В КОНТЕКСТЕ
ПЕРЕХОДА РУССКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ОТ КЛАССИЧЕСКОГО
К НЕКЛАССИЧЕСКОМУ ТИПУ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

**The problem of the essence and meaning of law in the context of the transition
of Russian law from classical to non-classical type of scientific rationality**

В статье исследуется проблема перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности. Автор, обращаясь к философско-правовым теориям Вл. Соловьева, Б. Чичерина, Н. Коркунова, Л. Петражицкого, Н. Алексеева, показывает, что переход от классического к неклассическому правоведению связан с изменением программной ориентации правоведения от изучения сущности к осмыслению права.

Ключевые слова: философия права, классические и неклассические типы рациональности, классические и неклассические типы правопонимания, сущность и смысл права, содержание и форма права.

The article studies the problem of the conversion of Russian studying of law from classic to no classic type of scientific rationality. The author, appealing to V. Solovyov's, B. Chicherin's, N. Korkunov's, L. Petraji'sky's, N. Alekseev's philosophy-law theories, clears that the conversion from classic to no classic type of studies of law means the program orientation changes of law studying from studying of essence to studying of sense.

Keywords: philosophy of law, classic and no classic type of scientific rationality, classic to no classic types of law understanding, essence and sense of law, content and form of law.

Начиная с конца прошлого века российская правовая мысль вновь открыла для себя множество имен отечественных правоведов, незаслуженно преданных забвению после краха Российской империи и Октябрьской революции 1917 года. Доминирование марксистско-ленинской идеологии в сфере социально-гуманитарного знания, классового подхода к изучению социальной, политической, правовой сфер жизни общества обеспечивало своеобразную фильтрацию теоретического наследия прошлого, вводя в научный оборот лишь духовно близкие к официальной идеологии учения. Это существенно обедняло отечественную правовую науку, обеспечивая узкоидеологическое видение юридических проблем, отрывало ее от собственной почвы, каковой являлось отечественное фундаментальное правовое знание дооктябрьской эпохи.

Между тем, как показывают исследования правовых учений русских классиков, российское философско-правовое наследие не толь-

ко велико и многообразно по содержанию, оно отличается собственной самобытной постановкой многих важных проблем, разработкой оригинальных подходов к их решению, не теряющих актуальности и сегодня. Это обеспечило лидирующие позиции русского правоведения во многих странах мира, авторитет философско-правовых концепций целого ряда выдающихся ученых-юристов и философов во всем мире.

Формируется и получает наибольшее развитие дореволюционная российская философия права в XIX – начале XX века, когда в контексте методологического кризиса классических школ юриспруденции зарождаются новые способы интерпретации права, ориентированные на расширенное его толкование, базирующиеся на философско-правовом анализе проблемы сущности и смысла права, привлечение сопряженных с правовой наукой областей знания, таких как психология, социология, история, экономика, феноменология, философия и

другие. Сложившаяся ситуация сделала наиболее актуальными задачи определения предмета правовой науки и ее методологии, соответствующей новому историческому типу научной рациональности.

Известно, что научная рациональность связана со стилем научного мышления, определяемым не столько субъективными предпочтениями ученого, особенностями его сознания и личной культуры, сколько общим мировоззренческим и социокультурным контекстом, задающим способ постановки и интерпретации научных проблем, определяющим цели и задачи науки, социальные ожидания, связанные с научной деятельностью, и пр. При этом под стилем научного мышления следует понимать совокупность правил познавательной деятельности, всецело определяемых природой объекта познания и самого знания, критерием его истинности. Исходя из этого можно выделить исторические типы рациональности, закономерно сменяющие друг друга в контексте когнитивных и социокультурных трансформаций.

Так, классическую рациональность характеризует объективизм, который в конечном счете фокусируется на корреспондентной теории истины. Познаваемое есть объект, характеризующийся стабильностью, неизменностью своих свойств. Истинное же знание есть адекватное отражение содержания объекта, поэтому характеризуется объективностью и универсальностью (необходимостью, всеобщностью). Неклассическая же рациональность, напротив, отличается процессуальностью, фокусируется в когерентной теории истины и ориентирована на познание не столько самого объекта, сколько связи объекта и субъекта. При этом критерием истины выступает согласованность знания, его непротиворечивость.

Можно сказать, что своего апогея классический тип рациональности достигает в философии Гегеля, решающего проблему тождества бытия и мышления на основе постулирования разумности самого универсума, где человеческий разум выступает органом его самопознания. Принципы же неклассической рациональности впервые формулируются М. Вебером [4; 5], который рассматривал рациональность в пространстве культуры, человеческой деятельности, определяемой ценностями и целями индивида.

Объективизм классической рационально-

сти нацелил познавательную программу науки на изучение сущности как внутреннего устойчивого содержания объекта (мира), определяющего формы его существования (сущего). Что же касается неклассической рациональности, то ее ценностно-целевая установка ориентирует на раскрытие не сущности, а смысла, значения объекта для субъекта, в качестве которого выступает и отдельный человек, и общество в целом. Переход от классической к неклассической рациональности в философии фиксируется критикой рационализма метафизики, ее апелляции к сущности бытия, основанной на отстранении от него посредством объективистской методологии. Так, М. Хайдеггер в качестве главного порока метафизики указывал именно ее объективизм, стремление рассмотреть бытие само по себе, существующее вне и независимо от субъекта, что не приближает, а уводит от него. Это находит выражение в гносеологической доктрине, которая концентрируется на познании *сущности бытия*, выраженной *определением*, формулирующей наиболее общее, лишь скользит по поверхности бытия. В итоге мы получаем извращенную картину мира [13; 14; 15; 16; 17; 18]. На самом же деле истина кроется не в сущности бытия, а в событии, которое постижимо в ином виде опыта, раскрывающем не сущность, а его смысл, где логика уступает место интуиции. Герменевтика переориентирует познание на достижение понимания, которое невозможно вне ценностного смыслового контекста.

Такая переориентация с объекта на субъект-объектное отношение, с познания сущности на ее осмысление, характерная для неклассического мышления, есть новая программа познания, культивируемая историческим типом рациональности и определяемая М. Вебером как ценностно-целевая познавательная установка.

Формирование, развитие и функционирование исторических типов рациональности есть формирование, развитие и функционирование научного познания, а переход от классического типа рациональности к неклассическому является переходом от классической науки к неклассической. Указанные выше закономерности в полной мере проявляются во всех сферах научного знания, модифицируясь в соответствии с его спецификой. Так, правоведение является яркой иллюстрацией этих

процессов, что выражается в теоретической установке изучения сущности права в классическом правоведении и познании его смысла в неклассическом.

Сущность права раскрывается как внутреннее наиболее устойчивое содержание права, которое определяет формы его существования как нормативной системы (формы, источники права). Поскольку юридическая наука изучает право именно в его формальной определенности как регулятор общественных отношений, проблема его сущности изначально имела философское содержание и была ориентирована на выяснение его наиболее устойчивых характеристик, не зависящих от социального, культурного, политического контекстов. Это так называемое вечное право. В истории философии права можно найти разные определения сущности права – «мера свободы», «минимум добра», «справедливость» и пр., которые тем не менее интегрированы признанием основополагающего принципа – естественного права в качестве его общего универсального начала, которое имеет разные исторические, социальные и культурные формы выражения. Таким образом, можно сказать, что со времени Гуго Гроция постановка и решение проблемы сущности права непосредственно связаны со школой естественного права в ее классической версии и соответствуют культивируемой классическим типом рациональности номотетической традиции, состоящей в требовании познания права как объекта и объективизации права. Однако проблема сущности права сохраняется и в позитивизме, выражаясь в требовании выяснения в процессе познания права его наиболее существенной эмпирической характеристики, которая между тем часто отождествлялась с одним из его формальных признаков, а именно с принудительностью, санкционированностью государством, нормативностью и пр., что объясняется особенностями данного типа правопонимания и означает непоследовательность в постановке и решении проблемы сущности права позитивистским правоведением. Поэтому именно школа естественного права как тип правопонимания, соответствующий классическому типу рациональности, последовательно ставит проблему сущности права, иллюстрируя подход к данной проблеме классической философии.

По нашему мнению, история русской фи-

лософии права XIX – начала XX века является ярким примером перехода от классической к неклассической рациональности, что нашло выражение в целом ряде правовых теорий, ориентированных на познание как сущности права, так и его смысла. Вероятно, переход российской правовой теории от классической к неклассической происходит раньше, чем на Западе. Несмотря на существенное влияние, которое оказала на российское правоведение европейская философия права, оно является самобытным феноменом, выражающим мировоззренческие особенности российского общества XIX – начала XX века. Под русской философией права в настоящей статье понимается совокупность правовых учений отечественных теоретиков, предметом которых является сущность и смысл права, его назначение в жизни человека и общества. Такой взгляд на русскую философию права дает возможность провести ее историческую и теоретическую типологизацию. Так, философия права до Судебной реформы 1864 года существенно отличается от философии права последующего периода. Несмотря на разнообразие правовых концепций дореформенного периода, они объединены общей задачей изучения внутреннего содержания права (внутреннего права) как основы его внешнего содержания (внешнее, позитивное право). При этом внутреннее право отождествляется с моралью и нравственностью, которые должны воплотиться в позитивном праве. Значительное влияние на развитие философии права дореформенного периода оказал политический фактор, выразившийся в ограничении естественноправовых воззрений, критического философско-правового подхода к праву, когда правоведение отождествлялось с законоведением, задачей которого было изучение законов Российской империи. Однако после Судебной реформы в уставы университетов было внесено понятие правоведения, создавшее методологическую установку на разделение права и закона, изучение права как такового. Тем не менее естественно-правовая традиция, которая была сильна в российском правоведении ранее, хотя и восстановливалась благодаря признанию необходимости познания сущности права (Вл. Соловьев, Б. Чичерин, П. Новгородцев), но имела яркую альтернативу. В качестве таковой выступает задача изучения не столько приро-

ды, сколько смысла права, раскрытие которого позволяло выяснить ценностное его значение как социального феномена. Возможно, первой попыткой поставить проблему таким образом является правовая теория Муромцева, отождествляющая право с правоотношениями. Далее она нашла развитие в философско-правовом учении Н. М. Коркунова (право – способ разграничения интересов), Л. И. Петражицкого (право – императивно-атрибутивная эмоция), Н. Н. Алексеева, рассматривавшего право как феномен культуры, и пр.

Н. М. Коркунов, определяя право как разграничение интересов [7], не останавливался на констатации его объективного содержания, но придерживался субъективно-реалистического взгляда, указывая на роль правового сознания (психического компонента) в акте правового поведения, выражающегося в признании нормы правовым субъектом [8]. В этом смысле в его концепции право не имеет объективного содержания в строгом смысле, но приобретает процессуальный характер, субъект-объектную определенность. По его мнению, умозрительность классической философии права в целом, равно как и гипотезы естественного права в частности, состоит в дедуктивном выведении права из общих понятий, признании его универсального и неизменного, вневременного характера. А способ его исследования и теоретического изображения в философской доктрине означает формулирование сущности права как внутреннего наиболее устойчивого содержания, не имеющего темпоральных свойств. Преодоление пороков классического правопонимания, по Н. М. Коркунову, заключается в отказе от данной объективистской парадигмы, которая в юснатурализме выглядит как придание праву универсального значения, а в юридическом позитивизме состоит в отождествлении права и закона. Дальнейшее развитие правопонимания связано с включением в него субъекта – носителя интересов и оценивающего норму (закон).

Такой акцент на процессуальности права, включение в него оценивающего (действующего) субъекта, признание его ценностного содержания и роли правового сознания в акте правового поведения было характерно не только для Н. М. Коркунова, но и для многих других русских теоретиков того времени. Более того, если у Н. М. Коркунова данный подход лишь фор-

мулируется, то, например, у Л. И. Петражицкого он становится отправной точкой его исследований по общей теории права. Его концепция права как императивно-атрибутивной эмоции [9] может быть сведена к идее о том, что юридическая норма является правом лишь в том случае, если индивид распознает в ней свое правомочие и, соответственно, обязанность по отношению к другому лицу и самому себе. Источником же такого права является «интуитивное право», а механизм правового воздействия связан с «правовой совестью», признающей или не признающей те или иные правила поведения правом.

В данном контексте феноменологическая концепция права Н. Н. Алексеева выглядит как одна из форм проявления общей тенденции воплощения неклассической рациональности во многих правовых концепциях того времени. Интерпретация права как феномена (феномена культуры), ядром которого являются ценности [1; 2], вполне соразмерна с ценностно-целевой рациональностью М. Вебера.

Однако в связи с этим возникает вопрос: как же быть с такими столпами русской философско-правовой мысли, как Б. Чичерин, Вл. Соловьев, которые дали классические образцы мышления о праве, имеющие свою методологию и интеллектуально-теоретическую подоплеку, восходящие к философии Гегеля? При условии объективности данных тенденций не значит ли, что нравственный пафос их естественно-правовых концепций был, хотя и исторически объяснимым, но все же заблуждением? Очевидно, что нет. Как новый тип рациональности в целом, так и правоведение в частности исследуют разные предметы, преследуют различные цели и задачи. Если классическая философия права стремится ответить на вопрос о сущности права, то неклассическая раскрывает его смысл. И если для классической науки вопрос о сущности был наиболее актуален, то для неклассической основной является проблема смысла. Так, известно, что, например, Ньютон, создавая свою механику, был мотивирован не столько возможностью применения сформулированных им законов в технологиях, сколько построением картины мира, раскрытием сущности бытия, где его механике отводится совершенно определенное место. Современный же ученый мотивирован, скорее, именно прикладным эффек-

том своих исследований, результаты которых, впрочем, могут быть ценны и для обогащения картины мира.

Возможно, интерес к русскому правоведению XIX – начала XX века не был бы столь актуален вне контекста современного российского правоведения, которое характеризуется поиском более совершенных подходов к праву, стремлением сформулировать новые принципы правопонимания, которые могли бы стать основой разрабатываемой юридической доктрины. Среди всех подходов к решению данной проблемы, пожалуй, можно выделить один, отличающийся теоретико-методологической близостью учениям русских теоретиков неклассического типа. Речь идет об интегральном правопонимании вообще и коммуникативной его версии в частности [3; 6; 10; 11; 12]. Идея интегрального правопонимания заключается в интерпретации права как явления, совмещающего в себе и объективные, и субъективные характеристики (свойства) на основе признания его ценностного и объективного (объективированного) содержания. Согласно А. В. Полякову, «...правовые теории в неклассической парадигме утрачивают свою “односторонность”, присущую классическим вариантам, возникшим на основе упрощенных, “объективистских” моделей правовой эпистемологии, трансформируясь в теории интегративные (интегральные), то есть совмещающие в себе те аспекты права, которые ранее были “приватизированы” “командным” (этиатистским) и естественно-правовым вариантами правопонимания» [12]. Однако какой принцип может и должен стать основой данной интеграции. По мнению указанного автора, именно идея коммуникации должна стать фундаментом такого интегративного правопонимания. Право – это не норма (закон), а совокупность ценностей и значений, которыми обмениваются субъекты права в акте правоотношений. Лишь в процессе такой коммуникации правовая норма становится правом. Следует отметить, что коммуникативный подход впервые был сформулирован Ю. Хабермасом, обратившим внимание на то, что ценности как

таковые нельзя отождествить с предметами, они «...являются результатом и условием коммуникативной человеческой деятельности, в ходе которой устанавливаются значения всего существующего для человека. Поэтому ценность есть значимость любых объектов окружающего мира, направляющих, мотивирующих человеческую деятельность» [13]. Так и правовая норма, согласно рассматриваемому подходу, приобретает ценностное значение и становится правом в результате коммуникации: «Ни одно законодательное установление (директива, приказ), существующее в знаковой форме (вне знаковой, текстуальной формы его существование невозможно), не может иметь правового смысла без воспринимающего и интерпретирующего данный текст субъекта. Интерпретирующий субъект осуществляет селекцию поступающей информации, действуя в этом процессе не только свой разум, эмоции или подсознательные стереотипы поведения, но и духовный мир в целом, что позволяет иметь отношение к анализируемой информации, корректируемое внешним социальным окружением. Поэтому норма права не устанавливается знаковой системой (первичным текстом), а начинает свое становление через знаковую систему (через первичный правовой текст), через социальную интерпретацию и через соответствующее взаимодействие субъектов, реализующих свои права и обязанности на основе интерпретированных текстов» [12].

Таким образом, можно сказать, что идеи, сформулированные русскими правоведами более ста лет назад, которые значительно опередили учение Ю. Хабермаса о коммуникации, вновь обретают свою актуальность, возрождаясь как интегрально-коммуникативное правопонимание. Это подчеркивает актуальность изучения наследия отечественного правоведения сегодня, когда оно находится в кризисном состоянии и остро стоит проблема завершения перехода к неклассическому типу рациональности, начавшегося в нашей стране еще в конце XIX – начале XX века, прерванного длительным господством нормативного этиатизма, санкционированного официальной идеологией.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919.

Bibliography

1. Alekseev N. N. General theory of law. Simferopol, 1919.

2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999.
3. Варьяс М. Ю. Правопонимание: опыт интегративного подхода. М., 1999.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М., 1990.
5. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Избранные произведения. М., 1990.
6. Графский В. Г. Общая теория права П. А. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2000. № 1.
7. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914.
8. Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1915.
9. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
10. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.
11. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
12. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2.
13. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
15. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
16. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
17. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
18. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
2. Alekseev N. N. Foundations of philosophy of law. St. Petersburg, 1999.
3. Varyas M. Yu. Law understanding: experience of integral approach. Moscow, 1999.
4. Weber M. «Objectivity» of social-scientific and social-political knowledge // Selected essays. Moscow, 1990.
5. Weber M. Critical studies in the logic of sciences on culture sphere // Selected essays. Moscow, 1990.
6. Graffsky V. G. Sorokin's general theory of law: on the way to integral (sintesited) law-knowledg // State and law. 2000. № 1.
7. Korkunov N. M. Lectures on general theory of law. St. Petersburg, 1914.
8. Korkunov N. M. History of philosophy of law. St. Petersburg, 1915.
9. Petrazhitzky L. I. Theory of law with the connection of theory of morality. St. Petersburg, 2000.
10. Polyakov A. V. General theory of law: phenomenology-communicative approach. St. Petersburg, 2003.
11. Polyakov A. V. General theory of law: interpretation problems in the content of communicative approach. St. Petersburg, 2004.
12. Polyakov A. V. Postclassical studies on law and idea of communication // Studies on law. 2006. № 2.
13. Habermas Yu. Concept of individuality // Questions of philosophy. 1989. № 2.
14. Heidegger M. Being and time. Moscow, 1997.
15. Heidegger M. Overcoming of metaphysics // Time and being. Assays and speeches. Moscow, 1993.
16. Heidegger M. Letter on humanism // Time and being. Assays and speeches. Moscow, 1993.
17. Heidegger M. The question on technology // Time and being. Assays and speeches. Moscow, 1993.
18. Heidegger M. Foundation concepts of metaphysics // Time and being. Assays and speeches. Moscow, 1993.

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Aleksey Igorevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor, Department of Civil Law, Don State Technical University, Doctor of Law, Professor.
E-mail: k_fp3@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ»

The legal formalization of the concept of «public morality»

Статья посвящена анализу состояния и юридического обеспечения духовно-нравственной безопасности России, законодательной защиты духовно-нравственных ценностей российской государственности. Автор рассматривает духовно-нравственную безопасность как важнейший элемент национальной безопасности, предлагает формы ее законодательного обеспечения.

Ключевые слова: общественная нравственность, национальная безопасность, духовно-нравственные ценности, нравственные традиции, религиозные традиции, правовые и нравственные ценности, политико-правовая самобытность России, правосознание.

The article is devoted to analysis of the state and legal support for the moral and spiritual security of Russia, the legislative protection of spiritual and moral values of Russian statehood. The authors considers the spiritual-moral security as the most important element of national security, offers the forms of its legislation.

Keywords: public morals, national security, moral values, moral traditions, religious traditions, legal and moral values, political and legal identity of Russia, the sense of justice.

В последние годы все острее стоит проблема юридического закрепления нравственных категорий, так как использование понятия «нравственность» в современном отечественном законодательстве требует толкования и общественного обсуждения. Согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Если вопрос об ограничении прав и свобод в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны и безопасности, здоровья и конституционного строя, не возникает в силу консенсуса общества относительно данных категорий, их смыслового наполнения, то понятие «нравственность», используемое для ограничения прав и свобод, вызывает массу споров и дискуссий, так как либеральные, консервативные и коммунистические партии,

общественные деятели, общественные организации имеют различное представление о ней. Между тем все очевиднее становится то обстоятельство, что ключевые проблемы современного общества возникают в связи с девальвацией духовно-нравственных ценностей. Общеизвестно, что духовно-нравственная деградация порождает корысть, которая лежит в основе коррупции, что она же создает предпосылки для алкоголизма и наркомании, кризиса и нивелирования семейных ценностей, молодежной агрессии и криминала. Многие граждане России с ностальгией вспоминают времена Советского Союза, когда существовала ясная и четкая программа морально-нравственного совершенствования человека. В результате духовно-нравственной свободы Россия стала лидером по количеству разводов, аборт, криминалу, насилию, алкоголизму среди промышленно развитых стран. Вполне ясно, что ни одну проблему решить невозможно без идейного возрождения страны. Поэтому вполне закономерным можно считать пред-

ложение сенатора от Крыма, которая внесла законопроект о новой идеологии, способной объединить народы России [6]. По мнению сенатора, данный закон позволит сохранить и защитить традиционные российские ценности, обеспечить единство нации.

Является ли препятствием на этом пути принцип идеологического плюрализма, защищенный в ст. 13 Конституции РФ? Является в том случае, если будет признана идеология государственной или обязательной. Сама по себе защита духовно-нравственных ценностей никак не противоречит запрету на наличие обязательной или государственной идеологии.

Парадокс заключается в том, что неявно государственная идеология в стране присутствует. Если внимательно проанализировать ценностную вертикаль в Конституции РФ, то станет очевидно, что либеральная идеология является государственной (права человека провозглашены высшей ценностью именно в либерализме). Такой ценностный строй выступает критерием цивилизованности нашего государства, его вписанности в идеологию стран Запада, разрыв отношений с которыми пока еще не в интересах России. С другой стороны, либерализм разъедает ткань государственности и не дает возможности провести кардинальную мобилизацию общества для выхода из сырьевого тупика отечественной экономики, сглаживания социального расслоения и торможения процесса атомизации человека в политике, морали, культуре. Путь возрождения сверхдержавы, многонациональной империи, который нам необходим для того, чтобы выдержать испытания последних времен и не исчезнуть как цивилизации, требует немедленной консервативной, патриотической мобилизации. Что Россия может предложить в качестве мобилизационной идейной альтернативы Западу, когда ее Основной закон является калькой с западных конституций, провозглашает ценности правового и нравственного индивидуализма и социального атомизма?

В условиях сохранения действующей Конституции РФ 1993 года, когда изменение ст. 13 возможно только в случае конституционной реформы, речь должна вестись о духовно-нравственной идее России, не отменяющей принципа идеологического плюрализма «одно другому не мешает».

Россия сегодня уже показала миру готовность защищать свои духовно-нравственные ценности, став особняком в процессе морального разложения – самобытным островком традиционных нравственных понятий и ценностей. Большинство стран Запада легализовало однополые браки, эвтаназию, легкие наркотики, ювенальную юстицию и многое другое. Постепенно формируется два геополитических полюса – Запад и Восток. Только Восток теперь представляет не СССР со странами социалистического блока, а Россия, Индия, Китай, объединенные идеей многополярного мира и необходимостью сохранения консервативных традиционных ценностей.

В то же время процесс возрождения духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе протекает не благодаря государству, а органически, спонтанно. Лишь в последние годы государство все активнее принимает участие в защите традиционных ценностей, запрещая пропаганду идей сексуальных меньшинств, не поддерживая предложения либеральных правозащитников в сфере семейных правоотношений, сексуального просвещения и так далее. На уровне важнейших для общества законов процесс духовно-нравственного возрождения игнорируется. Примером может служить ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который в ст. 87 оговаривает возможность включения в основные образовательные программы учебных дисциплин изучение обучающимися основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Но в качестве главной и важнейшей задачи духовно-нравственное воспитание и образование не рассматриваются.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях содержится отдельная глава, посвященная правонарушениям, посягающим на общественную нравственность. Запрещены в Российской Федерации проституция, нецензурная брань, вовлечение в курение несовершеннолетних и так далее. Аналогичная глава имеется и в Уголовном кодексе России – глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Однако оскорбление общественной нравственности можно нанести не только весьма ограниченным кругом средств, указанных в этих нормативных актах, но и многими другими, например, культурными провокация-

ми, которые направлены на размывание «порога чувствительности» общества к разного рода нарушениям нравственных норм (фото-выставка с обнаженными несовершеннолетними девочками или пародии на иконы). Возмутительными являются и высказывания некоторых деятелей культуры о ментальности русского народа, православной культуре и так далее. Например, в статье Андрея Кончаловского «Страна братков» от 9 декабря 2010 года трагедия в станице Кушевской была названа результатом зверской русской ментальности. По его мнению, виной всему происходящему в России беззаконию является православие. Видимо, А. Кончаловский забыл о гонении на церковь в СССР и духовной катастрофе 1917 года.

В статье 9 Основ законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) защищается принцип приоритетности прав человека: «Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений». Данная норма явно поддерживает свободу самовыражения и творчества, между тем, как говорилось выше, согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ с целью защиты права общества и государства (права на нравственность) права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены. Налицо явная коллизия между нормой закона и Конституцией РФ, которая становится очевидной в конкретных случаях культурных провокаций.

Для закона о культуре важно определить обеспечение духовно-нравственной безопасности и защиту духовно-нравственных прав человека, которые не отъемлемы от прав коллективных (общества и государства), в качестве приоритетной задачи государства. Это создает правовые основания не допускать таких акций культурного самовыражения, которые идут вразрез с общественной нравственностью. Право культурного самовыражения не должно быть превыше общественной морали и нравственности, религиозных чувств, традиционных ценностей, патриотизма, интересов

национальной безопасности. Положительным моментом является то, что в ст. 148 Уголовного кодекса РФ содержится такой состав преступления, как «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

Данная норма является одной из мер защиты ценностей традиционных конфессий, значение и роль национальной безопасности России подчеркиваются во многих доктринальных документах государства, например в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013): «Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие».

Однако принятие данной нормы вызвало дискуссию среди конституционалистов и представителей науки уголовного права, предметом которой стало правовое регулирование нравственно значимого поведения. Многие авторы вполне справедливо считают, что не все сферы жизни человека могут и должны быть регламентированы нормами закона, но почему-то полагают, что мораль и нравственность не поддаются государственному регулированию [3]. Мораль и нравственность не могут быть обеспечены принудительно, но стимулировать и рекомендовать их защиту государство вполне способно.

Но данная норма не направлена и на это: УК не навязывает какую-либо мораль и нравственность, лишь содержит попытку признать традиционные религиозные ценности значимыми и подлежащими защите. При этом тот факт, что якобы объективная сторона данного преступления строится исключительно на оценочных суждениях, не вполне уместен для критики новеллы: почти в каждой норме есть оценочные суждения и термины, а любая норма – оценка реальности. Не вызывает же споров ст. 297 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за «неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства». Неуважение

религиозных чувств верующих также должно быть защищено. Аналогично можно было бы защитить и честь народа, общества и государства. Разве не абсурдно то, что честь одного элемента государства (судебной власти) подлежит уголовной защите, а само государство, народ, его историческая память, традиционные государствообразующие ценности этой защите не подлежат.

Нравственность как юридическая категория присутствует и в гражданском праве. Статья 169 ГК РФ устанавливает ничтожность сделки, заведомо противоречащей основам нравственности. Между тем юридического определения не существует: в национальной культуре и языке русского народа нравственность определяется как внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек. В юридической науке под нравственностью понимаются идеи и представления о справедливости, добре и зле, плохом и хорошем, сложившиеся на основе оценки поведения людей в данных условиях жизни общества. В контексте ст. 169 ГК РФ нравственность – это общепринятые представления в обществе о моральных устоях, то есть очевидных принципах и нормах надлежащего поведения. Однако критерий очевидности в условиях идеологической и идейной свободы весьма расплывчат. Понятно, что эти правила должны иметь историческую судьбу и быть устойчивы в общественном мнении вследствие длительного исполнения. Но в условиях многонационального государства весьма проблематично рассчитывать на то, что нравственные устои являются общепризнанными на всей территории государства и не представляют собой этические правила поведения отдельных национальностей или профессиональных и социальных групп. Ведь для признания сделки недействительной, согласно ст. 169 ГК РФ, деяние должно противоречить именно общепринятым представлениям общества о нравственности, а не морали отдельных социальных групп, этнических или религиозных объединений (студентов, служащих, осужденных и так далее).

Российское законодательство уже сделало шаг в сторону защиты общественной нравственности, приняв Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Во-первых, в данном законе впер-

вые за долгие годы игнорирования стали использовать для правового регулирования понятия «добро» и «зло». Так, в ст. 7 разрешенной для детей, не достигших возраста шести лет, может быть информационная продукция, содержащая сведения, не причиняющую вреда здоровью и (или) развитию детей (в том числе информационная продукция, содержащая оправданные ее жанром и (или) сюжетом эпизодические ненатуралистические изображения или описание физического и (или) психического насилия (за исключением сексуального насилия) *при условии торжества добра над злом* и выражения сострадания к жертве насилия и (или) осуждения насилия) (курсив наш. – *Авт.*). Во-вторых, данный закон отнес к информации, причиняющей вред здоровью детей, информацию, отрицающую семейные ценности, пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения и формирующую неуважение к родителям и (или) другим членам семьи.

В Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится о следующих духовно-нравственных ценностях: история России, свобода и независимость, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм (п. 11). Следует отметить, что данный перечень практически не отличается от набора либерально-индивидуалистических ценностных штампов эпохи 90-х годов XX века. Однако и этих ценностей достаточно, чтобы сформировать доктрину и систему защиты духовно-нравственной безопасности России. В то же время их интерпретация, а также механизмов их защиты зависит от позиции Президента РФ. В. В. Путин неоднократно говорил в течение 2016 года о необходимости защиты духовно-нравственной безопасности нашего государства. Например, он считает полезным ввести в школьные программы культурологический курс, который бы повышал духовно-нравственную культуру учеников, о чем заявил на встрече «Учитель года». Но президент не монарх, это должность выборная, поэтому наше общество и государство нуждаются, на наш взгляд, в юридической защите, формализации

и законодательном закреплении категории «общественная нравственность».

Данное предложение возможно осуществить принятием специального федерального закона «Об общественной нравственности» где дать определение общественной нравственности, как совокупности традиционных ценностей, духовных и моральных представлений народов России о благе общества, семьи и человека, милосердии, сострадании, уважении к ближним, терпимости, правде и справедливости. В законе также необходимо закрепить принцип недопустимости нарушения общественной нравственности со стороны отдельных граждан, государственных органов, должностных лиц и общественных объединений, в том числе деятелей культуры, описать механизмы защиты нравственности, духовных ценностей, формы духовно-нравственного воспитания, общественного контроля за деятельностью СМИ.

Право является важнейшим институтом общества и государства, помогающим организовывать социальную среду, а не только совокупностью норм, действующих благодаря принудительной силе государства, карательным механизмам. В нашем правовопонимании исторически неверно трактуется цель права, которому в качестве главного приписывается признак принуждения. Право – в первую очередь, выраженная в языке, формализованная и зафиксированная в правосознании общества система важнейших правил поведения в социуме. Механизм действия права в нормальном обществе должен быть преимущественно не принудительным, не основанным на негативных санкциях, а рекомендательным, стимулирующим, базирующимся на позитивных мерах, государственной поддержке правомерно го поведения.

Следует отметить, что в сфере духовно-нравственного развития общества государственным принуждением практически ничего не изменишь. Поэтому значительно более продуктивным было бы обозначение позиции государства в вопросах нравственных норм и ценностей. Метод убеждения здесь должен быть основным. Государство в нравственном воспитании должно действовать опосредованно, через поддержку социальных институтов, несущих обществу духовность и культуру. Такими институтами являются традици-

онные конфессии – православие, ислам, буддизм, а также семья, служащая транслятором культурных ценностей от поколения к поколению. Семья сама является духовно-нравственным феноменом. Ведь именно в ней прививаются и развиваются такие духовные ценности и свойства характера человека, как любовь к ближнему, сострадание, милосердие, жертвенность.

Без духовно-нравственного возрождения Российское государство обречено. Дело в том, что тип легитимации власти и закона в России строго ценностно-рациональный, а не формально-рациональный, как на Западе. Для Российского государства духовно-нравственные ценности являлись государствообразующими, кардинальным образом повлиявшими на историческую судьбу России, отечественную правовую и политическую культуру. Готовность к подвигу русского солдата во имя Отечества сыграла определяющую роль в Великой победе 1945 года. Все это благодаря тому, что принцип верховенства духовно-нравственных ценностей везде (в политике, культуре, законодательстве, государственной жизни) был постоянен. Русские мыслители А. И. Копелев, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. Ф. Лосев и многие другие доказывали невозможность строить внешнюю и внутреннюю политику на прагматизме и выгоде для России, указав на особую миссию России – быть хранилищем Правды. Цинизм и ложь, лежащие в основе внешней политики западных стран в XXI веке (что подтверждают события, произошедшие на Украине в феврале 2014 года), для России не свойственны. Даже в период СССР действия государства в международных делах были продиктованы не столько желанием создать империю, сколько стремлением защититься от возможной агрессии стран капиталистического блока во главе с НАТО.

Многонациональность (полиэтничность) России не является барьером на пути выделения и определения духовно-нравственных ценностей, среди которых можно назвать главные цели человеческой жизни: любовь к ближнему, любовь к Родине, истина, добро, мир, покой, тишина, красота, чувство долга и совесть. Эти ценности интуитивно понятны, но за массивным потоком пропаганды материализ-

ма перестали играть смысложизнеопределяющую роль. Тысячи лет народы понимали, что все материальные ценности – комфорт, здоровье, благополучие, достаток, сытость есть только средство для достижения высших ценностей. Но современный человек склонен принимать их достижение за главное в жизни. Экономическая система общества потребления поглотила культуру и нравственную идею. Поэтому крайне важным в современных условиях видится не только экономическая или политическая стабильность и безопасность, но и духовно-нравственное развитие нашего народа.

В современной юридической литературе процесс либеральной идеологизации правового мышления достиг максимума. Идея и понятие права человека стали заслонять традиционно равновесную в юриспруденции категорию обязанности, в том числе обязанности соблюдать права других людей, права общества и государства. Например, в статье А. А. Исачевой с критических позиций дается характеристика законодательства разных стран в сфере защиты религиозных чувств [2]. Даже общепризнанная тоталитарной секта «Свидетелей Иеговых» вызывает у автора сочувствие: «Уже сегодня в России при легально закреплённом равенстве религиозных объединений перед законом фактически отношение властей к ним заметно различается. Многие из них подвергаются дискриминации со стороны государства... Наиболее сильному давлению подвергаются свидетели Иеговы» [2, с. 40]. Тот факт, что данная секта проводит крайне враждебную для России пропаганду, автора не смущает.

Защита нравственности с помощью права всегда находилась под пристальным вниманием лучших представителей русской философии права (Н. Н. Алексеева, П. А. Новгородцева, Л. И. Петражицкого и других). В завершение хотелось бы обратить внимание на труды известного русского социолога и правоведа П.А. Сорокина, в частности, на его идею поощрительных мер воздействия с целью правомерного поведения адресатов юридических норм и их активного нравственно-правового служения ближним. Его трудам, правосознанию, научному мышлению присущ традиционный для русской социологии права идеализм. По всей видимости, именно за свой возвышенный идеализм Сорокин не получил

широкого признания в США. Современное ему состояние западной культуры ученый констатировал как кризисное в связи с господством материальных ценностей и чувственных наслаждений, провоцирующих деградацию человека, трансформацию ценностей в простые релятивные конвенции. Однако мыслитель полагал, что это временное явление, а будущее человечества связано только с идеационными устремлениями людей, а не с «обществом потребления»: «Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня... Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующий новое поколение – людей будущего» [5, с. 75]. П. А. Сорокин полагал достижение этого будущего возможным через очищение и воскрешение культуры, проповедь нравственного возрождения общества, основанного на принципах альтруистической любви и этики солидарности. Его теория правового стимулирования была в раннем творчестве лишь первым шагом навстречу этому будущему. Он обратил внимание на то, что преступления и проступки давно приковали к себе внимание, в то время как поощрительные меры и правомерные поведенческие акты не стали предметом глубокого изучения, «огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны». Между тем древние кодексы изобилуют не только наказаниями, но и наградами.

Конфликт ценностей гораздо опаснее тоталитарного контроля и монопольного регулирования «сверху» ценностно-нормативной системы общества. Об этом предупреждали социологи М. Вебер, Э. Дюркгейм, Р. Дарендорф. Дальнейшее расслоение общества по западному образцу, наступление агрессивного радикал-либерализма на патриотизм, консервативно-традиционные понятия и ценности могут привести к неожиданной социальной, национальной революции, последствия которой будут значительно более катастрофическими, чем на Украине и в Грузии. В русском характере, наряду с нестяжательством, заложена болезненная восприимчивость социального неравенства и неправды: реакция на несправедливость неожиданна и стихийна. Причем протекает она не в рамках западноевропейской

революционности с правами человека, а в границах полного тотального передела.

Рост массовых опущений безнравственности отдельных представителей власти и бизнеса, отсутствие высокого нравственного смысла совместного труда, антипатриотизм

либеральных СМИ, усугубление тяжелого экономического положения оборачиваются актуализацией традиционных жизненных ориентиров, которыми россияне пользуются как средством морально-психологической защиты от окружающей несправедливости.

Литература

1. Ивансеев С. Попы вместо «комиссаров»? // Военно-юридический журнал. 2010. № 7.
2. Исаева А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4.
3. Никитина Е. Е. Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12.
4. Пожигайло П. Культура как цель существования государства // Культура: управление, экономика, право. 2012. № 2.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
6. ЭЖ-Собеседник: Закон о новой идеологии для единства народов внесли в ГД. URL: <http://sobesednik.ru/politika/20161108-zakon-o-novoy-ideologii-dlya-edinstva-narodov-vnesli-v-gd>.

Bibliography

1. Ivancev S. Priests instead of «commissioners»? // The military law journal. 2010. № 7.
2. Isayev A. A. Prohibition of insulting religious feelings of believers, and the realization of human rights: a comparative legal analysis // Constitutional and municipal law. 2013. № 4.
3. Nikitina E. E. Freedom of conscience: theory and practice, limitations of rights in the Russian Federation // Journal of Russian law. 2013. № 12.
4. Pozhigailo P. Culture as a purpose of the state // Culture: management, economics, law. 2012. № 2.
5. Sorokin P. A. Person. Civilization. Society. Moscow, 1992.
6. EJ the Source: Law on the new ideology for the unity of the people brought in the state Duma. URL: <http://sobesednik.ru/politika/20161108-zakon-o-novoy-ideologii-dlya-edinstva-narodov-vnesli-v-gd>.

Келеберда Нина Григорьевна
Keleberda Nina Grigorievna

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 115-16-98.

Тищенко Екатерина Владимировна
Tishchenko Ekaterina Vladimirovna

заместитель декана по науке и инновационной деятельности юридического факультета
Южного федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Deputy Dean for Science and Innovation, Law Faculty of the Southern Federal University, PhD in Law,
Associate Professor.
Тел.: 8 (903) 406-59-01.

**РОССИЙСКИЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ
И СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА: ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА**

**Russian and Western European experience of legal regulation of the freedom
of conscience and freedom of creativity: a philosophical evaluation**

В статье анализируется опыт законодательства России и европейских стран в области уголовной ответственности «за оскорбление чувств верующих» сквозь призму категории «светскость». Авторы приходят к выводу, что европейский опыт перевода правового принципа светскости в термины индивидуальной свободы совести, вероисповедания и нерелигиозных воззрений предполагает большую степень открытости разным историческим, религиозным и юридическим ситуациям в отношениях между религией и государством, чем в России, где каждый религиозно-культурный стиль воспринимается его носителями как данность, идентифицирующая личность, а искусство оказывается полем для различного рода провокаций.

Ключевые слова: религия, искусство, провокация, уголовная ответственность.

In the article the experience of the legislation of Russia and the European countries in the field of criminal liability «for an insult of feelings of believers» through a prism of the category «secularization». Authors come to a conclusion that European experience of transfer of a legal principle of secularization in terms of an individual freedom of worship, religions and non-religious views assumes a bigger degree of openness to different historical, religious and legal situations in the relations between religion and the state than in Russia where each religion and cultural style is taken by its carriers very seriously as the base for identifying the personality. Art appears the field for different provocations.

Keywords: religion, art, provocations, criminal responsibility.

В книге «Переписка из двух углов» В. Иванов и М. Гершензон спорили об отношениях между религией и культурой. М. Гершензон противопоставляет личный, живой акт веры культурным предписаниям и канонам, В. Иванов утверждает, что «человек, верующий в Бога, ни за что не согласится признать свое верование частью культуры» [1].

Данный спор как никогда актуален сегодня. Современное российское общество после десятилетий явного или скрытого идей-

ного противостояния «светского» религии еще не готово принять тезис о том, что религия – это субстанция культуры, а не одна из ее областей.

С позиции православия радикальное противоречие заключается в том, что христианство и культура принадлежат к разным пластам бытия человека: культура – совершенствование мира, создание прекрасных образов, полагание целей для прогресса. В этом смысле православие является силой антикультурной,

так как занято спасением, ожиданием конца мировой истории. Парадокс заключается в том, что само это ожидание стало историческим процессом, то есть появилась так называемая «христианская культура». Но это не снимает напряжения, и вряд ли сейчас можно говорить о гармонии христианства и культуры. Как показывает отечественная история XX века, рано или поздно конфликт неизбежен.

Описывая модель взаимодействия религии и культуры, К. Г. Доусон поясняет, что культура без религии – это конгломерат разрозненных фрагментов. Религия скрепляет, склеивает их, придает им форму. «Следовательно, культура есть духовная общность, обязанная своим единством общим верованиям и общему образу жизни в гораздо большей степени, чем любому единообразию материального типа» [2]. Такая модель дает четкое представление об опасности религиозных провокаций в сфере культуры.

В настоящее время вопрос о философском и правовом осмыслении культурно-религиозных провокаций в России актуализируется в связи с участвовавшими случаями публичного оскорбления «чувств верующих».

Так, 20 декабря 2014 года в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета состоялась премьера оперы Р. Вагнера «Тангейзер» в постановке режиссера Т. Кулябина, которая глубоко возмутила общественность. В центре Новосибирска прошел митинг «Защити свою веру!», где около тысячи человек выразили протест против этого представления, оскорбляющего чувства верующих. С подмостков театра противостояние перенеслось в информационную и законодательную сферы.

Для того чтобы понять значение провокации, нужно разбираться в сущности искусства и сути религии. В философии искусством именуется всякое человеческое творчество, в котором преобладает эстетическая функция, трансформирующая вещь или акт (например, жесты в танце) в автономный знак, не имеющий связи ни с реальностью, на которую указывает, ни с художником, от которого он исходит. При этом «чистый эстетический знак... даже в том случае, когда он нечто, сообщает, не имеет значения сообщения» [3, с. 328]. Эстетическая функция, то есть «внутреннее строение самого знака», является самоцелью творческой деятельности. Внешняя цель

предполагает, что *знак* устанавливает отношения с другими, внеэстетическими областями, которые проецируются как «содержание»: такие темы, как политика, экономика, религия, с позиции теории искусства являются «чуждыми» для эстетической области, но могут играть важную роль в структуре художественного произведения.

Между тем А. Белый [4], один из теоретиков Серебряного века, писал, что если в искусстве превалируют форма и процесс ее создания, техники, приемы мастера, то это чисто механический процесс, не имеющий отношения к творчеству, ибо он не направлен на ценности, в нем нет оценки. Так, мрамор индифферентен: ему безразлично, чем он является. Но вот форма, которую придает ему художник, есть ценность.

Иными словами, только то есть творчество, в чем выражается некая ценность, разделяемая в конкретном обществе, которую художник в порыве творческого акта не выбирает, но бессознательно угадывает.

Оценка эстетического знака есть его восприятие в обществе. Она зависит от многих факторов, начиная от совпадения с системой эстетических норм, господствующих в коллективном сознании общества в определенную историческую эпоху. Однако положительно может быть оценено и нарушение этих норм, то есть их использование может быть как позитивным, так и негативным. И это характерно для искусства. В отличие, например, от правовой нормы, требующей положительного и прямого применения, нормы эстетики могут быть ориентированы на деформирование, которое доставляет эстетическое удовольствие. Мера деформации эстетической традиции указывает на новые тенденции в искусстве. Это естественный процесс для искусства [3, с. 328].

Будучи автономным *знаком*, художественное произведение служит посредником между членами одного и того же коллектива, которые под *знаком* подразумевают «нечто», то есть некий общий контекст социальных явлений в содержании *знака*, адекватно понятый и тем, кто его посылает, и тем, кто его воспринимает. Без такой коммуникации *знак* не существует. Если художник посылает *знак* с искомленным смыслом (а в отмеченной выше театральном постановке, по оценкам экспертов

[5], смысл искажен дважды (сначала Евангельский образ у Вагнера, а затем и сама опера Вагнера), то он вызывает взаимное недопонимание между людьми. Хотя в условиях плюрализма мнений единство культурных смыслов практически невозможно.

Искажение смыслов священных текстов есть профанация, то есть с точки зрения канонического права святотатство [6]. Светское государство не может наказывать художника за такие настроения, но должно ограничить его право публично распространять их, поскольку подобные действия вносят раскол в общество, обостряют нетерпимость по отношению к верующим, защищающим свою святыню.

Таким образом, искусство не может быть вне коммуникации: воздействуя на чувства, желания, волю воспринимающих, оно всегда *тенденциозно*. Но когда *взнаке* в какой-то момент над эстетической (формальной) функцией начинают преобладать коммуникативные (содержательные) элементы, несущие некие новые смыслы в общество, то художник должен понимать меру своей ответственности. Поскольку если тенденцией в каком-либо виде искусства становится гипертрофированная деформация *знака*, то возникают проблемы с взаимопониманием в социуме. Примером может служить «Черный квадрат» и русский авангард в целом накануне Революции 1917 года [7, с. 445], последствия идей которой мы сейчас ощущаем.

Тенденциозность сиюминутна. Например, отмеченную выше скандальную постановку уже и не вспоминают. Наиболее тенденциозными являются такие виды искусства, как кинематограф и живопись (карикатура, плакат), обладающие огромным потенциалом для воздействия (непедагогического) на зрителей. Здесь возникает искушение свободой для художника.

Культ красоты и наслаждения воплощается не только в искусстве, но и жизнь становится искусством. А. Белый [4] пишет, что когда искусство обнаруживает внеэстетические критерии и выходит за свои пределы, то оно преображает формы жизни, а значит, вопрос о сущности искусства есть вопрос веры. Смысл искусства укоренен в метафизике, которая всегда религиозна. Художник предстает как преобразователь вселенной, подлинный творец жизни, пророк. Творчество становится теургическим актом, богодейством. Искусство приобретает пафос религии.

В природе религии ценность не есть главное. Религия занимается вопросом об истине, и если искусство ставит вопрос об истине (смылосодержательный аспект) выше эстетического, то оно перестает быть искусством: *знак* утрачивает статус художественного произведения. В светском контексте такая деятельность оказывается «квазирелигией» (Д. Белл) [8, с. 699–702] со всеми ее атрибутами: пропаганда оказывается аналогом миссионерской деятельности, то есть в провокационных постановках качество «ценности» не только не совпадает с качеством «истины», но ценностью объявляется деформация традиционного смысла (истины) – профанация. Именно это вызывает возмущение верующих.

В художественных произведениях не затрагиваются проблемы истины по причине ее трудности и довольствуются хотя и важными, но вторичными мотивациями, которые имеют множество намеков и двусмысленностей.

Прагматическая позиция художника означает предельный скептицизм или агностицизм и предполагает отказ от решения проблемы истины. Отсюда уверенность в превосходстве эстетических ценностей не доказывает обоснованность его притязаний на свободу художественного прочтения смыслов. Но и от усвоения самим зрителем тех или иных жизненных аксиом зависит, станет он считать искусство более значимым, чем вера, или нет.

Отметим один важный факт: верующие россияне впервые за последние сто лет обратились за юридической защитой своих прав к государственным органам.

Светскость в СССР ставила условием существования Советского государства уничтожение религии. На Западе противовесом агрессивной секуляризации являются глубокие правовые начала и разработки по теории права таких мыслителей, как Дж. Локк, Монтескье и другие. В России правовое начало занимало и занимает весьма скромное место в русской мысли. Между тем право и традиции свободы совести, мысли и слова являются важным противовесом тоталитаризму [9, с. 351]. Д. Белл [8] в постановке вопроса о различии между *священным* и *светским* указывает, что христианство выполняло следующие функции:

1. Подчеркивало роль обуздания человеческой природы, отмечая связь между необуздан-

ностью, иступлением плоти (сексуальным вожделением) и убийством. Освобождение от религии есть освобождение от закона, отделяющего человека от греха.

2. Выполняло консервативную функцию: культура в единстве с религией обеспечивала преемственность поколений, сохранение традиций.

Распад теологического значения религии привел к тому, что современная культура в качестве источника творчества обратилась к демоническому началу. С. Булгаков писал по поводу картин П. Пикассо, что «это – духовность, но духовность вампира или демона; страсти, даже самые низменные, взяты здесь в чисто духовной, бесплотной сущности, совлеченные телесности. Здесь проявлен совсем особый нечеловеческий способ видения и восприятия плоти, дурной спиритуализм, презирающий и ненавидящий плоть, ее разлагающий, но в то же время вдохновляющий художника...» [10, с. 530].

В современных демократических странах Западной Европы отделение церкви от государства, то есть принцип светскости, означает признание ее юридического статуса с правом владения недвижимостью, благотворительными учреждениями, сетью школ, как общеобразовательных, так и специально богословских. Таким образом, несмотря на светский характер, Европейское сообщество накопило серьезный опыт юридического регулирования религиозного феномена.

Так, 20 сентября 1994 года Европейский суд по правам человека своим решением постановил, что религиозная свобода, гарантируемая ст. 9 Европейской конвенции [11], ограничивает свободу выражения (ст. 10), если проявление мысли превращается в оскорбление чувств некоторых граждан.

В качестве примера рассмотрим иск Инсбрукской епархии Римской католической церкви (Австрия) против Института аудиовизуальных средств информации Отто Премингера. Эта культурная ассоциация, владеющая кинотеатром в австрийском г. Инсбурке, решила в мае 1985 года показать фильм «Любовный собор» режиссера В. Шретера, запрещенный к просмотру лицам, не достигшим 17 лет. В фильме карикатурно изображаются основные положения христианского вероучения. Суд Инсбурга в соответствии с австрий-

ским уголовным законодательством распорядился конфисковать фильм, отметив, что право на свободу творчества ограничивается другими правами и свободами, в частности, запретом оскорблять религиозные верования с целью провокации [12, с. 268–270].

Очевидно, что, подчиняя свободу выражения задаче не допустить осквернения религии, которую исповедует большинство в определенном регионе, европейское сообщество обеспечивает религиозный мир.

В России оскорбление чувств верующих реально признано уголовно наказуемым деянием в 2013 году, после скандальной акции некоей группы в храме Христа Спасителя, но за время существования этой нормы, по данным Верховного суда (ВС), был вынесен всего один приговор. С другой стороны, само по себе понятие «оскорбление чувств верующих» в российском законодательстве появилось, как ни странно, в 1922 году. Пункт 13 Программы РКП(б) в области религиозных отношений гласит, что «по отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви... стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих...» [13], однако за оскорбление чувств верующих никакой ответственности предусмотрено не было. Достаточно напомнить содержание советских агитплакатов.

Очевидно, что нормативное закрепление в государственных актах принципов свободы совести и светского государства не является гарантией их реального воплощения и соблюдения. От государства требуется постоянное обеспечение прав и свобод граждан в реальной жизни, более того, это его обязанность, вытекающая из Конституции РФ (ст. 2, 18). В данном контексте положения Основного закона формируют определенный стандарт ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповеданий, среди которых наибольшим репрессивным и профилактическим потенциалом обладают нормы уголовного законодательства.

Так, согласно Конституции РФ государство берет на себя обязательство обеспечить равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии (ст. 19) и гарантирует, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22). Указанные нормы имеют универсальное значение, в том числе и для субъектов, на которые она распространяется. Согласно правовым позициям Конституционного суда России, положения гл. 2 Конституции распространяются также на юридических лиц (которые, по сути, являются объединениями граждан), если соответствующие конституционные требования не противоречат сущностной природе правового статуса организаций. За понятием свободы стоят необозримые многовековые философские, этические и правовые размышления. Широкое смысловое наполнение категории «свобода» (не исключение здесь «свобода совести и вероисповедания») затрудняет эффективное применение уголовных норм, так как проявляет неограниченное усмотрение правоохранительных органов. Сам диапазон уголовно-правовых запретов по данному вопросу не велик. В первую очередь следует указать общую норму – нарушение равноправия граждан по религиозным признакам (ст. 136 УК РФ). Уголовную ответственность влечет также создание религиозных объединений, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершения иных противоправных деяний (ст. 239 УК РФ). Исследователи единодушны в том, что содержанием побуждения выступает склонение к отказу от исполнения конституционных обязанностей. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые указывают на неизбежный вопрос о понимании соответствующих конституционных обязанностей [14, с. 53].

Далее следует отметить, что государство гарантирует каждому свободу творчества (ст. 44 Конституции РФ) и свободу вероисповедания, включая право самому выбирать религию или не исповедовать никакой, свободно иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28 Конституции РФ). Тем не менее дозволяются лишь деяния, не противоречащие

действующему законодательству. Те из них, которые направлены на возбуждение религиозной вражды, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации, влекут уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Для противодействия ксенофобии государство применяет различные меры правового характера, в том числе, как мы видим, использует и уголовное законодательство. Но закон, а тем более уголовный, разумеется, не способен снять противоречия и проблемы религиозного характера, его задача значительно скромнее. Предупредительная сила уголовного закона в современном мире не столь высока, как бы того хотелось.

Анализ статистических показателей преступности за последние годы свидетельствует о том, что наиболее широкое и опасное распространение получило такое проявление экстремизма, как противоправные действия, совершаемые на почве расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти либо вражды. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, судами общей юрисдикции в 2015 году за преступления экстремистской направленности осуждено 358 человек [15]. При этом наибольшую часть из них составляют лица, которые осуждены за преступления, предусмотренные ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества), ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации). За совершение вышеуказанных преступлений в 2010 году осуждено 228 лиц, в 2011 году – 200, в 2012 году – 232, в 2013 году – 333, в первом полугодии 2014 года – 195.

Таким образом, статистические данные наглядно демонстрируют, что существует тенденция к увеличению количества совершенных преступлений экстремистской направленности. Практически произошел рост судимости за совершение вышеуказанных преступлений на 89,9%. Очевидно, что по делам, связанным с возбуждением ненависти либо вражды, уни-

жением человеческого достоинства, а также с публичными призывами к экстремистской деятельности, следствию необходима помощь экспертов. Однако вопрос о том, можно ли без обращения к эксперту или специалисту определить цель высказывания, установить признаки ксенофобии, остается дискуссионным. В этом смысле перед правоприменителями стоят архисложные задачи, так как для определения признаков преступления экстремистской направленности в деянии обвиняемого требуется комплекс специальных знаний в области филологии, психологии, культурологии, лингвистики.

В связи с этим можно говорить о столкновении свобод: право на свободу выражения мысли, творчества и право на свободу исповедовать свою религию.

Следует отметить, что признание абсолютной ценности человеческой свободы есть основной мотив современного светского демократического государства. В России религия в контексте отказа от официального атеизма и дискриминации верующих оказывается сим-

волом и составляющей свободы личности. Европейский опыт перевода правового принципа светскости в термины индивидуальной свободы совести, вероисповедания и нерелигиозных воззрений предполагает большую степень открытости разным историческим, религиозным и юридическим ситуациям в отношениях между религией и культурой, чем в России. Здесь каждый религиозно-культурный стиль воспринимается его носителями как данность, идентифицирующая личность, а искусство оказывается полем для различного рода провокаций. Поэтому наказание за провокацию с целью осквернения святынь, с одной стороны, необходимо для обеспечения безопасности, с другой – ставит вопрос об ограничениях прав и свобод человека и гражданина. Установление таких пределов является одним из сложных и дискуссионных вопросов не только в юридической науке, но и философии, и религиоведения. На наш взгляд, предпочтительно использовать доктрину «разумных ограничений прав и свобод», основываясь в том числе на зарубежном опыте.

Литература

1. Гершензон М. О., Иванов В. И. Переписка из двух углов // Наше наследие 1989. № 3.
2. Доусон К. Г. Религия и культура / пер. с англ., коммент. К. Я. Кожурина. СПб., 2000.
3. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
5. Дело об опере «Тангейзер» рассматривает мировой суд в Новосибирске // Российское агентство правовой и судебной информации. Судебная информация. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20150304/273265239.html.
6. Белогриц-Котляревский Л. С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада: историко-догматическое исследование. Изд. 2. URSS. 2015.
7. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М., 1995.
8. Белл Д. От священного к светскому. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Garadg/_14.php.
9. Поспеловский Д. Тоталитаризм и веро-

Bibliography

1. Gershenzon M. O., Ivanov V. I. Correspondence from two corners// Our heritage 1989. № 3.
2. Dawson K. G. Religion and the culture / transl. from English, cop. of K. Ya. Kozhurin. St. Petersburg, 2000.
3. Mukarzhovsky I. Researches on an esthetics and theory of art. Moscow, 1994.
4. Belyi A. Simvolizm as outlook. Moscow, 1994.
5. Case of the opera «Tangeizer» is considered by magistrate's court in Novosibirsk // Russian agency for legal and judicial information. Judicial information. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20150304/273265239.html.
6. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Crimes against religion in the most important states of the West: Historical and dogmatic research. URSS. 2015.
7. Tarasov O. Yu. Icon and piety: sketches of icon matter in imperial Russia. Moscow, 1995.
8. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Garadg/_14.php.
9. Pospelovsky D. Totalitarizm and religion. URL: http://krotov.info/library/16_p/os/page02.htm.

исповедание. URL: http://krotov.info/library/16_p/os/page02.htm.

10. Булгаков С. Группы красоты. По поводу картин Пикассо. Избранные статьи. М., 1993. Т. 2.

11. Европейская конвенция (п. 1 ст. 9). URL: <http://www.echr.ru/index.asp>.

12. Брольо Ф. М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы: введение в сравнительное церковное право. М., 2008.

13. Программа Российской коммунистической партии (большевиков). URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm>.

14. Верещак А. Н. Защита права на свободу совести в конституционных судах России и европейских стран // Terra Economics. 2007. Т. 7. № 4 (ч. 3).

15. Борисов К. А. Использование специальных знаний при производстве по делам о преступлениях, совершенных на почве ненависти // Уголовный процесс. 2015. № 2.

10. Bulgakov S. Group of beauty. Concerning Picasso's pictures. Chosen articles. Moscow, 1993. Vol. 2.

11. European convention (p. 1 art. 9). URL: <http://www.echr.ru/index.asp>.

12. Brolyo F., Mirabelle Ch., Onida F. Religions and legal systems: introduction in a comparative ecclesiastical law. Moscow, 2008.

13. Program of the Russian communist party (bolshevikov). URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm/>

14. Vereshchak A. N. Protection of a right to liberty of conscience in constitutional courts of Russia and the European countries // Terra Economics. 2007. Vol. 7. № 4 (part 3).

15. Borisov K. A. Use of special knowledge in case of production of cases of the crimes committed because of hatred // Criminal procedure. 2015. № 2.

Серегин Андрей Викторович
Seregin Andrey Viktorovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University,
PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: andrei-seregin@rambler.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВСТВЕННОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ**

**Applying the principle of moral comparison to the legal qualification
of extremist religious teachings**

Статья посвящена анализу актуальных проблем противодействия религиозно-экстремистской деятельности в Российской Федерации. Автор предлагает при оценке экстремистской или деструктивной направленности религиозного учения использовать метод нравственного сопоставления теологических догм и юридических ценностей общества.

Ключевые слова: религия, право, нравственность, юридическая квалификация, экстремизм.

The article is devoted to topical problems of counteraction to religious-extremist activities in the Russian Federation. The author proposes in the evaluation of religious teachings on the subject of his extremist or destructive orientation to use the method of moral Association of theological dogmas and legal values of society.

Keywords: religion, law, morality, legal qualification, extremism.

С древнейших времен человек стоит перед выбором между двумя крайними полюсами, определяющими уровень духовно-нравственного развития индивида, – добром и злом. В своих рационально интуитивных переживаниях люди приходят к пониманию существования высшей формы бытия, которую они обычно именуют Богом (Всевышним, Отцом Небесным и так далее). Некоторые личности пытаются отрицать сакральные начала мироздания, другие вооружаются и ведут боевые действия против сторонников того или иного богословского учения, третьи индифферентно существуют, руководствуясь лишь инстинктивными желаниями, четвертые, наоборот, наживаются на естественной жажде справедливости значительных слоев населения.

Более того, духовная борьба обостряется под воздействием закономерностей политических и экономических процессов, направленных на установление социального господства в антагонистически паразитарном обществе. «Любой общественный организм, гражданское учреждение, политико-правовая форма жизни народа зависят от нравственной скре-

пы, духовного склада народа, – справедливо отмечает А. А. Васильев. – Ослабление нравственности, отвержение религиозных ценностей вслед за собой ведут к разрушению общественного устройства. Доказательства тому – в развитии европейской цивилизации в условиях секуляризации общественного сознания, которая стала вырождаться в разъединенную массу предающихся гедонизму людей, строящих свое счастье на горе других людей (колоний, сырьевых приделков и т. п.)» [1, с. 113]. Секуляризм, или лаицизм (светскость), – широкое понятие, означающее, что государство не связывает себя с какой бы то ни было религией, не ищет в религии способа легитимации политической власти. Формальное отделение культов от государства не является обязательным или во всяком случае решающим признаком секуляризма. Цель и смысл отделения религии от государства состоит не в том, чтобы бороться с какой-то конкретной верой или верой вообще, а в обеспечении свободы совести, веротерпимости, равноправия граждан вне зависимости от их религиозных убеждений, в исключении любых привилегий или дискриминации на этой почве.

В связи с этим перед различными народами, отдельными группами людей и конкретными личностями возникают следующие вопросы:

1. Верить в бога (богов) или нет, а если верить, то в какого именно?
2. Жить по божественному предопределению или человеческому соизволению?
3. Как соотносить власть духовную и светскую?
4. Возможно ли богодержавие на земле, если да, то в какой форме?
5. В каких случаях религиозное учение может быть признано экстремистским?

Но, приступая к решению поставленных проблем, важно помнить, что в кровавой истории цивилизации на данном пути часто развязывались религиозные войны, проходившие, как ни парадоксально, под знаменем «высшей истины и любви». Так, в процессе исторической борьбы различных классов, слоев, социальных групп, наций, народов, тайных обществ, религиозных организаций и так далее человечество в лице своих псевдодуховных лидеров (вождей деструктивных религиозных сект и учений), военных и политических лидеров, выработало различные способы по захвату государственной власти, находящейся в руках реальных или потенциальных конкурентов. Самым опасным из них является информационное оружие, которое изменяет мировоззрение индивида, нарушая процесс правильного формирования образных констант вселенной. Речь идет об искажении представлений о добре и зле, перемещении этих понятий местами. Например, вместо того, чтобы стремиться не только к продолжению рода, но и его умножению, современным народам (особенно европейцам) внушают, что каждый человек должен жить исключительно для себя, главная его цель – это деньги, получаемые любым путем, их никогда не бывает много, поэтому в погоне за прибылью граждане становятся рабами системы, отдающими все свои силы «паразитам-завоевателям», внушившим им эти смертоносные идеи.

Как правило, население восприимчиво к «духовному дурману» вследствие элементарного невежества, распространенного в массовом сознании. Достигается это благодаря тому, что человек в трехмерном мире находится в плену собственных несовершенных органов

чувств, значительно ограничивающих горизонт восприятия многомерной вселенной.

Во-первых, человек способен представить сверхсовершенное существо, образы которого в экстремистских и деструктивных религиозных учениях подменяются иллюзиями (например, ассасины применяли наркотики для демонстрации рая своим adeptам).

Во-вторых, разумность первопричины природного миропорядка соприкасается с разрушительным хаосом неадекватного поведения некоторых людей.

В-третьих, понимание целесообразности творческого начала вселенной соответствует тому, что на земле нет народа без веры в бога (богов), но у каждого свой бог (или боги).

В-четвертых, многие люди боятся смерти и возмездия, поэтому именно страх перед неизвестностью используют лидеры экстремистских и деструктивных религиозных учений.

В-пятых, беспокойная совесть заставляет человека искать истоки морального закона, бороться со злом, творить добро и излучать любовь, чем также часто пользуются корыстные и бессовестные личности, выступающие от имени бога (лжепророки и лжеучителя).

Конституция Российской Федерации, с одной стороны, в ст. 28 устанавливает, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними», а с другой – в ч. 2 ст. 29 императивно говорит: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства».

Более того, на основании ч. 3 ст. 55 Основного закона России права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц и так далее.

Но категории ненависти и вражды не являются достаточными при определении экстремизма и деструктивности религиозного учения. Эту функцию в полной мере не выполняют и ст. 280 «Публичные призывы к осуще-

ствлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» УК РФ 1996 года, так как они не квалифицируют пропаганду суицидов, безбрачия, тунеядства, содомии и так далее.

В связи с этим возникает вопрос о том, как быть, если религия разрешает ранние браки с 9 или 12 лет, а закон их запрещает, наказывая за педофилию, либо если теологическое учение санкционирует полигамию, а закон запрещает ее и так далее.

В Индийском союзе, например, самым жестоким проявлением традиций индуизма является обряд сати – саможжения вдов. Таких случаев известно не так много, но они бывают и связаны с массовой общественной поддержкой. Так, например, случилось 7 августа 2002 года, когда двоим полицейским, пыгавшимся предотвратить саможжение вдовы, противостояла враждебно настроенная толпа из тысячи человек [3, с. 227]. Государство пытается бороться с этими вспышками религиозно-бытового экстремизма, для чего в 1987 году принят закон, преследующий подстрекательство к совершению сати и его последующее прославление (за последнее правонарушение предусматривается тюремное заключение от одного года до семи лет и штраф от 500 до 30 тыс. рупий) [3].

Полагаем, что в современных отечественных реалиях для защиты духовного здоровья общества, народа и личности необходимо применять принцип нравственного сопоставления содержания религиозных учений на предмет его юридической квалификации экстремистского и (или) деструктивного содержания. Теологическое учение, имеющее право на легализацию в

современном государстве, должно признавать следующие юридические положения:

- 1) право на просвещение и поиск истины человеком;
- 2) обязанность индивида совершать добрые деяния;
- 3) необходимость проявлять сострадание ко всему живому на земле;
- 4) гармонизировать человеческую жизнь с природой;
- 5) уважать свободу совести и вероисповедания;
- 6) отрицать рабовладение;
- 7) пропагандировать любовью к ближним, своим предкам, родителям и достойным людям;
- 8) призывать к стойкости в жизненных испытаниях (не допускать уныния);
- 9) почитать труд и осуждать паразитизм;
- 10) призывать к целеустремленности в духовном развитии личности;
- 11) осуждать суициды, алкоголизм, наркоманию, садомию (сексуальные извращения – лесбиянство, гомосексуализм и так далее), педофилию, каннибализм, человеческие жертвоприношения и т. п.;

12) отрицать священные войны против иноверцев;

13) недопускать призывов к отказу от защиты родины, особенно во время вооруженного нападения врагов [2, с. 223].

Если религиозная доктрина в практике применения и толкования не соответствует данным критериям, ее следует считать экстремистской и (или) деструктивной, последствием этого должно быть привлечение к уголовной ответственности лиц, занимающихся пропагандой таких идей.

Литература

1. Васильев А. А. Консервативное государственно-правовое учение почвенников (Ф. М. и М. М. Достоевских, А. А. Григорьева и Н. Н. Стрехова). Барнаул, 2011.
2. Иванников И. А. История политико-правовой мысли о форме Российского государства: монография. Ростов н/Д, 2012.
3. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение. М., 2008.

Bibliography

1. Vasilyev A. A. Conservative state and legal doctrine of pochvennik (F. M. and M. M. Dostoyevsky, A. A. Grigoriev and N. N. Strakhov). Barnaul, 2011.
2. Ivannikov I. A. History of a political and legal thought of a form of the Russian state: monograph. Rostov-on-Don, 2012.
3. Malko A. V., Salomatina A. Yu. Comparative jurisprudence. Moscow, 2008.

Федоренко Святослав Петрович
Fedorenko Svyatoslav Petrovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8(928) 229-94-34.

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ
ПРИНЦИПОВ РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ**

**The geopolitical doctrine of Russia according to the principles of the development
of a multipolar world in the context of the fight against extremism**

В статье рассматриваются геополитические процессы в контексте возрождения статуса России как сверхдержавы. Анализируется причинно-следственная связь между геополитическими процессами и интенсивностью экстремистских проявлений в мире. Определяются основные приоритеты и методы геополитических действий и взаимодействия исходя из исторической роли России и ее современного географического и стратегического положения в Евразии и мире.

Ключевые слова: геополитическая доктрина России, угрозы и вызовы мондиализма, концепция многополярного мира, международный экстремизм, источники экстремизма, геополитический статус России.

The article discusses the geopolitical processes in the context of the revival of Russia's status as a superpower. Examines the causal relationship between geopolitical processes and the intensity of extremism in the world. Identifies the main priorities and methods of geopolitical action and interaction, based on Russia's historic role, and its current geographic and strategic position in Eurasia and the World.

Keywords: geopolitical doctrine of Russia, threats and challenges of mondialism, concept of a multipolar world, international extremism, sources of extremism, geopolitical status of Russia.

Начало XXI века характеризуется неуклонной интенсификацией геополитической субъектности Российской Федерации. Основные геополитические «игроки», такие как США, Европейский Союз, Китай, Япония и другие, все больше вынуждены считаться с мнением и позицией России по ключевым международным вопросам. Эти тенденции реализуются на фоне повышения эффективности внутривнутриполитических процессов, направленных на обеспечение и защиту национальных интересов России. Постепенно начинают приносить результаты комплексные усилия последних десяти лет политического руководства страной, так как в 2000-е остро стоял вопрос о принципиальном выживании России и сохранении ее в истории человечества и на карте мира. В данном аспекте работу, проделанную Президентом Российской Федерации в указанный период, невозможно переоценить. Описанные условия позволя-

ют говорить о тенденции достижения баланса между историческим и территориальным величием России и ее современным статусом в геополитической системе. Это возрождение становится возможным благодаря выработке, формированию и реализации геополитической доктрины Российской Федерации, отвечающей современным угрозам и вызовам. В контексте терминологической ясности следует согласиться с профессором Л. Г. Лукашовым в том, что «доктрина Российской Федерации – это система официально принятых в государстве взглядов на развитие мировых процессов, международную систему безопасности, утверждение геополитических интересов и приоритетов Российской Федерации в современном мире, а также является основополагающим документом, который определяет геополитические интересы России, цели, задачи, средства и способы их реализации и защиты» [1].

К правовой базе геополитической доктрины Российской Федерации, помимо Конституции Российской Федерации, следует отнести федеральные законы, другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере внешней и внутренней политики и функционирования системы правовой защиты национальных интересов, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России.

Ведущий геополитический интерес России в контексте геополитической доктрины – сохранение и безопасное развитие мировых цивилизаций, народов и государств в целом [2]. Этот принцип формировался вместе с имперским мышлением русской политической элиты, которая, в отличие от ленинской интерпретации понятия «империализм», считала, что «империализм есть следствие народного убеждения в особом, мировом призвании данного государства. Империалистический народ считает себя носителем истинной культуры, в распространении которой он видит свою историческую миссию» [3, с. 447–448]. Со времен Российской империи перманентно реализуется принцип полноценного включения всех этнических групп в культурную орбиту эволюции русского народа. «Русский “империализм” наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, правило заключались в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности. Министры поляки (Чарторыйский), министры армяне (Лорис-Меликов), министры немцы (Бунге) в Англии невозможны никак. О министре индусе в Англии и говорить нечего. В Англии было много свобод, но только для англичан. В России было меньше, но они были для всех» [4, с. 117]. Историческим фактом является то, что все этносы, включенные в эту орбиту, существуют и сегодня. А англо-саксонская цивилизационная общность дважды в мировой истории уничтожала другие цивилизации: первоначально бриттов и кельтов, населявших Британские острова, а затем и североамериканских индейцев, уничтожив тем самым целую расу. При колонизации территории современной Северной Америки погибло более 300 тыс. американских индейцев – коренных жителей Аме-

рики [5, с. 77]. Если эту цифру подвести под коэффициент современного состояния общечеловеческой демографии, то она будет более чем внушительной. Причем при создании Конституции США коренное население в расчет не принималось. Отсутствие правового статуса у американских индейцев повлекло отсутствие места для них в объективной реальности. Этот пример также можно расценивать как проявление экстремизма.

В социологии существует теории повторяющегося поведения [6, с. 112], экстраполируясь от которой к геополитическим процессам, можно со значительной долей достоверности утверждать, что западная цивилизация потенциально агрессивно опасна в методах реализации своих интересов. Россия же, напротив, заинтересована в создании и поддержании мира, базирующегося на таких принципах, как единство духовно-нравственной основы традиционных ценностей, паритет взаимоотношений между цивилизациями, государствами и народами, культивирование принципов взаимопомощи и человеколюбия, недопущение проявлений экстремизма в любых его формах.

В настоящее время страны «первого мира» создают искусственные ограничения цивилизационного развития других народов с целью сегрегации человечества на роли участия в мировой финансово-экономической схеме: технологии, производство, сырье. Возникающая в результате этого процесса разница в уровне жизни создает общую тенденцию волны экстремизма. Массовые перемещения людей, катализируемые вооруженными конфликтами, резкая эскалация противостояния представителей разных культурных сообществ и, наконец, террористические акты как радикальное проявление экстремизма – результат данных процессов. Именно это мы наблюдаем в настоящее время в виде терактов в Европе, войны в Сирии, военных действий на юго-востоке Украины (ДНР, ЛНР) и других менее резонансных событий, возникающих в результате проявлений экстремизма.

Тем не менее страны блока НАТО (в особенности США) тратят на военные расходы такое количество денег, которого бы хватило для повышения уровня и технологичности жизни всего человечества. Проблема во многом заключается в том, что европейская схема «образование – наука – изобретения – техно-

логии – производство» изначально возникала как военное прикрытие морских торговых операций. Они основывались на разнице цивилизационных уровней развития. И этот тренд остается неизменным уже несколько столетий. Россия же всегда стремилась к согласованности развития каждой из цивилизаций для того, чтобы обеспечить всестороннее становление человеческого сообщества. Как указывали Г. С. Денисова, В. П. Уланов, это «процесс постепенного выравнивания центра и периферии, происходящий во всех областях социального взаимодействия» [7, с. 12]. Данный принцип проявлялся и во время империи в виде формирования мультикультурного общества (которое так и не смогла построить современная Германия [8]), и в советский период, когда одним из важнейших условий формирования советской государственности провозглашались интернационал и равенство трудящихся всех стран. Реализация данного принципа дает возможность не допустить экстремальной неравномерности развития разных цивилизаций, обеспечить гармоничное становление различных сфер деятельности мирового сообщества и каждой из цивилизаций в нем, что должно предотвратить глобальные военные конфликты. В то же время в перспективе существенное внимание следует уделять развитию цивилизационной взаимоподдержки и взаимопомощи. Это положительно скажется на обеспечении безопасности общечеловеческого существования и купирует ущемление возможности развития иных цивилизаций и стран, ликвидирует создание глобальных угроз, а функционирование системы международной безопасности будет ориентироваться на принцип баланса сил и интересов, а не на военное превосходство [9].

Интерес России в многополюсном мире основывается на том, что любая из цивилизаций является достаточно самостоятельным и значимым источником геополитической силы. Поэтому на современном этапе эволюции человечества сохранение государств как основного субъекта международного права является неотъемлемым условием существования мирового сообщества. Глобальное объединение государств должно носить многополюсный характер, учитывать их интересы, так как предлагаемая модель мондеализма во главе с США в целом ряде аспектов возвращает чело-

вечество к принципам язычества, где человек выступает не целью, а средством. Это во многом противоречит религиозно-этическим и духовно-нравственным основам, на которых в свое время формировались сами США, но в определенный момент перешли к политике двойных, а точнее корыстно-рациональных конъюнктурных, стандартов в классических неморальных проявлениях макиавеллизма. Данная ситуация влечет развитие кризиса и в самом западном обществе [10].

Кроме того, формирование монополярного мира таит в себе следующие опасности: насаждение стандартов безнравственности и бездуховности; уничтожение экономических, политических и культурных границ между государствами, создание единого мирового пространства, подчиненного власти денег и военной силе; усиление разрыва между развитыми и развивающимися странами; активное формирование теневой мировой власти; лишение государства суверенитета; навязывание человечеству курса всеобщей деградации, нестабильности, даже при условии разрушения среды обитания человека. Эти факторы генерируют следующие геополитические угрозы и вызовы Российской Федерации: внутренний кризис западного мира порождает агрессивную политику в отношении других стран и народов; обострение сырьевого и энергетического кризиса обуславливает необходимость для Запада искать новые источники энергии и сырья или развязывать масштабные войны за ресурсы, чтобы сохранить достигнутые качество жизни и прибыли финансовой олигархии и ТНК; утрата США безусловного превосходства в мире при одновременном усилении претензий элиты этой страны на мировое доминирование; радикальная трансформация торговых потоков, расширение доли теневого сектора в мировом валовом продукте и доходах, в том числе за счет финансовых спекуляций, роста торговли наркотиками и людьми; усиление роли и влияния в системе международных отношений транснациональных экономических, финансовых, псевдорелигиозных организаций, частных военных корпораций и криминальных структур; демографический рост в Азии, Африке, Латинской Америке с одновременной претензией на увеличение уровня потребления.

Для противодействия данным негативным процессам Россия предлагает сохранять и оберегать все аспекты народной самобытности и права наций во всем их многообразии на мировом уровне, что находит свое отражение в том числе и в правовой доктрине Российской Федерации [11, с. 59–65]. Поэтому недопустимо превращение различных межнациональных образований, независимо от их могущества, в субъектов мировой власти, так как большинство из них являются корпоративно-клановыми структурами, которые преследуют частные интересы в политической и финансово-материальной сферах.

Не менее важным геополитическим интересом России выступает установление ненасильственного мира, предусматривающее применение военной и иной силы исключительно в крайних случаях – для защиты прав народов. Россия заинтересована в формировании действенной международно-правовой базы регулирования мирного становления человечества через эффективные органы управления цивилизационным развитием. Это позволит обеспечить геополитическую безопасность, которая сможет гарантировать сохранность культурно-цивилизационной идентичности, традиционной системы ценностей, территориальной целостности, экономической эффективности и обороноспособности, политической автономии и воли в утверждении государственных и общественных интересов. Российское государство рассматривает обеспечение национальной безопасности и сохранение своего высокого геополитического статуса как основную функцию всех государственных органов.

Приоритетным направлением в борьбе с радикальными проявлениями экстремизма (как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами) выступает сохранение и реализация оборонного потенциала, вооруженных сил и специальных служб, укрепление духовного, социального и культурно-цивилизационного единства русского и дружественных ему народов [12].

Основной задачей внешней политики России является укрепление межгосударственных отношений со странами СНГ, государствами – членами ОДКБ, согласованность с их национальными интересами, геополитическим позиционированием, внешней и внутренней по-

литикой. Российское государство нацелено на возрождение единого православно-славянского духовного культурного пространства, установление дружеских взаимоотношений между государствами и народами евразийского мира. Данные формы взаимодействия должны обеспечить эффективное пресечение попыток экстремизма с постепенной ликвидацией почвы, которая способствует проявлению экстремистского поведения.

Во внешнеполитической деятельности Россия особое внимание должна уделять формированию Евразийского союза и его взаимодействию с Европейским союзом. В настоящее время очевидно, что часть стран Западной Европы, поддерживая США, ставит под удар свои собственные национальные интересы. В частности, многочисленные теракты, произошедшие за последний год в Европе, по всей видимости, – лишь верхушка айсберга проблем европейского общества. И, на наш взгляд, весьма высокой является вероятность того, что этот «айсберг» очень быстро может превратиться в «вулкан». Географически Европа граничит с Россией, а следовательно, масштабные волны европейского экстремизма неизбежно будут докатываться до России. Поэтому у России в совокупности с Евразийским союзом общих интересов с Евросоюзом гораздо больше, чем у ЕС и США. В контексте борьбы с экстремизмом это должно привести от союза государств к союзу народов, к единому политическому, экономическому, социальному, культурному, научно-образовательному и оборонному пространству. Развитие Шанхайской организации сотрудничества в Евро-Азиатский союз представляется основной перспективой российской внешней политики и важным условием общевразийской геополитической безопасности [13].

Противодействие модели мондиализма, которая является фактором генезиса экстремизма, должно заключаться в следующем: научно обоснованном планировании развития, производства и потребления; формировании приоритета духовно-нравственных, интеллектуальных, творческих направлений развития общества; Россия как геополитический субъект должна выступать основой Евразии, которая объединяет евразийский Запад и Восток.

Данную концепцию определяют следующие факторы: мощный интеллектуальный и

ресурсный потенциал России; географическое положение «евразийского центра»; огромный потенциал обороноспособности; историческая духовная ориентация на традиционные ценности; роль России как мирового центра – ядра консолидации «традиционных цивилизаций» на пути строительства многополярного мира.

В заключение отметим, что деятельность России по предотвращению экстремизма в геополитике основывается на преодолении искус-

ственного ограничения цивилизационного развития народов, согласованности и всестороннем развитии мирового сообщества, постепенном устранении неравномерности развития различных цивилизаций, формировании системы цивилизационной взаимоподдержки и взаимопомощи, создании фактического международного равноправия, а также обеспечения взаимной безопасности геополитического развития.

Литература

1. Исаев Б. А. Геополитика: учебное пособие. СПб., 2006.
2. Губченко А. В. Геополитическая оценка современной России в глобализирующемся мире // Власть. 2011. № 3.
3. Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб., 2001.
4. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003.
5. Зинн Г. Народная история США. М., 2006.
6. Парсонс Т. Новый аналитический подход к теории социальной стратификации // О структуре социального действия. М., 2002.
7. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003.
8. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20101017070445.shtml>.
9. Карпович О. Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения. 2014. № 1.
10. Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2007.
11. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2 (75).
12. Шеремет О. Л. Геополитическое положение России: современность и будущее // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 31.
13. Бовдунов А. Л. Россия как задание. М., 2010.

Bibliography

1. Isaev B. A. Geopolitics: education guidance. St. Petersburg, 2006.
2. Gubchenko A. V. Geopolitical assessment of modern Russia in the globalized world // Power. 2011. № 3.
3. Alekseev N. N. Idea of the state. St. Petersburg, 2001.
4. Solonevich I. L. National monarchy. Moscow, 2003.
5. Sinn G. National history of the USA. Moscow, 2006.
6. Parsons T. New analytical approach to the theory of social stratification // About structure of social action. Moscow, 2002.
7. Denisova G. S., Yulanov V. P. Russians in the North Caucasus: analysis of transformation of the sociocultural status. Rostov-on-Don, 2003.
8. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20101017070445.shtml>.
9. Karpovich O. G. Conflicts of civilizations: urgent problems // International relations. 2014. № 1.
10. Buchanan P. Smert of the West. Moscow, 2007.
11. Ovchinnikov A. I., Dalgatova A. O., Fatkh V. I. The legal doctrine as a source of law in the Russian Federation // Philosophy of law. 2016. № 2 (75).
12. Sheremet O. L. Geopolitical position of Russia: present and future // News of the Russian state pedagogical university of A. I. Herzen. 2011. № 31.
13. Bovdunov A. L. Russia as task. Moscow, 2010.

Фетисов Тимофей (протоиерей)
Fetisov Timothy (archpriest)

ректор Донской духовной семинарии кандидат богословия.

Rector of the Don Seminary of Theology, PhD in Theology.

Тел.: 8 (918) 500-96-04.

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ПО ЗАВЕТАМ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА**

Church-state relations on the precepts of the Holy Prince Vladimir

Статья посвящена осмыслению духовных принципов, на которых святой князь Владимир основал Русское государство. Выявляется теократический идеал как принцип правовой и общественной жизни государства и христианские базисные ценности служения власти своему народу и отечеству. Освещаются социальные взгляды Владимира, и отмечается эсхатологический контекст деятельности государя как попытка осуществления справедливости и Правды Божией на Русской земле.

Ключевые слова: Русь, церковь, государство, власть, цивилизация, теократия, христианство, правопонимание, кенотическое право, библейский идеал.

Article is devoted judgement of spiritual principles on which sacred prince Vladimir has based Russian state. The theocratic ideal, as a principle of legal and public life of the state, and Christian basic values of service of the power to the people and Fatherland comes to light. In research the social sights of sacred prince Vladimir resulting from an evangelical legal ideal are shined, and the eschatological context of activity of a sacred sovereign as attempt of realisation of justice and Pravdy Bozhiej on Russian soil is marked.

Keywords: Russia, Church, state, power, civilisation, Christianity, right, bible ideal.

Наступивший юбилейный год святого Крестителя Руси и текущий исторический момент побуждают богословско-историческое сознание всякого неравнодушного к судьбу своего отечества христианина сформулировать еще раз те изначальные духовные принципы нашего государства, на которых оно создавалось, определяя отношения государства и церкви вплоть до сегодняшнего дня. Эта непростая задача требует благоговения и профессионализма кропотливого реставратора, который, работая над древней иконой, очищает ее от наслоений пережитых эпох и вековой копоти, чтобы открыть первообраз. Вне всяких сомнений, современное Российское государство весьма далеко ушло в своем развитии от древнерусского прототипа, однако политическая и социальная трансформация стала не только естественным изменением и развитием внешних форм, но и, что гораздо существеннее, затронула внутреннее существо общества и власти. В реальности идеал построенного на евангельских заповедях уникального государства святого князя начал затемняться уже в период начавшихся при его ближайших потомках

междоусобиц. Тем не менее даже в современной России можно увидеть отсветы того духовного образа, который завещал ей князь Владимир.

Было бы методологически правильно с самого начала определиться с теми, кто является адресатом заветов равноапостольного Владимира? В корне неверно считать, что только государству и власти оставил свое завещание святой князь. Думать так – значит забыть о том, что равноапостольный Владимир стал отцом-основателем не только Русского государства и русской цивилизации, но также их духовного фундамента – русской церкви. Святейший патриарх Кирилл в своем Послании в связи с 1000-летием преставления святого равноапостольного великого князя Владимира напоминает: «Благодаря этому святому правителю была основана Церковь Русская» [4].

Поскольку роль Владимира как основателя церкви практически впервые озвучена на столь высоком уровне, позволим себе несколько остановиться на этой теме. Для некоторых этот исторический факт до сих пор

является слишком смелым утверждением, ведь, как известно, христиане и христианство существовали на Руси как минимум со времен крещения варяжских князей Аскольда и Дира. Однако здесь происходит очевидное смешение понятий христианства и церкви. По-видимому, не мог избежать этой ошибки и знаменитый Голубинский, по мнению которого, христиане существовали на Руси до ее Крещения как «более или менее значительная община, которая, существуя открыто и свободно рядом с господствующим язычеством, имела все принадлежности вполне организованного, религиозного общества – церкви и священников» [12]. Кроме того, подобная точка зрения в значительной степени нивелирует великое значение дела святого Владимира и подвергает сомнению его статус основателя русской церкви, она не соответствует ни реальной исторической обстановке, ни православной экклесиологии. Не беря на себя смелость полемики с именитым автором, мы отсылаем интересующихся данным вопросом к обширному труду профессора Санкт-Петербургской духовной академии Т. Барсова «Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью», в котором ученый, скрупулезно исследуя вопрос времени утверждения церкви в Русском государстве, убедительно доказал, что «бывшие до Владимира христиане, для того чтобы и называться вполне организованным христианским обществом, не имели ни объединяющей их иерархической власти, ни церковной дисциплины, ни других условий твердого церковного устройства» [12, с. 323], делая однозначный вывод о том, что русская церковь «началась и утвердилась в Русском государстве при святом и равноапостольном князе Владимире, когда просветилась святым Крещением “вся русская земля”». По ученому мнению Тареева, существование домовых храмов и христиан не проясняет вопрос об иерархии, поскольку «летописи и другие источники не сообщают нам об этом предмете никаких сведений. Собственные соображения не позволяют предположить, что при существовании в России христиан и храмов не было священнослужителей, но те же соображения, в свою очередь, заставляют признать, что подобные священнослужители, во-первых, не могли быть местным тузем-

ным элементом; во-вторых, они не могли представлять собой лиц определенного сословия, в смысле “иерархии”» [12, с. 326].

Как нам кажется, уникальность заслуги святого князя Владимира как государя в Крещении Руси и основании церкви особо оттеняется тем, что со стороны церковной византийской власти мы ранее не наблюдаем практически никаких миссионерских усилий для просвещения «варварского» восточнославянского народа. По свидетельству известного слависта В. Ламанского, даже в местах непосредственной деятельности святых братьев-просветителей Кирилла и Мефодия после их смерти Константинопольский патриархат не поддержал начатую ими миссию: «Тогдашние многочисленные монастыри греческие могли бы поставить целые полки таких миссионеров. В несколько десятков лет они легко могли бы утвердить в христианстве и навсегда привязать к Восточной церкви все самые отдаленные ветви западных славян. Но греки предпочитали заниматься теоретическими тонкостями и политическими интригами. Гордые своею древнею письменностью и богатой цивилизацией, они пренебрегали, в ущерб самым насущным своим интересам, духовными нуждами своих ближайших союзников западных славян» [3, с. 356]. Совершенно аналогичным было и отношение к нашим предкам, восточным славянам. Косвенным подтверждением этого служит и тот факт, что «исторические свидетельства, удостоверяющие несомненное существование христианства и христиан в Русском государстве до времени равноапостольного Владимира, не разъясняют при этом обстоятельно вопроса не только о происхождении, но и о существовании в то время иерархии и священнослужителей. Византийские историки, рассказывающие о посольстве к русским епископа для крещения, также не говорят: кто именно был этот епископ, от кого и где он получил хиротонию... Известия русских источников, называя этого епископа Михаилом, также молчат о его происхождении» [1, с. 345].

Итак, остается лишь согласиться с выдающимся богословом и церковным историком протоиереем А. Шмеманом в том, что «официальная история православной церкви в России начинается с Владимира Святого» [10, с. 341]. Данный факт заставляет нас отметить особую

роль государственной власти в появлении церкви на Руси. Именно так понимал ее значение, например, автор одного из самых ранних русских литературных творений монах Иаков. «В своем сочинении “Память и похвала князю Владимиру” он давал ясно понять, что, не будь на Руси единовластия, не было бы и самого христианства» [7, с. 57]. Данное обстоятельство означает, что заветы «отца Российского, наставника нашего Владимира» [2, с. 182] относятся равно как к государству, так и основанной им церкви. Нельзя не заметить тот факт, что в своих богослужебных текстах Русская православная церковь видит в святом Владимире не только царя, но и духовного отца: «Якоже отец духовно, царь же чувственно, Российским людем был еси, Владимире...». Более того, проводится недвусмысленная аналогия с народным вождем и пророком Божиим Моисеем: «Веселится вечно светло сияющи гора Синайская, Моисейским освятившись законом, Невидимаго видевши. Светло же сияя, веселится и радуется великий град твой, Владимире: не яко во мраце, но яко в Дусе Сына со Отцем видя в себе славима. Его же моли, спасти и просветити души наша» [2, с. 182]. Там же, в последовании Миней, князь Владимир осмысливается не только как равный по своему апостольскому достоинству с императором Константином, но более того, уподобляется самому апостолу Павлу в своем избранничестве от “Христа, избравшего **тяяко втораго Павла**”» [2, с. 182]. И это не просто дань шаблону византийского литургического стиля. Без преувеличения, князь Владимир стал, подобно пророку Моисею, собирателем, вождем и законодателем, отцом новорожденного русского народа Божия, а уподобившись же апостолу Павлу, – учредителем церкви земли Русской. Очевидно, что данные богослужебные тексты отражают аутентичное восприятие первых русских летописцев. В их изображении Крещения Руси прослеживается недвусмысленная аллюзия на рождение ветхозаветного народа Божия через заключение Синайского завета. Не будет преувеличением утверждать, что сравнение Владимира с пророком Моисеем и апостолом Павлом переносит святого князя из временного церковно-исторического событийного измерения в вечностный контекст библейской и евангельской истории. Таким образом, мы видим, что избранным на-

родом Божиим, подобным в своем мессианском призвании народу израильскому, Новым Иерусалимом русские стали ощущать себя гораздо раньше, чем новым Римом и Константинополем.

В земном же смысле, вместе с рождением Церкви, в силу теократического единства, рождалось и новое Российское государство, ставшее через Крещение и европейским. Этому процессу политически способствовало и то, что «учрежденная великим князем для всей Руси церковь на протяжении всего существования удельной системы была единственной организационной структурой, охватывающей всю Русь, поддерживающей общенациональное единство» [7, с. 57]. Безусловно, утверждению этого единства способствовало христианское учение о Божественном происхождении власти, а значит, и ее единовластия, что было крайне важно в период междоусобной борьбы. Явным следствием укоренения в русском правовом сознании библейского отношения к власти стали, в частности, появившиеся уже в первое столетие нового христианского государства гражданские и одновременно нравственные нормы, изложенные в «Изборнике 1076 года»: «Князя бойся всею силою своею: несть бо страх его пагуба души, но паче научишися от того и Бога боятися... Небрежение же о властех – небрежение о самом Бозе... Бояйся Бога – боится и князя, им же казняться согрешающии. Князь бо есть Божий слуга к человеку, милостью и казнью к злым» [7, с. 242].

При этом замечательно то, что рецепированное русским правовым сознанием сакральное значение государственной власти в восприятии св. Владимира не простиралось на его власть над церковью и в область вероучения. В этой сфере церковь оставалась вполне самостоятельной. Более того, она имела право нравственного контроля и педагогического влияния на власть, в чем, по свидетельству «Жития Феодосия», заметную роль играло древнерусское монашество. В Киевский период и в начале периода «северно-русского» церковь была свободна от государства, поэтому она могла «требовать у носителей княжеской власти подчинения некоторым идеальным началам не только в личной, но и в политической жизни: верности договорам, миролюбия, справедливости...» [10, с. 352]. Высшая иерар-

хия с самого начала живо ощущала свое служение как нравственно-политическую миссию, в исполнении которой они видели свое христианское и государственное призвание и даже Богом данную цель служения русской церкви в Русском государстве: «Князь – мы посланы в Русскую землю Богом для того, чтобы удерживать вас от кровопролития», – служило девизом абсолютного большинства наших митрополитов и епископов» [5, с. 548].

В подобной привилегии нет ничего удивительного, так как сама легитимность государственной власти стала обуславливаться авторитетом независимой церкви. Однако необычным было то, по каким причинам церковь смогла оставаться независимой. Простое объяснение, как правило, дается в духе прот. И. Мейендорфа: «На практике, начиная с крещения св. Владимира и до приобретения церковной Московской митрополией независимости (1448), русский митрополит *в силу своего назначения из Константинополя пользовался большой независимостью* от местной политической ситуации и местных правителей. Эта независимость придавала его действиям и решениям основополагающее политическое значение» [11, с. 173].

Но так ли это на самом деле? Нет ли здесь очередного, вольного или невольного умаления личности святого Владимира? Можно ли игнорировать то, с какой деликатностью князь вел себя по отношению к русской церкви, им учрежденной? Жестокий в недавнем прошлом языческий правитель, привыкший решать свои проблемы с позиции силы, не поддавался актуальному во все времена соблазну сделать церковь «удобной и ручной помощницей» в управлении русским народом. Думается, не совсем правы те исследователи, которые объясняют факт независимости церковной власти в России от государства только ее экстерриториальным характером, подчинением иностранному Константинопольскому патриарху. Мы видим, каким принципиальным мог быть князь Владимир в отношении Константинополя, если вопрос крещения решался им, по сути, во время военной кампании против Византии, когда ему пришлось «завоевать христианскую веру и принять ее святыню рукою победителя» [6, с. 129]. А что же мешало ему впоследствии поступать по тому же сценар

рию? Как известно, святой Владимир не тотчас обратился в Константинополь с просьбой о предоставлении на Русь епископов и священников. Сначала он захватил из пленного Корсуня местный клир «попов корсунских и царичинских» вместе с необходимой церковной утварью. Затем при их участии стал организовывать и совершать первые крещения в Киеве и остальных городах. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т. Барсов полагает, что «Владимир, крестившись сам и готовясь приступить к крещению всего русского народа», самостоятельно осуществлял задуманное, заполучив в Корсуне все необходимым для этого. Следовательно, «нет оснований думать, чтобы Владимир для этой цели входил в какие-либо сношения с Византией; гораздо естественней предположить, что Владимир как победитель обошелся без всяких сношений с Византией по этому предмету» [1, с. 354]. И только впоследствии, что, впрочем, произошло довольно скоро, он, осознав малочисленность Корсунской иерархии для крещения всей Руси и устройства полноценной церкви, вынужден был обратиться в Константинополь с посольством и просьбой о предоставлении постоянной византийской иерархии. «Таким образом, – завершает свою мысль ученый, автор исследования о власти константинопольского патриархата над русской церковью, – занимающий нас вопрос о появлении полной, отдельной и самостоятельной иерархии русской церкви должен быть разрешен так: полная иерархия в русской церкви явилась лишь в то время, когда христианская вера, утвердившись в Киеве, начала проникать и в другие области государства, и когда Владимир, убедившись на опыте в недостаточности вывезенных из Корсуня средств для полного насаждения христианской веры в своей стране, по смерти первого сподвижника своих просветительских трудов – корсунского архиепископа, принужден был обсудить и разрешить общий вопрос о дальнейшем существовании и управлении основывавшейся церкви на твердых и законных началах свойственного ей строя и порядка. Определяя хронологически этот момент, мы должны положить его между 990–992 годами» [1, с. 359].

Итак, важно отметить, что, несмотря на явную государственную волю и суверенную

властную инициативу в деле Крещения, лишь глубоким принятием евангельского идеала князем Владимиром, а вовсе не рациональным политическим расчетом объясняется тот удивительный факт, что «в отношениях церкви и государства мы тоже видим почти небывалую в истории православия гармонию, причем в начале киевского периода византийская симфония почти очевидно действует под знаком влияния церкви, не государства. Уже Церковный устав Владимира Святого значительно расширяет по сравнению с византийскими сферу церковного суда – ему переходят, например, все семейные дела, дабы церковь могла успешнее действовать на перерождение общества. Еще важнее постоянное принятие князьями советов, руководства, наставления от церкви, признание в ней авторитета совести» [10, с. 346].

Совершенно очевидно, что состоявшееся признание за церковью авторитета совести облеченным властью князем стало возможным только в свободном акте веры, добровольном

принятии, но вряд ли в силу подчиненности церкви Константинопольскому патриархату и даже императору Византии, отдаленной от Русских земель на расстояние полугодового пути. Возьмем на себя смелость утверждать, что в истории православной церкви вообще не было случая, чтобы ее независимость от государства была достигнута по принуждению самой церкви. Чем же тогда был на самом деле обусловлен авторитет православия на Руси? Как смогла церковь заслужить высокое доверие власти и народа? Ответ на эти вопросы снова возвращает нас к личности святого Владимира. Ведь именно он придал первый импульс и направление совместного с государством развития молодой русской церкви, определил ее образ в глазах народа. Как представляется, этим образом стал теократический идеал социально понятного, достигаемого в стремлении к осуществлению Правды Божией Царства. Данный идеал и стал метафизической и подчиненной ей политической основой взаимных отношений государства и церкви в России.

Литература

1. Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878.
2. Будовниц И. У. Изборник Святослава 1076 года и его место в истории русской общественной мысли // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1954. Т. X.
3. Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI, XVII веках: ист.-лит. и культ. очерки // Славянский сборник. СПб., 1876. Т. I.
4. Выступление святейшего патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора // Русская православная церковь: официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html>.
5. Голубинский Е. История русской Церкви. М., 1901.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1.
7. Костюк К. Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. СПб., 2014.
8. Миняя. Июль. М., 2002. Ч. 2.
9. Послание святейшего патриарха Кирилла в связи с 1000-летием преставления свято-

Bibliography

1. Barsov T. Patriarch of Constantinople and his power over the Russian Church. St. Petersburg, 1878.
2. Budovnit I. Izbornik Svyatoslav 1076 and its place in the history of Russian social thought // Proceedings of the Department of Old Russian literature. Moscow-Leningrad, 1954.
3. Prominent West Slavic education in the XV, XVI, XVII centuries: istor.-lit. and cult. essays // Slavic collection. St. Petersburg, 1876. Vol. I.
4. Address by His Holiness Patriarch Kirill at the opening of XVII World Russian People's Council // Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html>
5. Golubinsky E. History of the Russian Church. Moscow, 1901.
6. Karamzin N. M. History of Russian government. Moscow, 1989. Vol. 1.
7. Kostyuk K. N. The history of social ethical thought in the Russian Orthodox Church. St. Petersburg, 2014.
8. Mine. July. Moscow, 2002. Part 2.
9. Message of His Holiness Patriarch Kirill in connection with the 1000th anniversary of the repose of the holy Apostolic Prince Vladimir//

го равноапостольного великого князя Владимира // Русская православная церковь: официальный сайт Московского патриархата. 2015. 21 января. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957843.html>.

10. Шмеман А. (прот.). Исторический путь православия. М., 1993.

11. Мейендорф И. (прот.). Рим – Константинополь – Москва. М., 2005.

12. Христианство в России до Владимира святого // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 5.

Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957843.html>.

10. Schmemmann A. (prot.). The historic path of orthodoxy. Moscow, 1993.

11. Meyendorff I. (prot.). Rome–Constantinople–Moscow, 2005.

12. Christianity in Russia to st. Vladimir // Journal of the Ministry of national education. 1876. № 5.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Автору статьи по его запросу может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке очереди очередности.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**